

БОЛЬШОЙ РОМБИТ

Ρομβίτης μέγας

Εϊσκ

2010

**Архивный отдел администрации муниципального образования
Ейский район
Ейское отделение Российского общества историков - архивистов**

БОЛЬШОЙ РОМБИТ

**Сборник статей по истории и исторической географии
Восточного Приазовья**

Ейск, 2010

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Ейского отделения

Российского общества историков - архивистов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: кандидат географических наук Ю.В. Артюхин – председатель, Ю.В. Блануца, кандидат исторических наук Н.Б. Родионова, Л.А. Мясникова, Н. Н. Шлыков.

Составитель сборника кандидат географических наук,
старший научный сотрудник Ю.В. Артюхин

Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность Н.Н.Шлыкову, Е.А.Рудиковой, Е.А.Крутько, А.В.Деряженцовой, Е.А.Состиной, без финансовой и организационной поддержки которых сборник не появился бы в свет.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Ранняя история Восточного Приазовья	
Масловский А.Н. Северо-Восточное Приазовье в VII-XIV вв.....	11
Заселение Приазовья русскими	
Артюхин Ю.В. Океанологический фон противоборства России и Турции за обладание устьевой частью р. Дон.....	19
Федотова Т.А. Приазовье между доном и ей. Конец XVIII-начало XIX вв.....	26
Переселение черноморских казаков	
Рябинский С. В. Основные этапы эволюции запорожского войска и переселения разных его формирований в XVIII в.....	38
Грибовский В.В. Запорожские рыбные промыслы в Восточном Приазовье.....	61
История Ейска и поселений Ейской округи	
Родионова Н.Б. Порт и железная дорога как факторы исторического развития Ейска в период с 1848 по 1914 гг.....	71
Найденова И.А. Градоначальник В.В. Ненашев.....	88
Родионова Н.Б. Социокультурный облик города Ейска конца XIX - начала XX в.	99
Родионова Н.Б., Филонова Н.Я. Возникновение немецких колоний в Ейской округе во второй половине XIXв.....	116
Гальченко О.В. История храмов ст. Должанской.....	121
Дискуссии	
Соловьев В.А. Святое место «Черный брод».....	125
Амельченко В.М. Альтернативный взгляд на историю «Черного брода и Карантинного редута»	128
Мясникова Л.А. Казачество в истории Ейского Приазовья и в современном развитии города.....	133
Исторические экспедиции	
Мясникова Л.А., Шлыков Н.Н., Блануца Ю.В. По следам Черноморского войска.....	136
Артюхин Ю.В., Крыкбаев Т.Р. Находки исторических артефактов в волноприбойной зоне Азовского моря.....	150
Архивные собрания	
Артюхин Ю.В. Собрание документов Азовской и Новороссийской губерний в составе Днепропетровского областного исторического архива.....	155
Родионова Н.Б. Документы по ранней истории Ейска в составе коллекции архивного отдела администрации муниципального образования Ейский район	161
..	
Сведения об авторах	

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Большой Ромбит» содержит статьи, посвященные истории и исторической географии обширной территории южного побережья Таганрогского залива и восточного побережья открытой части Азовского моря. Сборник назван «Большой Ромбит» с целью показа вовлечения Ейского региона в сферу античной колонизации. Но и для последующих эпох была характерна общность исторического развития обширной территории между Танаисом (Доном) и Малым Ромбитом, которым называлась устьевая область р. Бейсуг (ныне Бейсугский лиман). Географ античного времени Страбон, описывая географическую и экономически важные для мореплавателей того периода пункты, отмечал: «В прибрежном плавании этом, на расстоянии 800 стадий от Танаиса, находился так называемый Великий [Большой] Ромбит, в котором много рыбных заводов и торговля солеными рыбами». Эта цитата приведена из доклада Д.Ф. Жаринцева на V археологическом съезде в 1881 г., тогда как на предыдущем, III археологическом съезде в 1874 г., крупный российский археолог И.Е. Забелин устье р. Еи и, вероятно, только начинавший формироваться в I в.н.э. Ейский лиман называл Большой Ромбит. Этой же транскрипции придерживался и М.О. Поночевный, в 1891 г. опубликовавший работу «Географический очерк Босфорского царства» на основе детального изучения подлинных текстов античных авторов. Слово Ромбит производное от греческого ромбос. Некоторые историки считают, что такое название присвоено из-за обилия в устьевой зоне ПалеоЕи камбалы, тело которой имеет ромбовидную форму. Камбала могла водиться в эпоху Страбона, на фазе трансгрессивного роста уровня и, следовательно, повышенной солености вод Таганрогского залива и устьевой части р. Ея. Однако в регрессивную фазу в VI-I вв. до н.э., когда наблюдался расцвет античной колонизации Приазовья, Таганрогский залив представлял собой узкую долину р. ПалеоДон, а Ейский лиман - долину р. ПалеоЕя. Это означает, что на всем пространстве залива господствовали речные, пресноводные условия. Соответственно, камбалы на ранних фазах греческой колонизации Азовского побережья в этом регионе просто не было. Скорее всего, как грекам, так и римлянам конфигурацию ромба напоминали очертания развивающихся Ейского и Бейсугского лиманов, внешняя, морская часть которых была увенчана конусами выноса треугольной формы. Если бы «рыбный» генезис топонима был основным, то название Большой и Малый Ромбит сохранились бы как минимум до итальянской колонизации побережья в средние века.

В среде краеведов Приазовья утвердилось представление о побережье Ейского лимана и Ейского полуострова как своеобразном «историческом тупике», на котором не происходило сколь-нибудь заметных событий. Думается, что это глубокое заблуждение, обусловленное минимальным уровнем историко-археологического изучения региона. Не только краеведы, но и историки не имеют адекватного представления о том, какую сложную эволюцию претерпели берега и дно Таганрогского залива в течение последних двух тысяч лет. Между тем, известные многим подводные и надводные препятствия для мореплавания - косы Долгая и Ейская, отмель косы Сазальникской, отмели и осушки Песчаных островов не всегда имели морфологию, близкую к современной. Анализ геологических разрезов и палеогеографических данных дает основание предполагать, что в античное время, даже на фазе трансгрессивного подъема уровня моря, основные трассы мореплавания пролегли не вдоль северного побережья Таганрогского залива, как ныне, а вдоль южного. Коса Долгая поначалу состояла из двух небольших кос, прижатых к берегу. Они развивались в ветровой «тени», образуемой мысом Обрыв, выступавшим в акваторию залива гораздо дальше, чем в настоящее время. На пике трансгрессии, примерно в I в.н.э., не существовало длинного тела косы Долгой, подобного нынешнему. Вместо него на дне развивалась промежуточная древняя дельта Дона. Она возникла на том этапе эволюции моря, когда его воды еще не вторгались в долину р. Дон, позже превратившуюся в Таганрогский залив.

В предисловии нет возможности даже кратко охарактеризовать процессы, приведшие к такой эволюции рельефа берегов и дна. Отмечу лишь, что подводный конус в средние века, при снижении уровня моря до современных отметок, вышел на дневную поверхность, образовав

большой остров, не связанный с упомянутыми палеокосами в пределах нынешнего корня косы Долгой. Именно этот остров, благодаря трудной доступности для варваров, широко использовался итальянскими мореплавателями для обустройства порта и торговой фактории.

В отличие от строения берега и подводного склона, структура ветров и волнений за последние 2 тыс. лет кардинально не менялась. Это означает, что восточные и северо-восточные штормы, нередко длящиеся по 12-15 суток кряду, неизбежно должны были заставлять древних мореплавателей укрываться от непогоды в акваториях ПалеоЕйского и ПалеоБейсугского лиманов. Других естественных укрытий на этом пути от Малого Ромбита до Танаиса просто не существовало. Но из сказанного следует, что и эти берега естественных убежищ должны были использоваться, а возможно и обустраиваться античными мореплавателями, воинами, купцами хоть в какой-то степени. Это означает, что на дне Ейского лимана и в толще отложений Ейской косы могут быть обнаружены весьма интересные находки, способные дать качественно иное представление о колонизации берегов лимана и Ейского полуострова в античную и средневековую эпохи.

Открывает сборник статья археолога А.Н. Масловского. Давно и серьезно занимаясь раскопками в г. Азове, дельте р. Дон и окрестных местностях, А.Н. Масловский восстанавливает важнейшие черты развития оседлых поселений в средние века. Обращает на себя внимание выявленная автором приуроченность поселений разных рубежей средневековья к овражно-балочной системе побережья. По всему видно, что обнаруженные в пределах Ростовского Приазовья археолого-исторические закономерности по логике вещей должны были бы проследиваться далее на запад, по крайней мере, до западного мыса косы Долгой, а возможно и до Малого Ромбита – Бейсугского лимана. Но эту эстафету познаний не подхватывает Краснодарский край, где уровень археологических исследований, особенно в северо-западной части правобережья Кубани, явно недостаточен.

Замечательным исследованием истории возникновения и топонимики населенных пунктов между дельтой Дона и Ейским лиманом является статья Т.А. Федотовой. Проведенная автором большая работа с архивными документами позволила показать не только важнейшие черты освоения русскими побережья Таганрогского залива в пределах Ростовской области, но и содействовать расширению представлений о русской колонизации побережья Сазальнико-Глафиоровского полуострова, ныне входящего в состав Краснодарского края. Эта территория кубанскими исследователями, насколько известно, детально почти не изучалась. Представленная статья Т.А. Федотовой является лишь небольшим срезом серьезной многоплановой работы, которая должна воплотиться в полноценную монографию. Обращаем на это внимание, поскольку такая книга будет иметь несомненную значимость для познания истории правобережья Кубани и Приазовья, Кубанской области.

Составителем настоящего сборника подготовлена статья, позволяющая несколько более пристально, чем это было свойственно ранее, рассмотреть вклад некоторых природных процессов в противоборство между российской и османской империями за обладание восточной частью Таганрогского залива.

На этапе разработки макета сборника предполагалось, что ранняя история освоения Восточного Приазовья будет рассмотрена несколько более детально. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин некоторые ростовские и кубанские исследователи не смогли своевременно подготовить и предоставить соответствующие материалы.

Важным аспектом освоения Россией Приазовья являлось переселение войска Черноморских казаков. Открывает этот раздел статья С.В. Рябинского. Работа является компилятивной, в основном базирующейся на классических исследованиях Д.И. Эварницкого, А.А. Скальковского и В.А. Голобуцкого. Под влиянием первых двух авторов С. Рябинский переносит в свой текст элементы романтизации демократических устоев в истории Запорожского войска. Дело в том, что демократические начала обеспечивались огромной ролью «серомы» в условиях постоянных боевых действий войска против татар, турок и польского шляхетства в XVI-XVII вв. По мере замещения военной добычи в войсковой казне доходами от рыбной ловли, скотоводства и иных

мирных отраслей хозяйства удельный вес голосов «серомы» при решении важнейших вопросов стал неуклонно падать. Старшина же получила большую свободу действий, в том числе и в части увеличения собственных доходов. Не зря В.А. Голобуцкий обращал на это особое внимание, доказывая, что имущественное расслоение казачества началось до первого, не говоря уже о втором «разгроме» Сечи: «О размере, а отчасти и о характере хозяйства крупного старшинского зимовника можно судить на основе различных данных, в частности, сведений об имуществе группы старшин, конфискованном правительством в 1775 г. Речь идет о сохранившихся описях имущества кошевого атамана П.И. Калнишевского, войскового судьи П.Ф. Головатого, войскового писаря И.Я. Глобы, войсковых старшин Пишмича, Кулика, Куция и др. В зимовниках Калнишевского описано: 639 лошадей разного возраста, 9 верблюдов, 3 осла, 1076 голов крупного рогатого скота разного возраста, 14045 овец и коз, 106 свиней. В зимовниках Глобы значилось 336 лошадей, 889 голов крупного рогатого скота, 12463 овцы и козы, 86 свиней. В зимовнике Гараджи – 43 лошади, 167 голов крупного рогатого скота, 2700 овец и коз. Общая стоимость указанного имущества Калнишевского, не считая свиней, была официально определена в 38718 руб., Глобы – 31267 руб. и Гараджи – 5830 руб. Нужно добавить, что здесь не учтено другое имущество, например водяные мельницы Калнишевского и Глобы, а также их довольно крупные денежные капиталы. Калнишевский, например, был так богат, что незадолго до разрушения Сечи мог выстроить в одной из запорожских слобод церковь. То же можно сказать и о многих других старшинах» (Голобуцкий, 1956, с. 56).

Нетрудно предположить, что по мере обогащения старшины и ее отдаления от законов «лыцарства», могли возникать предпосылки для подкупа казачьей верхушки врагами Российской империи. В 1767 г. в Малороссийскую коллегию пришел донос от полкового старшины Павла Савицкого на кошевого атамана П.И. Калнишевского. В 1766 г. кошевой вернулся домой от графа П.А. Румянцева, председателя этой коллегии. Запершись в спальне, П.И. Калнишевский сказал своему писарю: «Как видно, нечего надеяться на них, а надобно отписать к турецкому императору и, выбрав в войске добрых 20 человек, послать с прошением принять в турецкое покровительство: а в войско напишем, чтоб все в готовности и исправности были к походу; напишем, что если великороссийская или гусарская какая-либо команда в запорожские дачи войдет, то чтоб ни одного человека не впустили в границу, а если б и стали насильно входить в дачи запорожские, то поступили бы с ними как с неприятелями» (Соловьев, 1965, т. 14, с. 45-46). На тот раз ход доносу не был дан, но власти стало очевидно, что имущественные поощрения старшины являются самым надежным способом «привязки» казачества к интересам Российской империи. Ведь от своих земель, недвижимости и скота так просто не убежишь. Именно поэтому даже после второго разгрома Сечи власти поощряли ходатайства старшины о выделении им земельных наделов в Новороссийской губернии.

Имущественное расслоение уже к моменту переселения Черноморского войска на Кубань достигло такого размаха, что не только старшина, но и богатые казаки считали зазорным для себя участие в походах, дозорах. Возник удивительный феномен посылки вместо себя на службу наемных воинов. Но по мере возрастания роли такой замены, казачество все более нуждалось в привлечении беглого люда. Парадоксальность ситуации состояла в том, что заслуги казачества в войнах, которые вела Россия, были несомненны. Однако доблесть проявляли одни, в основном малоимущие, а ее плодами пользовались иные, прежде всего верхушка казачества.

Еще одним способом поощрения старшины было присвоение отличившимся офицерских званий. Но после разгрома Новой Сечи это обстоятельство сыграло негативную роль в истории Черноморского войска. Получая от царского правительства земли в собственность, казачьи офицеры фактически становились помещиками. Ранее практиковавшийся наем «серомы» на работу к богатым казакам и старшинам в новых условиях неожиданно привел к их закабалению. При проведении переписи новоявленные помещики вписывали в ревизские сказки нанявшихся к ним на работу вольных казаков в качестве своих холопов. В итоге к моменту начала переселения Черноморского войска на Кубань под властью помещиков оказалось большое число не только семей

и родственников, но и строевых казаков. Вероятно, именно поэтому так долго и сложно происходил процесс формирования отдельных колонн, перемещавшихся из Приднестровья на Кубань. Да и позже этот факт сыграл весьма негативную роль в формировании социальной структуры Кубанской области. Некоторое представление об этом дают два документа. Осенью 1793 г. генерал майор С.С. Жегулин выдал предписание З. Чепега: «... ради обеспечения тамошних пределов и безопасности последующия Черноморским казакам и, как полки начальства Его Сиятельства [речь идет о А.В. Суворове], имеют употреблены в другие таковые же построения, то для произведения работ при помянутой Фанагорийской крепости назначил Его Сиятельство черноморских казаков, потому и требовал предуведомить войсковое Черноморское правительство, так предполагается начало работ открыть с 1-го числа будущего месяца, чтобы к тому числу приуготовлено было рабочих людей от трех тысяч до трех тысяч пятисот человек» (ГАКК ф. 249, оп. 1, д. 206, лл. 3-3 об). В ответе З. Чепега доносил, что «... прибывшие в пустые места и позднее пришествие сего лета казаки настолько устали переездом и обустройством, что едва успеют для жен и детей на зиму землянки построить».

Кроме того, многие из них, как замечал Чепега, разъехались по разным местам Малороссии для покупки и прокормления своих семейств и состоящих на пограничной страже казаков хлеба. Да две тысячи казаков стоят на Кубани от Лабинской укрепленной линии до Черного моря на бдительной страже от набегов закубанских народов. Лишь небольшая часть оставалась для сбережения казенной флотилии, а многие были распущены для вывода своих семейств на сию землю, пока еще не возвращались» (Захаров, Малахов, 2002, с. 242).

З. Чепега, видимо, дипломатично умолчал о подлинных причинах отъезда многих казаков на Украину и Приднестровье. Много сил и средств они тратили на вызволение своих семей из помещичьего «полона». Без семей казакам крайне трудно было нести службу на необжитых местах. Эти и многие другие обстоятельства, скудно описываемые кубанскими историками, необходимо учитывать, рассматривая сложную историю перехода Черноморского войска на Кубань и его участия в защите южных рубежей России от вражеских набегов.

Недостаточный учет отмеченных аспектов не умаляет значимости статьи С.В. Рябинского для широкого читателя, поскольку она дает несколько более широкую и полную картину истории Черноморского войска и его переселения на Кубань, чем это освещается в хрестоматийных работах Г. Короленко и Ф.А. Щербины, некоторых современных авторов. Особый интерес представляют данные о судьбах черноморцев, случайно или осознанно не переселившихся на Кубань вместе с колоннами Чепеги, Белого, Головатого, Юзбаша и др.

С большой признательностью редколлегия отмечает участие в сборнике украинского исследователя, кандидата исторических наук В.В. Грибовского. Автор показал историю освоения запорожцами рыбных промыслов Восточного Приазовья. Он впервые рассмотрел роль Ейских кос в формировании сложного этнического состава населения этого региона. В.В. Грибовский широко использовал не только украинские архивы, но и архивы Краснодарского края, обеспечивая солидную документальную основу для своих исторических построений.

Важное место в сборнике занимают материалы, посвященные истории возникновения и развития портового города Ейска. Город сыграл существенную роль в экономическом развитии как Южного Приазовья, так и Кубанской области, обеспечив перевалку зерновых и иных грузов в страны Средиземноморья. Ейскими и краснодарскими историками и краеведами принято отсчитывать историю Ейска с 1848 г., с момента подписания Указа Николая I. Между тем, как справедливо отметил в газетной статье в августе 1988 г. почетный гражданин города, профессор, Действительный член Горной Академии наук Е.А. Котенко, существует и более ранний этап развития города, по крайней мере исчисляемый с 1778-1779 гг. В этот период был построен земляной редут в урочище Чебаклея, располагавшемся у корня Ейской косы. Редут с постройками имел также название «Ханский городок». По замыслам верховной власти Империи здесь предполагалось разместить ставку принца крови, хана Шагин-Гирея, утратившего поддержку в Крымском ханстве.

Представляется вполне логичной и обоснованной точка зрения Е.А. Котенко, согласно

которой город претерпел длительную эволюцию, зародившись поначалу в 1774 г. в облике земляного редута на высоком берегу при впадении р. Еи в Ейский лиман. В отмеченной газетной статье профессор обращал внимание на очевидную истину – миграцию населения и торгового люда от первого русского укрепленного городка (Ейского Укрепления) на границе России и Турции до города Ейска. Ейское Укрепление – первый земляной редут, возникший по условиям Кучук-Кайнарджийского мира на рубеже двух империй, помимо военного имел огромное торговое значение. Историками отмечается активное участие армянских, еврейских и турецких купцов в приграничной торговле. Именно для обеспечения безопасности торговли русским командованием отводился специально обустроенный палисадом участок по соседству с русским укреплением. Куда могла переместиться эта масса торгового люда по мере утраты значимости Ейского Укрепления? Да только под стены редута Чебаклея, туда, где возник новый центр силы. Высказанная Е.А. Котенко концепция весьма перспективна, хотя и требует подтверждения на основе детального анализа архивных источников. Вполне возможно, что некоторые детали этого сложного социально-экономического феномена могут содержаться в переписке подполковника Ляшкевича, хранящейся в Днепропетровском государственном архиве.

Н.Б. Родионова в одной из статей рассматривает важнейшие черты экономического развития города на разных этапах становления портового комплекса и строительства железнодорожной ветки, связавшей Ейск с Владикавказской железной дорогой. В другой статье ею показана эволюция социокультурного облика Ейска. Основой для их написания послужили данные скрупулезного изучения документов в фондах ГАКК.

Статья Н.Б. Родионовой и Н.Я. Филоновой посвящена истории возникновения немецких колоний, по замыслу графа Воронцова призванных не только обеспечить портовый город сельскохозяйственными продуктами, но и способствовать повышению уровня земледельческой культуры на севере Кубанской области. Являясь ярким англоманом и, следовательно, сторонником передовых способов хозяйствования, Воронцов понимал обреченность экстенсивного способа сельскохозяйственного производства, который так привился в казачьей среде.

Научным сотрудником Ейского музея И.А. Найденовой исследуется вклад городского головы В.В. Ненашева в социально-экономическое развитие городского хозяйства. В.В. Ненашев являлся одним из наиболее выдающихся деятелей местного самоуправления.

Заметное место в жизни Ейска и его окружи играли как православные храмы, так и протестантские приходы. О.В. Гальченко рассматривает историю храмов ст. Должанской. Представляется весьма актуальным в дальнейшем введение в научный оборот данных по храмам и в других населенных пунктах Ейской округи.

На этапе разработки макета настоящего сборника статей предполагалось привлечь к участию московского историка, старшего научного сотрудника МГУ Е.А. Агееву. Длительное время она собирала данные о роли Ейска в развитии старообрядчества на юге России. По ее представлениям, в Ейске одно время даже скрывался епископ, руководивший службой старообрядческой общины обширного Доно-Кубанского региона. Однако этим материалам не суждено было появиться на страницах сборника.

Особое место в сборнике отведено дискуссии об историческом значении так называемого «Черного брода» через р. Ея. Фактически первым, кто обратил внимание на значимость этого места для истории русской колонизации Приазовья, был краевед В.А. Соловьев. Он опубликовал соответствующую статью в газете «Вольная Кубань». Учитывая принципиальное значение этой темы для Ейского региона, редколлегией сочла необходимым поместить газетную статью в сборнике в целях ее закрепления в краеведческом обороте. Эту же тему, но несколько с иных позиций, исследует В.М. Амелеченко.

В разделе дискуссии помещена статья Л.А. Мясниковой, посвященная рассмотрению некоторых концептуальных аспектов современной роли казачества. Поднимаемые автором вопросы остры и весьма злободневны. Основной пафос статьи – восстановление казачьей культуры необходимо не только в интересах будущего развития подрастающего поколения, но и в интересах

сохранения самобытности Кубанской культуры. При этом, в определении статуса казачества, автор делает вывод, что казачество это критерий скорее духовного понимания, чем национального или территориального.

Настоящий сборник формировался в рамках работы Ейского отдела общества историков и архивистов. Члены общества проводят познавательные экспедиции и экскурсии, полевые работы. В статье Л.А. Мясниковой, Н.Н. Шлыкова и Ю.В. Блануцы отражены историко-краеведческие впечатления от нескольких экспедиций по следам Черноморского войска.

В статье Ю.В. Артюхина и Т.Р. Крыкбаева обращено внимание на процесс постоянного накопления в волноприбойной зоне Азовского моря разнообразных исторических артефактов. Авторы не претендовали на историческое исследование, а пытались лишь на качественном уровне обратить внимание на этот феномен. Профессиональное изучение предметов старины, отмываемых морем из толщ береговых пород, может обеспечить более глубокое познание хотя бы некоторых сторон исторического развития Ейского Приазовья.

Завершают сборник две статьи, дающие краткую характеристику собраний документов Днепропетровского областного архива и материалов по истории Кубанской области, в последние годы скопированных в ГАКК и помещенных в составе документов Ейского муниципального архива.

Старший научный сотрудник,
кандидат географических наук
Ю.В.Артюхин

Ранняя история Восточного Приазовья

А.Н. Масловский

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ В VIII-XV ВВ.

В исторической науке зачастую степи Восточной Европы эпохи средневековья рассматриваются как регион, где безраздельно господствовали кочевники. Между тем в Северо-Восточном Приазовье археологические памятники кочевников достаточно малочисленны. Микрорегион, включающий в себя долины рек Кагальник и Мокрая Чубурка, устье Дона и юго-восточное побережье Таганрогского залива в эпоху средневековья дважды переживал периоды интенсивного развития оседлой жизни. Оба раза это было связано с существованием на территории степи крупных государственных образований и после их гибели оседлая жизнь здесь практически прекращалась. В VIII-сер. X вв. таким государством был Хазарский каганат. В сер. XIII-XV вв. развитие оседлости обуславливалось вхождением его в состав Золотой Орды, где он стал частью округа крупного провинциального города Азака. После гибели Золотой Орды оседлая жизнь за пределами Азовской крепости получила возможности для развития только в конце XVIII в. после присоединения этих земель к России.

На настоящий момент известны уже многие десятки поселений этого периода и их число ежегодно растёт. Это, однако, не говорит о хорошей изученности района. Практически все эти поселения известны исключительно по материалам сборов, зачастую однократных. Шурфовки были сделаны только на поселениях Новомаргаритовское, Платоно-Петровское, Узак и Узак 3. На территории поселения Узак исследовался грунтовый могильник XII-XIII вв., единичные грунтовые погребения были раскопаны на могильнике Чумбур-коса, на территории с. Павло-Очаково и Кагальник известны и отдельные погребения этого периода в курганах. Такая малая степень изученности тем более огорчительна, что большая часть поселений на морском побережье и в устье Дона за последние десятилетия очень сильно пострадала от береговой эрозии и в ближайшие 10-20 лет будут уничтожены практически окончательно.

В научный оборот материалы этих поселений введены очень слабо [1-2]. Особенно это заметно при сопоставлении с памятниками Северного побережья Таганрогского залива [3-4]. Между тем, несмотря на малочисленность имеющихся материалов их анализ не только возможен, но и в настоящее время совершенно необходим.

Прежде всего, следует остановиться на особенностях топографического местоположения поселений. На побережье моря поселения располагались рядом с устьями всех балок, по которым был возможен спуск к морю. Даже если в настоящее время в результате береговой эрозии спуск по ним стал невозможен, тем не менее, и вдоль этих балок могут быть обнаружены остатки средневековых поселений. Особняком здесь стоит центральная часть Новомаргаритовского поселения, расположенная на небольшом всхолмлении вытянутом вдоль берега моря между руслами Мокрой Чубурки и Сухой Чубурки. С напольной стороны она окружена заболоченными участками.

В устье Дона поселения можно найти практически на любом участке вдоль берега, который возвышается над современным руслом реки Дон хотя бы на 1 м и даже ниже. Ясно, что при сильных паводках или сильных нагонных наводнениях их территория должна была затопляться. Часть из этих поселений, вероятно, была сезонными, но находка на одном из них (Узак) грунтового могильника показывает, что низменное местоположение не было непреодолимым препятствием для их жителей.

Весьма густо были заселены берега долины Кагальника. Большинство поселений расположено в нижней части берегового склона, совсем рядом с границей поймы, однако из этого правила есть исключения. Поселения отсутствуют только на участках с очень низким и пологим береговым склоном, как например, между селами Петровка и Платоно-Петровка или с высоким обрывистым, а также слишком крутым береговым склоном, как например, между селами Мило-Яковлевка и Высочино. Также весьма плотно была, видимо, заселена долина Мокрой Чубурки. Однако она исследована значительно хуже.

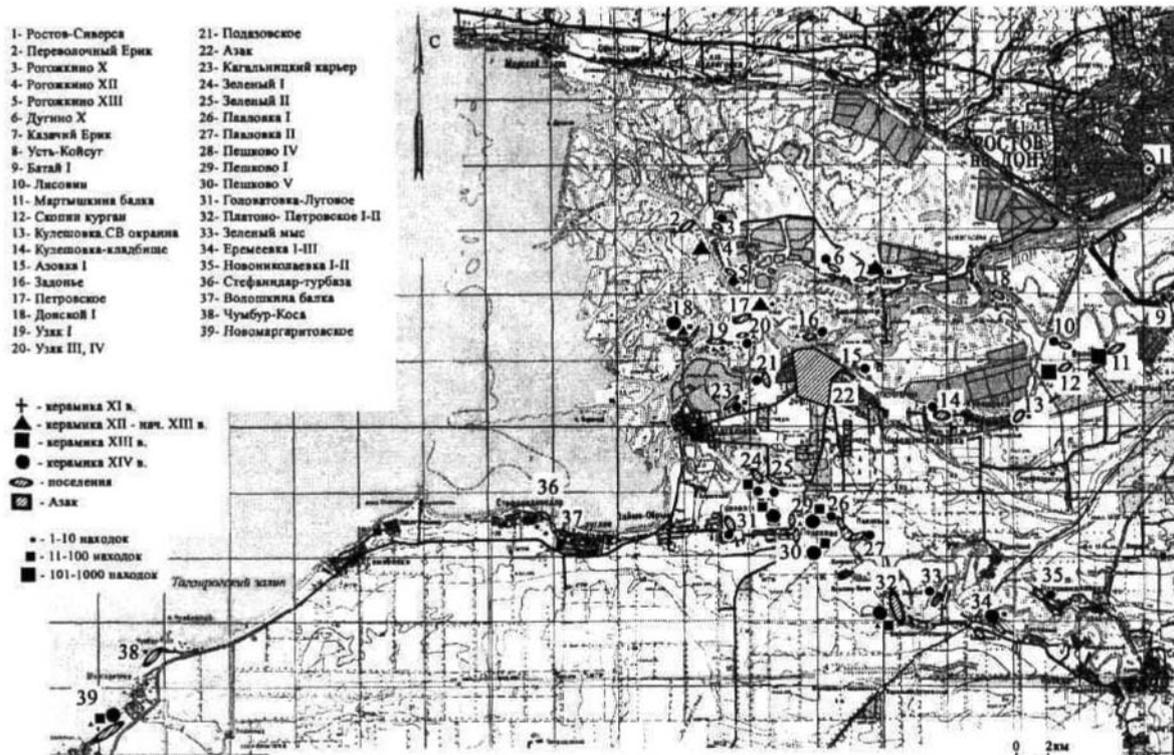

Рис. Схема расположения важнейших объектов археологических исследований и характерные типы артефактов

Поселения двух хронологических периодов VIII-X и XIII-XIV вв. очень существенно отличаются друг от друга практически по всем признакам. И далее их следует рассмотреть отдельно.

В VIII-X вв. весь исследуемый район был сплошь покрыт густой сетью поселений, преимущественно мелких. Это наиболее многочисленная группа памятников археологии на территории Азовского района в целом. Их настолько много, что это даже делает затруднительным их картографирование. В любом месте на побережье, где скот мог спуститься к воде, можно найти фрагменты керамики этого времени. В пределах дельты Дона поселение есть на каждом самом небольшом возвышении. Находки есть даже на о. Джулька на самой границе моря и дельты реки. В долине Кагальника поселения фиксируются практически через 1-2 км, а иногда и чаще. Также многочисленны они в долине Мокрой Чубурки. Есть они и на высоких участках водоразделов и в отделении от моря на склонах крупных балок, таких как, например, Грекова Чубурка. Они известны достаточно давно. Значительная их часть стала известна в результате разведок С.А. Плетневой.

С лёгкой руки Светланы Александровны за памятниками подобного типа закрепилось названия «обитаемая полоса» [5, с.15, 195]. В рассматриваемом районе ею было выделено три таких «обитаемых полосы» - Новомаргаритовка, Семибалка, Стефанидин Дар. В её интерпретации данные памятники – это остатки сезонных кочевий. Поскольку места стойбищ не были строго фиксированными, а незначительно изменялись год от года, в результате и образовывались большие по площади памятники с очень немногочисленным подъёмным материалом, встречающимся сплошь, без каких либо интервалов. Для памятников такого типа, по мнению С.А. Плетневой, характерно отсутствие культурного слоя и незначительное число находок. Кочевники приходили сюда на сезон с апреля по июнь. В это время степь здесь богата кормами и в это же время происходит нерест рыбы, которая подходит в это время близко к берегу. Таким образом, по мнению С.А. Плетневой, в хозяйстве кочевников обитавших в Приазовье сочетался выпас скота и лов красной рыбы.

Особо ею было выделено кочевье у Чумбурской косы, которую она смешивает с устьем реки Чумбурки, хотя между ними достаточно значительное расстояние. По её мнению, это наиболее длительное время функционирования кочевья. По её данным, здесь есть материалы с VI по X вв. Но слой не зафиксирован ею и здесь.

Такая концепция не может не вызвать ряд возражений. Во-первых, наблюдений и материалов, полученных в ходе однократных разведок, явно недостаточно для установления характера памятников. Многолетние наблюдения показывают, что например на Новомаргаритовском поселении есть и культурный слой, и значительно число хозяйственных ям этого периода. Неясно, как можно без вскрытия раскопками значительных площадей определить характер построек.

Во-вторых, нельзя говорить об отсутствии интервалов в распределении находок. Границы отдельных памятников можно всё же установить достаточно чётко. В-третьих, как правило, на этих же памятниках присутствуют слои и других хронологических периодов, а кости рыб не столь уж многочисленны. Установить взаимосвязь их именно с поселениями VIII-X вв. путём простых разведок достаточно проблематично.

В-четвертых, есть масса письменных и этнографических данных относительно того, что кочевники рыбу не ловили и в пищу не употребляли. Для средневековых кочевников Восточной Европы пусть и более позднего периода это засвидетельствовал В. Рубрук (сер. XIII в.): «...мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но Татары не умеют её ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут, есть её мясо, как мясо барана» [6, с.109].

В-пятых, лов красной, да и любой рыбы в Азовском море требовал определённых специальных навыков и инвентаря. Появление подобной специализации означало собственно, переход от кочевого скотоводства к ведению комплексного хозяйства. И такие племена кочевниками уже названы быть не могут. Тем более, что рыболовство само по себе могло привести к выделению значительных групп осёдлого населения.

В-шестых, при всех оговорках, кочевое скотоводство было хозяйством полностью натуральным. Это собственно хорошо заметно по материалах кочевнических погребений VII-X вв. Нижнего Подонья. Возможности вовлечения его в торговлю были очень ограничены. Между тем, фрагменты импортных винных амфор составляют абсолютное большинство находок относящихся к VIII-X вв., причём встречаются они чаще амфор всех других хронологических периодов, вместе взятых. Масштабы этой торговли просто поражают. Даже в золотоордынский период такого обилия амфорной керамики мы не встречаем. Ясно, что единственным товарным эквивалентом, который бы позволил обеспечить поступление такого количества вина в наш регион, была рыба. Это собственно уже отмечалось исследователями [7]. Такая степень вовлечения населения в процессы обмена также затрудняет отнесение его к числу кочевников.

Уже из этого перечня ясно, что многие вопросы для своего решения требуют более детальных исследований, в т.ч. масштабных раскопочных работ.

Какие же материалы дают поселения Восточного Приазовья VIII-X вв.? Как уже было сказано, абсолютное большинство находок относится к фрагментам амфор. По подсчётам С.А. Плетневой они составляют около 70%. Лепная керамика около 20%. Круговая кухонная и круговая столовая соответственно по 5%. По результатам наших наблюдений эта усреднённая картина нуждается в корректировке. На большинстве мелких поселений, которые составляют абсолютное большинство памятников доля амфорной керамики ещё выше.

На наиболее крупных поселениях этого времени, на окраине с. Новониколаевка и Новомаргаритовском поселении, материалы гораздо разнообразнее. Оба эти поселения явно не относятся к числу кочевий. Естественно, дать классификацию материалов по мелким фрагментам из сборов невозможно. Встречены лепные кухонные горшки и котлы с внутренними ушками. Наряду с круговыми кухонными горшками, встречены крупные тарные круговые горшки. Серолощённая керамика крайне редка. Одной из заметных категорий находок, особенно на памятниках дельты Дона, являются дисковидные грузики диаметром 2,5-6,0 см, выточенные с разной степенью тщательности из стенок амфор. Поскольку трудно допустить, чтобы именно на памятниках дельты Дона прядение достигло небывалого развития, по крайней мере, часть из этих грузиков, возможно, является не пряслицами, а рыболовными грузиками.

Ни одно из поселений за пределами дельты Дона раскопкам не подвергалось. На поселении Рогожкино-ХІІІ был исследован по своему уникальный культовый комплекс и юртообразное жилище. Известно несколько одиночных грунтовых и подкурганых погребений. Одно из них, погребение всадника, исследовано на территории с. Кагальник. Исследовалось также несколько небольших грунтовых могильников (Рогожкино-ХІІІ, Дугино-Х).

Как мне кажется, наблюдения и выводы о памятниках этого периода должны быть сформулированы осторожно. 1. Данный микрорегион в пределах Хазарского каганата был явно захолустьем. 2. Круговая гончарная керамика очень малочисленна и разнородна. Это говорит о том, что здесь не было гончарных мастерских. А их существование очень важный индикатор развития оседлой жизни. 3. Хозяйство населения здесь обитавшего было наверняка комплексным, с преобладанием животноводства. 4. О занятии рыболовством данные в основном косвенные.

С сер.Х до нач.ХІІ вв. в истории изучаемого района наступает тёмное время. Оседлость сходит почти на нет. Единственным поселением начала этого периода является Переволочный Ерик (рис.1), где найдена также надгробная плита с иудейской символикой и надписью. К этому же периоду относятся археологические памятники, связанные с огузами. От них осталось несколько погребений в дельте и на побережье моря (ПБМ 10-1976, п.4; Терны, п.1; Бубнов Ерик ІV, п.1; Павло-Очаково (2006 г.), и др.). Некоторые из них имеют достаточно богатый инвентарь. Исследовано и небольшое огузское поселение Рогожкино ХІІ, которое датируется 2 пол.ХІ-1 пол. ХІІ вв. Известно, что в состав огузского объединения входили племена, которые вели комплексное хозяйство и сочетали рыболовство, скотоводство и земледелие. Вероятно, именно присутствие огузов облегчило новое появление оседлых поселений в ХІІ в.

К сер.ХІІ в. в Северо-Восточном Приазовье появляется сеть рыбацких деревушек, существовавших до монгольского нашествия (Казачий Ерик, Задонье, Петровский, Донской І, Узьяк І, Новомаргаритовское, Кобяково, Натальевка, Самбек) (рис. 1). Большинство из них расположено в дельте Дона. Население их было смешанным. Среди них были и потомки жителей Хазарского каганата и пришлое русское население и, очевидно, огузы. Самым крупным из поселений является Казачий Ерик. Высказано предположение о появлении этих поселений в результате переселении сюда населения с Таманского полуострова с территории бывшего Тмутараканского княжества [1, с.109]. Сама топография поселений указывает на то, что основным занятием населения является рыболовство. Уже в сер. ХІІ в. византийский писатель Евстафий Солунский упоминает в числе деликатесов «рыбью икру происходившую из северных областей, главным же образом с Танаиса» [8, с.42-43]. В связи с этой группой поселений в литературе вновь поднята сложная проблема локализации города Русия, упоминаемого в различных источниках [1, с.114-115, 119-125].

На поселениях исследованы землянки и полуземлянки с глинобитными печами. Для материалов этих поселений характерно абсолютное преобладание византийских винных амфор, привезенных из разных центров. Встречены также тарные кувшины, привезённые из района Херсонеса. Единичными фрагментами представлена византийская поливная посуда. Посудная керамика представлена как керамикой, проявляющей черты преемственности с гончарным производством салтовской культуры VIII-X вв., так и керамикой древнерусской по происхождению. Причём значительная часть последней изготовлена непосредственно на территории данного региона. Остальные категории находок весьма немногочисленны. Встречены стеклянные браслеты, бусы, единичные украшения из металла.

Вопреки бытующему мнению, число памятников, связанных с половцами на территории Северо-Восточного Приазовья, невелико. Известно всего около десятка погребений и одно святилище (Кугейская падь II). Несколько изваяний, хранящихся в Азовском музее, не имеют паспортов, и нет уверенности, что они происходят именно из этого района.

Подлинный расцвет оседлости начинается короткое время спустя после монгольского завоевания. С сер. ХІІІ в. на морском побережье, в долине Кагальника, в Низовьях Дона начинает формироваться целая сеть поселений, большинство из которых существует в дальнейшем на протяжении всего ХІV в. (рис.). Их безусловным центром является Азак. Рассматриваемый регион с полным правом можно считать его сельской округой. Наиболее крупные из известных на настоящий день сельских поселений следующие: Платоно-Петровское, Пешково, Зелёный,

Донской 1, Новомаргаритовское. Ещё одно крупное поселение существовало на территории с. Кагальник. К сожалению, для исследователей оно практически недоступно. Всего на настоящий момент их известно около 60. Особенно густо была заселена долина Кагальника. Здесь поселения находятся на расстоянии 1-3 км друг от друга.

Для золотоордынской эпохи количество письменных источников резко увеличивается по сравнению с предшествующими эпохами. Но это увеличение относительно. Практически все они относятся к Азаку (Тане). Вместе с тем в них нашла отражение информация и о мелких портах Северного и Восточного побережья Азовского моря, как в словесных описаниях, так и на картах-портоланах. Одним из самых важных является свидетельство Рубрука, датированное 1253 г. «...море... нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (пассов); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают свои лодки (barcas) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве» [6, с.89]. Перечень портов Приазовья дан в Тосканском Анониме и в сочинении Ф. Пеголотти.

Известно примерно 200 портоланов (мореходных карт) XIII-XV вв. с изображением Азовского моря. Опубликован монографический анализ [9]. Однако при изучении портоланов существуют большие сложности. При примерно одинаковом перечне пунктов существует очень большое разнообразие их написания и определенные расхождения в их местоположении на картах. Из-за несогласованности исследований историков, изучающих письменные источники, и археологов общепринятой и обоснованной локализации большинства пунктов нет.

Достаточно уверенно можно утверждать, что одним из таких портов, который значился на картах как Закария, было Новомаргаритовское поселение [1, с.109]. Где то здесь в устье Дона находился топоним Magromixi. Между Таной и Закарией иногда помещали топоним Casale li Rossi, Casal Delirosoy, Casar di Rossi. Для этих двух топонимов надёжной локализации не существует.

Однако к этой скудной информации следует добавить данные, полученные при анализе источников, относящихся к самому Азаку (Тане). В 3 чет.XIII в. здесь возникает крупный портовый и промышленный город Азак, впервые упоминаемый в письменных источниках в 1269 и 1271 гг. Помимо транзитной торговли, через него шла на экспорт и продукция нашего региона - кожи, зерно, рыба [10, с.110]. Причём масштабы этого экспорта по меркам того времени были впечатляющими. Для вывоза зерна и рыбы использовался не только порт самого Азака, который имел определенные ограничения в пропускной способности, но и несколько пунктов на берегу моря [8, с.52], которые выступали как место концентрации и складирования товаров [10, с.101].

Начиная с Ф. Пеголотти, все источники называют икру и балыки осетровых рыб одним из главных, если не самым главным среди экспортных продуктов. Большая часть торговых сделок с рыбой заключалась в апреле-июне [10, с.122]. Весной и осенью в Тане работали специальные рыбные ярмарки. По некоторым подсчётам только в 1290 г. через Кафу было вывезено от 3149 до 3793 тонн осетрины, добытой в Низовьях Дона и устье Кубани, и, вероятно, в небольшой степени в Каспии [10, с.123]. Основная её часть шла на вывоз в порты Черного и Эгейского моря. При этом цены на осетрину были достаточно низкими, рыба в 16-19 кг стоила менее 1 аспра.

Из Таны вывозили также воск [10, с.129] и, по данным Тосканского Анонима, шкуры конские и бычьи, сало кусками [10, с.149].

Помимо вывоза продовольствия морем сам Азак был крупным потребителем сельхозпродукции и нуждался в рынке сбыта для своей продукции. Поэтому неудивительно, что в его округе возникают многие десятки поселений. Именно они, очевидно, были зерновой житницей Азака.

Кроме того, на многих из них существовали ремёсла, прежде всего гончарное. Лучше всего изучено на настоящее время гончарное производство на Платоно-Петровском поселении, которое является одновременно наиболее мощным среди сельских гончарных производств округа Азака. Генетически оно родственно гончарному производству самого Азака. Здесь также производили керамику в традициях восходящих к временам салтовской культуры. Сосуды изготавливали при помощи спирального налёпа с последующим использованием круга для заглаживания поверхности и частичной профилировки. Поверхность большинства сосудов

покрывалась лощением. Основу ассортимента составляли кувшины, кухонные горшки с ручкой и корчаги. На самом Платоно-Петровском поселении продукция местных гончаров составляла примерно 65%. Она есть и в самом Азаке и на многих других поселениях округа, доходя до Новомаргаритовского поселения. Встречена она даже на удалённых поселениях Правобережья Дона.

На остальных поселениях местная гончарная продукция значительно малочисленнее и заметно уступает продукции городских гончаров Азака, которая преобладает на всех сельских памятниках, включая достаточно удалённое Новомаргаритовское поселение. Таким образом, округа Азака была ёмким рынком сбыта продукции городских гончаров. Вместе с тем, между отдельными сельскими поселениями также существовал обмен керамикой местных мастерских. В дальнейшем, при накоплении значительных объёмов материала можно будет проследить степень связности отдельных поселений между собой и с Азаком. В настоящее время это делается исключительно при помощи математических моделей.

На Платоно-Петровском поселении встречены также следы обработки цветных металлов. Учитывая размеры этого поселения и наличие здесь следов как минимум двух видов ремёсел, можно говорить о существовании здесь небольшого городского центра. Очень важными представляются находки на поселениях медных золотоордынских монет - пулов. Если серебряные монеты могли служить средством накопления, то медные говорят о вовлечении жителей сельских поселений в сферу товарно-денежных отношений. Ведь по сообщению Ф. Пеголотти, они использовались только в сфере мелкой городской торговли. На настоящее время медные пулы найдены на поселениях Новомаргаритовское, Платоно-Петровское, Береговое, Кагальник, Донской, а также в грунтовых погребениях у с. Кагальник, х. Рогожкино, Дугино, Колузаево, Подазовском.

О широком вовлечении жителей района в рыночную торговлю свидетельствует и большое количество импортной керамики на поселениях, что указывает также на достаточно высокий имущественный достаток населения. Хотя конечно он и был несколько ниже городского, тем не менее, на поселениях в большом количестве встречены не только фрагменты винных амфор из Трапезунда, но и фрагменты пифосов с более дорогим критским вином, и амфор в которых перевозилось оливковое масло, и поливной столовой керамики производства не только Азака, но и Юго-Восточного Крыма, Византии и Нижнего Поволжья. Единичными фрагментами представлена керамика ещё более удалённых центров, даже Хорезма.

В целом же, как уже было сказано выше, керамический комплекс поселений, за исключением Платоно-Петровского, состоит более чем на половину из продукции гончаров Азака и представлен соответственно теме же формами сосудов – кувшинами, корчагами, горшками с ручкой, тазами, кубурами, дигирами, амфорами.

На двух последних формах стоит остановиться подробнее. Их фрагменты в процентном отношении находятся на сельских памятниках намного чаще и регулярнее, чем на территории самого Азака.

Дигирные сосуды имели достаточно узкое предназначение. Их привязывали за ножку к водоподъемному колесу, которое использовалось в поливном земледелии. Для использования в каких-либо других целях сосуды эти не подходили. На настоящий момент их фрагменты найдены практически на всех поселениях, за исключением приморских, с которых собраны сколь-нибудь значительные по объёму коллекции. На поселении Узьяк 3 в устье Дона они вообще составляют большую часть находок керамики XIV в. Сложно представить, что поливное земледелие получило столь большое развитие в землях, где до этого вообще не существовало оседлого земледелия, тем не менее, других объяснений факту частых находок дигирных сосудов на сельских памятниках нет.

Амфоры - сосуды также достаточно узкого функционального назначения. Они предназначались для перевозки жидких, сыпучих или вязких товаров морем. Само производство их в Азаке, где не было товарного виноделия или маслоделия, особенно ориентированного на заморскую торговлю, заслуживает особого внимания. Единственным экспортным товаром Азака упоминаемым в письменных источниках, подходящим для перевозки в амфорах была

рыбная икра. Естественно предположение о том, что амфоры служили для перевозки икры, уже высказано в литературе [11, с.58]. С этим нельзя не согласиться. Интересно отметить следующий примечательный факт. Икру продавали кантарами равными 47,5 кг [11, с.61]. Среди наиболее распространённых в Азаке стандартов составляли амфоры объемом 4,75 л, т.е. примерно 1/10 часть кантара [12, с.317, 319]. Ясно, что хотя торговля рыбой шла через Тану, но заготавливали её в основном вне его пределов. Поэтому нет ничего удивительного, что на всех поселениях в устье Дона и на морском побережье амфоры представлены в значительном количестве даже в небольших по объёму коллекциях. Амфоры встречены также и на поселениях долины Кагальника, что, на мой взгляд, менее понятно.

На настоящее время выделяется 4 центра округа золотоордынского Азака. 1) Платоно-Петровское поселение, которое было центром поселений долины Кагальника, 2) Новомаргаритовское поселение порт *Zasagia* итальянских портоланов, к которому, вероятно, тяготели некоторые приморские поселения. 3) Поселение Донской 1 самое крупное рыболовецкое поселение дельты Дона. 4) Практически неизвестное нам поселение на территории современного с. Кагальник. Сюда в устье Кагальника должны были речными барками свозить зерно из поселений его долины. Кроме того, в XIV в. устье Дона подчас было слишком мелководно для захода крупных морских судов и они останавливались у входа в реку, где и осуществлялась их погрузка и выгрузка. Возможно, с этими двумя последними поселениями связаны два загадочных топонима итальянских карт - *Magromixi* и *Casale li Rossi*.

Обращает на себя внимание то, что число кочевнических погребений XIII-XIV вв. в рассматриваемом микрорегионе очень невелико. Известно лишь около десятка одиночных подкурганых и грунтовых погребений. Причём расположены они на периферии данной территории. То есть оседлый образ жизни в золотоордынский период здесь абсолютно господствовал.

Поход Тимура в 1395 г. стал подлинной катастрофой не только для Таны, но и для его округа. Путь войск Тимура из Азака на Кубань шел параллельно берегу моря. По мнению Е.И. Нарожного, Тимур целенаправленно уничтожал приморские поселения. Целью похода был подрыв экономической базы Золотой Орды, и уничтожение поселений, обеспечивающих выгодную экспортную торговлю. О том, что поселения округа Азака погибли в 1395 г., говорит и клад, найденный на территории Платоно-Петровского поселения.

В XV в. ситуация в регионе резко меняется. Для оседлой жизни практически не остаётся шансов уцелеть. За стенами венецианского замка Таны продолжали жить купцы и ремесленники, но за пределами стен жить было очень опасно. Для иллюстрации этого достаточно двух эпизодов из сочинений венецианца И. Барбаро. Он, описывая двукратный проход орды мимо Таны, говорит о двукратном тотальном разграблении рыболовецких тоней, принадлежавших купцам Таны [13, с.144, 151]. И это притом, что город, в тот период, находился с ордой в мире, а ведь были и вооружённые конфликты. Под самым городом появлялись банды черкесов грабивших окрестности города [13, с.147]. Тем не менее, какая-то жизнь за пределами стен всё же продолжалась. Об этом говорит Барбаро, упоминая рыболовецкие тони в местности Бозагаза, находившейся на значительном удалении от Азака [13, с.144, 151]. Ясно, что не все рыбаки могли укрыться за городскими стенами. О сохранении, каких то рыбацких деревушек в регионе говорит и клад начала XV в., найденный на территории х. Рогожкино [14]. Возможно продолжалась жизнь на поселении Донское. Более того, именно в XV в. появляется специфическое название Азовского моря - Забакское море [13, с.137, 141 и др.]. По мнению Е. Скржинской, название моря происходит от диалектного слова чебак [13, с.165; 14, с.152]. Письменные источники содержат и скудную информацию об организации рыбного промысла. Существовали тони – пескьеры, принадлежавшие отдельным купцам. Причем в одной местности находились тони нескольких купцов. Права собственности на отдельные пескьеры в устье Дона в XV в. приобретали и кафинские купцы [10, с.124]. Трудившиеся здесь рыбаки были, очевидно, наёмными работниками. Здесь же на тонях находились и мельницы для размола соли, упоминаемые Барбаро [13, с.144].

После турецкого завоевания в 1475 г. полного исчезновения оседлой жизни в регионе не произошло. По-прежнему существовали отдельные рыбацкие деревушки. Но хотя сохранилось

много письменных источников относительно регламентации рыбного промысла в турецкую эпоху, археологически памятники этого периода совершенно не изучены.

Библиографический список и примечания

1. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках. В сб.: Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. 2003. С.108-130.
2. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В сб.: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Донские древности. Вып.10. Азов. 2009. С.321-339.
3. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260). В сб.: Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев. 2005. С.122-159.
4. Ларенок В.А. Средневековые поселения Нижнего Дона. В сб.: археологические записки. Вып.4. Ростов-на-Дону. 2005. С.105-109.
5. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). Материалы и исследования по археологии СССР. №142. М.1967. 196 с.
6. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. 1957. М. 270 с.
7. Ларенок П.А. Вино и рыба (Несколько замечаний о нерешенных вопросах истории торговли Крыма и Северного Приазовья в эпоху Хазарского каганата). В сб.: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Вып.12. Азов. 1994. С.137-139.
8. Скржинская Е.Ч. Вводные очерки. В кн.: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. 1971. Л. С.3-109.
9. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье конец XIII-XVII в. М. «Индрик». 2007. 396 с.
10. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв. Тюмень. «Рутра». 1995. 225 с.
11. Волков И.В. Местные амфоры Азака. В сб.: Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып.135. М. 2002. С.55-63.
12. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. В сб. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып.21. Азов. 2006. С.309-473.
13. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., 1971. Л. с.136
14. Фёдоров-Давыдов Г.А., Фомичёв Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино. В сб.: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 году. Азов. Вып.19. Азов. 2004. С.270-278.
15. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колония в Тане в XIV в. В сб.: Тр. XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. Т.II. М. 1905. С.109-169.

Заселение Приазовья русскими

Ю.В. Артюхин

ОКЕАНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ ЗА ОБЛАДАНИЕ УСТЬЕВОЙ ЧАСТЬЮ р. ДОН

В 1637 г. донские казаки взяли приступом крепость Азов. Из-за неблагоприятной социально-политической обстановки османы не смогли сразу отреагировать на это событие. В 1640 г. внезапно умер султан Мурад IV и ситуация еще более осложнилась. Только в 1641 г. была подготовлена военная операция с целью возврата контроля над северо-восточными рубежами империи. Турецкий путешественник Э. Челеби описывал морской поход османского войска на Азов 1641 г., в котором он принимал непосредственное участие [1]. Путешественник или тайный соглядатай султана впервые отметил факт существования промежуточной морской базы Азова или гавани, именованной Балысыра.

В отличие от других географических впечатлений, описание пути от Керченского пролива до этой гавани у Челеби весьма немногословно. Он только упоминает, что путь от пролива до нужной точки акватории, где началась перегрузка вооружений войск и припасов с больших галер на мелкие парусники, не был длительным. Нашим современникам, кто преодолевал на судах путь между Керчью и Таганрогским заливом, известно, что в поле зрения пассажира на этом пространстве не встречаются хорошо различимые ориентиры. Это может объяснять причины краткого изложения турецким путешественником пути до Балысыра.

В примечаниях к переводу «Книги путешествий» указывается, что в середине XVII в. в состав Кафинского эйялета входил Балысырайский санджак, включавший современные Белосарайскую косу и часть побережья Першотравневого района Донецкой области Украины. Из этих сведений можно было бы предположить, что гавань находилась в пределах северного побережья Азовского моря. Анализ источников, проведенный В.Н. Королевым, показал, что такие исследователи и путешественники как Ж. Шарден, Ф. Брун отстаивали эту же версию, в частности, имея ввиду местоположение древнегреческой фактории Палестра (Палластра) [2]. Только русский историк И.Ф. Быкадоров склонялся в пользу расположения Балысыра в Ейском лимане (цит. по [2]). Существовали и иные версии, вплоть до расположения рассматриваемого промежуточного порта между Чумбурской и Очаковской косами. Нет смысла приводить детали работы В.Н. Королева, поскольку он осуществлял собственно исторический анализ, тогда как в настоящей статье предпринята попытка выяснения природного фона исторического события.

На наш взгляд, существует несколько ключевых данных, отталкиваясь от которых можно определить местоположение искомой точки:

- гавань расположена на западной окраине степи Хейхат, близ земель Таманского острова;
- глубина в гавани, в которой суда ставились на прикол, достаточна для подхода таких судов как галеры, чайки и карамюрсели. Место это служит пристанью для Азова. После неудачной осады Азова войска вновь прибыли в Балысыра, где их дожидался падишахский флот. Те войска, которые отправились сухим путем, на шестой день пришли на Кубань;

- от Балысыра до Азова 36 миль;

- на пути от Балысыра до Азова глубина моря не более пяти аршин, поэтому для таких судов как галеры и чайки очень мелко. В Примечаниях отмечается другой вариант перевода, выполненный Хаммером: «...галеры и чайки здесь не могут быть использованы, ибо они имеют осадку пять футов, а глубина моря на пути от Балысыра до Азака не превышает 2-3 фута»;

- к гавани Балысыра из земель ряда черкесских племен (шегаке, жане, бузудук и др.) пришло 7 тысяч повозок для отправки боеприпасов к Азову.

Известно, что степь Хейхат или Кыпчакская, а по-русски – «Дикое поле», располагалось как в пределах Северного, так и Южного Приазовья. Северные пространства степи тянулись с востока на запад, по крайней мере до низовьев Днепра, а возможно и Дуная. Что же касается южного пространства степи Хейхат, то Э. Челеби отмечает, что она располагается между Черкесстаном и Кыфиристаном. Если иметь в виду под степью Хейхат южную часть

Кыпчакской степи, то ее западной окраиной может служить только обрывистое побережье между современными косами Долгой, Ясенской и дельтой Кубани. Из отдельных донесений донских казаков, производивших набеги на малых ногаев, мы знаем, что эта территория действительно в XVI-XVII вв. была пустынной.

Возьмем за основу расстояние между мысом Чочка (м. Ахиллеон или мысовидный выступ севернее корня косы Чушка) и мысом Хрони, на противоположном, крымском берегу, которое Э. Челеби оценивает одной милей. В настоящее время это расстояние составляет 10 км. В этом случае окажется, что Балысыра удалена от Азова на 360 км. При более внимательном знакомстве с текстом «Книги путешествий» нетрудно обнаружить противоречия в оценке расстояний. Так, удаление устья Кубани в Кубанском лимане от крепости Тамань он оценивает семью милями. В последнем случае миля будет составлять 5,5-5,7 км, а расстояние между Балысыра и Азовом – 200-205 км.

И.В. Волков выполнил анализ меры длины, используемой Челеби, на примере нескольких определяемых географических точек западной части Таманского полуострова (табл.) [3].

Таблица

**Определение значения мили, используемой Э. Челеби,
на основе современных измерений**

От крепости Тамани до:	Современное расстояние, км	Значение мили, км
- Шемарданского рукава	134	около 2
- Субботина Ерика	150	около 2, 239
- Пересыпи и Чушки	227	около 3,389

Если опираться на меры длины мили по данным таблицы, то расстояние от Балысыра до Азова может изменяться от 72 до 118 км.

Сведения о том, что гавань расположена близ земель Таманского острова, а также предоставление повозок черкесами может указывать на расположение искомого места на южном побережье Таганрогского залива или восточном побережье открытой части моря. Северный, «белосарайский», вариант расположения гавани исключается и потому, что многочисленные повозки после перегрузки на них с судов боеприпасов и вооружений должны были бы преодолевать на пути до Азова переправы через такие в то время крупные и полноводные реки, как Кальмиус, Грузский Еланчик, Миус, Самбек и, наконец, Дон. К тому же, какие народы, обитавшие на северном побережье моря, могли пригнать на белосарайский участок упоминаемое количество повозок?

Обратимся к свидетельству Э. Челеби. По возвращении из похода с конниками крымского хана он так характеризует переправу через Миус.: «...мы через час пути подошли к реке Миус. Это большая река. В ту свирепую зиму (хотя по календарю это была осень) мы преодолели ее со ста тысячами трудностей и мучениями...» [1, с. 38]. Между тем, татары перемещались в конном строю, не отягощенные тяжестями боевых припасов и пушек. Это может свидетельствовать против представлений, что турки, будучи поднаторевшим в военном деле народом, вряд ли бы стали создавать себе дополнительные трудности, а стратегические военные грузы подвергать опасности внезапного нападения конных донских и русских отрядов.

Как и в случае с другими количественными оценками, Э. Челеби мог преувеличивать или даже фантазировать, давая характеристику осадке судов и глубины в акватории между Балысыра и взморьем Дона. Автору не удалось отыскать сведений, каковой была мера аршина, используемого в Османской империи. В российской практике аршин составлял 16 вершков или 28 дюймов, в нынешней системе измерений – 71,1 см [4]. В этом случае глубина моря от Балысыра до Азова должна была не превышать 3,5 м. Если взять сведения Хаммера и английский фут, то глубина моря на этом пространстве составляла 0,6-0,9 м, что совершенно исключается. Осадка же галер, по Хаммеру, составляла 1,5 м, что соответствует сведениям, сообщаемым Тушиным Ю.П. применительно к галерам [5].

Для проверки, в какой мере эти оценки соотносились с действительностью, обратимся к

батиметрическим данным. Соответствующих сведений для XVII в. отыскать не удалось. Имеются отрывочные данные измерений глубин, выполненных во время выхода русской флотилии под руководством Петра I к мысу Таган-Рог и к Керчи в конце XVII-начале XVIII вв. В частности, на картах Крюйса и Шхонебека нанесены немногочисленные цифры измерений глубины моря от Таганрога до Керчи [6]. Помимо сведений статьи П.А. Незнамова автор использовал также выкопировки из подлинных карт Шхонебека, любезно предоставленных сотрудниками картографического отдела библиотеки Академии наук (СПб).

С точки зрения сравнения с данными петровского времени, наибольший интерес представляет одна из версий карты Азовского моря, составленной капитан-лейтенантом Е. Манганари в 1833 г. [7]. На ней наряду с отметками глубин, полученных промерами в 1825-1832 гг., нанесены также глубины съемок 1803 г., полученных капитан-лейтенантом Влито и мичманом Крицким [8]. Е. Манганари на карте показал также глубины с рукописной карты съемки 1702 г. В легенде карты не расшифровывается происхождение материалов 1702 г. Зато в докладе Комиссии Академии наук, учрежденной по повелению императора для изучения проблемы обмеления Азовского моря, отмечается, что она составлена была в тот краткий период, когда Россия владела вершиной Таганрогского залива, до уничтожения крепостей Азов и Таганрог по Адрианопольскому договору [9]. В указанном докладе сообщается, что там (у Таганрога): «...где ныне 16 футов глубины, во времена Петра были 18, то есть в 150 лет убыль составляет 2 фута (0,6 м)» [8, с. 49]. При сличении же глубин в Керченском проливе, в частности, на приведенном В.Ю. Визе фрагменте карты А. Шхонебека, получаем среднюю разницу в 4, максимально 6 футов, то есть 1,2-1,8 м. Сопоставление по центральной, наиболее глубоководной, части моря показывает разницу 1,4-1,5 м. При этом глубины в проливе, как и в центральной части моря, в отличие от Таганрогского рейда, возросли. Подобное несовпадение можно объяснить только разной ролью тектонических движений. У Таганрога восходящие движения вкупе с накоплением наносов могли вызвать такое обмеление дна, которого на линии мыс Хрони – мыс Ахиллеон не произошло. Мнение о влиянии разнонаправленных тектонических движений основывается на анализе инструментальных мареографических данных [10]. Так, если в 1875-1910 гг. отмечалось устойчивое погружение дна с темпом 0,7 мм/г, то в 1910-1925 гг. – воздымание с темпом 0,2 мм/г. В последующие 7-8 лет вновь происходило опускание дна, тогда как в 1933-1935 гг. – подъем. Пульсации разнонаправленных тектонических движений не только для этого, но и других регионов Азово-Черноморского побережья являются обычными и, следовательно, происходили и в прошлые века.

Если верны сведения о том, что основная часть турецкого флота не могла подойти не только к Азову, но и в центральную часть Таганрогского залива, можно предположить, что это был все же небольшой по времени промежуток общего падения уровня моря. Ведь в 1475 г. флот султана, стоявший в дельте, способствовал захвату Таны-Азака, а в 1568 г. поднялся вверх по Дону до переволоки с Волгой. В описании подготовки и проведения осады Петром I крепости Азов в 1696 г. отмечается: «Когда передовые отряды галер и грузовых судов прибыли по Дону к Азову, казаки донесли Петру, что на взморье недалеко от устья реки стоят турецкие корабли, с которых на мелких гребных судах в крепость переносят порох, снаряды и провиант» [11]. 14 июня турецкая эскадра в составе 6 больших парусных кораблей и 17 галер, на борту которых находилось 4 тыс. десантных войск, появилась в видимости Азовской крепости. Следовательно, в XVI в. и даже в конце XVII в. океанологические и тектонические условия Таганрогского залива не препятствовали участию тяжелого турецкого флота в боевых действиях. На непродолжительность периода обмеления, скорее всего, в результате падения уровня, указывает и факт выхода флотилии Петра в Таганрогский залив в 1699 г. Но в середине XVII в. явно существовали условия, заставлявшие турок перегружать войска и боеприпасы с крупных кораблей на мелкие на значительном удалении от Азова, предположительно, на одном из участков побережий открытой части Азовского моря.

Таким образом, результаты анализа позволяют заключить, что в Таганрогском заливе, по крайней мере восточнее меридиана, проходящего через корень косы Камышеватской, глубины не позволяли тяжелым турецким галерам проходить даже до меридиана Ейской косы. В наибольшей мере условиям, описанным Э. Челеби, удовлетворяет акватория восточного берега открытой части Азовского моря, южнее Камышеватской косы. Изучение карт 1833 и 1884 гг., совмещенных

с помощью универсального трансформатора УТП-2, показало, что даже в этот период коренной берег между косами Камышеватской и Долгой находился в 250 м западнее линии уреза. В середине XIX в. коса Камышеватская, по сравнению с современной ее топографией, была короче почти на 2-2,5 км. При этом глубина 5,1-5,5 м в 1702 г. подходила почти до линии уреза оконечности. Вполне можно допустить, что если даже в середине XVII в. глубина здесь уменьшалась на 1,8-2 м, то суда с осадкой 1,5 м могли подходить если не до линии уреза, то бросать якорь в 200-300 м мористее. В корневой части косы, в отличие от других подобных форм, даже до настоящего времени фиксируются остатки двух разноуровневых террас, позволявших без производства специальных работ обеспечивать выезд повозок на поверхность лессового плато. Для наших оценок используем карту Азовского моря и его побережья французского инженера Беллина [12]. Если ориентироваться на показанную на ней схему дорог, то от корня Камышеватской косы до Азова протяженность пути составит 150-160 км, без учета удлинения пути на объезд падей и иных препятствий того времени. То есть этот вариант расположения гавани Балысыра сравнительно неплохо согласуется с данными, приводимыми Э. Челеби.

Интерес представляет расшифровка топонима «Балысыра». А.А. Кривошеев показывает некоторые универсальные и региональные особенности формирования топонимов на Нижнем Дону [13]. Он приводит ряд топонимов, образованных от тюркского *балык*, *балик* (город, рыба), тогда как *сары* может восходить также к тюркскому *сарай* (обитель, постоянный двор). Отличия от классического написания составных частей топонима в русской версии перевода могут объясняться ошибками при многочисленном переписывании текстов Челеби, переводе с арабского на латинский и русский языки. Вполне можно допустить, что топоним обозначает «рыбный постоянный двор» или что-то подобное этому. Коса Камышеватская в этом отношении неплохо соответствует содержанию топонима, поскольку южнее оконечности с давних времен по настоящее время известно единственное в пределах Восточного Приазовья место нагула шемаи и тарани, а у Железинской банки, удаленной от берега почти на 30 км, располагается зимовальная яма осетровых.

Нельзя исключать возможность приуроченности Балысыра и к мысу Ясенскому (ныне располагается хут. Шиловка). Глубины сейчас здесь меньше, чем у Камышеватской косы, но 300-350 лет назад береговой обрыв был намного мористее. По данным средневековых итальянских портоланов, здесь располагалась оживленная торговая фактория Пексо (Рехо) [14]. Вероятно, фактория или порт размещались на небольшом полуострове, выдвинутом в море, с юга прикрытого песчаной перемычкой, отделявшей от основной акватории систему лагун. Скорее всего, именно такое местоположение обеспечивало интенсивный внутренний каботаж в средневековье. Благодаря активному водообмену между морем и Бейсугским лиманом существовал широкий и глубокий пролив. Он мог быть использован как итальянцами, так и османами для подхода даже крупных судов, в том числе и в Бейсугский лиман.

В.Н. Королев пришел к выводу, что вероятнее всего существовало несколько промежуточных баз, на которых шла перегрузка турецкого войска и боевых припасов с крупных судов на мелкие. Это резонное предположение, имеющее под собой достоверную природную основу. Изучение разнообразных природных характеристик, публиковавшихся разными исследователями, заставляет обратить внимание на некоторые оценки, не согласующиеся с гидрологией моря и морфологией его берегов, характерных для последних 200-250 лет. Так, например, И.Н. Букарева и Г.С. Жилинскас, выстраивая хронологический ряд экстремальных нагонов на восточном побережье Азовского моря, отмечают штормовой нагон 1691 г., достигавший 3,4 м, тогда как в 1831 г. – 4,2 м [15]. Такой экстремальный нагон, явно выходящий за рамки иных ураганных штормов, мог происходить на фоне подъема уровня. На уже упоминавшейся карте Беллина на месте Песчаных островов (взморье Ейского лимана) нанесена надпись «острова, возникшие в 1712 г.». Геологические данные не оставляют сомнения, что ядро Песчаных островов формирует двоянный конус вноса ПалеоЕи и ПалеоДона, сформировавшийся где-то в I в.н.э. Значит, скорее всего, речь идет не об образовании островов, а об их выходе из под воды на дневную поверхность, что наверняка было результатом значительного падения уровня моря. Этот факт хорошо согласуется со сведениями комиссии Академии наук об обмелении дна в районе Таганрога за период с 1696 по 1702 гг. Прямые указания на серьезные, квазиэвстатические колебания уровня моря дают

сведения об аномальных изменениях рельефа некоторых участков побережья. Так, например, на карте Шхонебека коса Долгая показана в виде трех больших островов, причем отделенных от корневой (материковой) части Ейского полуострова явно выраженным проливом. Изучение рельефа косы показывает, что вдоль корня действительно существует система лагун, которая в условиях высокого стояния уровня превращается в узкое, но сплошное водное пространство. Подобное отчленение косы от коренного берега произошло после ураганного шторма 1969 г. Аналогичный пролив у корня отделяет косу Чушка от высокого берега Таманского полуострова. Можно не сомневаться, что выход русской флотилии в Азовское море через систему свай, цепей и иных подводных препятствий, созданных турками, стал возможен в конце XVII в. только благодаря тому, что произошло естественное повышение уровня, по крайней мере на 1-1,5 м, по сравнению с океанологическими условиями, существовавшими в период взятия казаками крепости Азов. Определенную роль в этом процессе сыграли нисходящие тектонические движения дельты Дона, хотя вычлнить вклад каждого из этих факторов в результирующий процесс, на данном этапе весьма сложно.

Известно, что Петр I склонялся к закладке крепости и порта в устье Миусского лимана, однако его отговорили сподвижники. Так появились крепость и порт на мысе Таган-Рог. На фазе подъема уровня (или тектонического опускания дна), который проявился в момент выхода флотилии в море и закладки крепости, российские суда свободно могли подходить к мысу. Однако уже спустя несколько десятков лет уровень упал и портовую акваторию стало невозможно использовать для захода судов. В экспозициях Ростовского и Таганрогского музеев в 1970-е годы экспонировались две старинные гравюры, на которых была изображена загрузка европейских и турецких парусных судов, стоявших на рейде Таганрога (рис.). Товары с судов и на суда перегружались с повозок, идущих от порта по дну залива, причем глубина у судов доходила по грудь лошадям, запряженных в повозки.

Эпоха противостояния России и Османской империи за обладание устьем р. Дон и вершиной Таганрогского залива происходила в условиях меняющегося положения урвненной поверхности моря. Если обобщить все имеющиеся прямые и косвенные данные, то можно выделить несколько отличающихся фаз океанологического фона такого противоборства:

- период от последней четверти XV в. вплоть до начала XVII в. характеризовался высоким или относительно высоким стоянием уровня, обеспечивавшим активность турецкого флота даже в мелководных заливах Азовского моря;

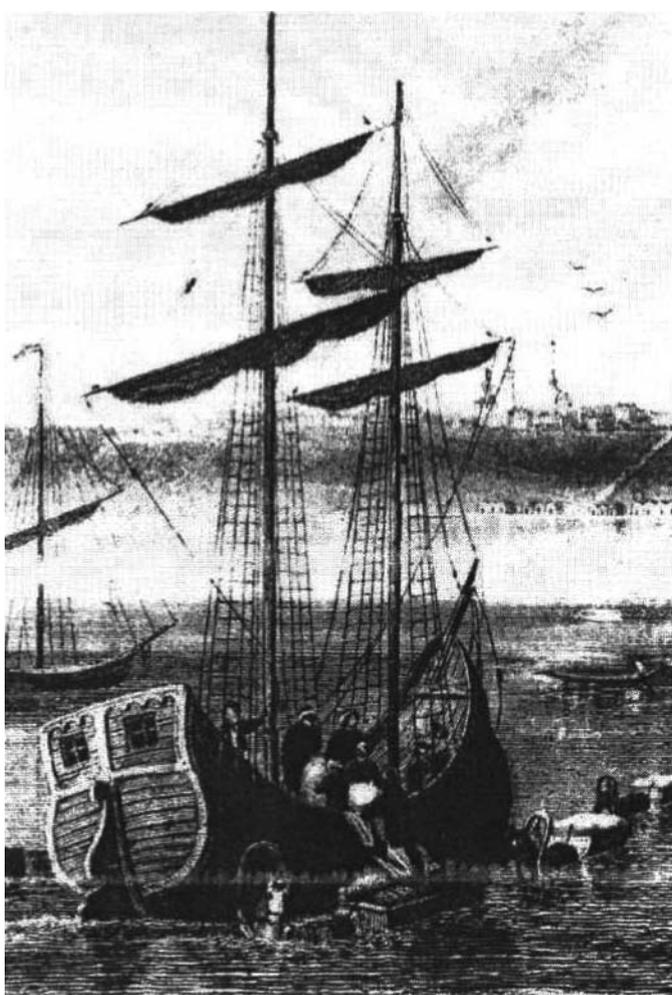

Рис. Перевалка грузов на мелкие парусные суда на рейде Таганрогского порта в условиях низкого стояния уровня. Город и портовые сооружения видны на заднем плане гравюры XVIII в. Глубина моря на удалении 300-500 м едва доходит лошадям до середины круппа

- с 1630-х по 1680-е годы – низкое стояние уровня, позволявшее османам надежно законсервировать выход мелкосидящих донских чаек в море. Возможно, именно это обстоятельство послужило решающим фактором намерения донских казаков захватить крепость Азак-Азов. Эта акция позволяла донским казакам продолжить борьбу против османов в пределах Азово-Черноморского побережья;

- 1690-е годы – начало XVIII в. – подъем уровня Азовского моря, приведший к возрастанию глубин в устьевых гирлах Дона, отчленению многих кос от коренных берегов, исчезновению под водой ранее мешавших судоходству отмелей и островов;

- в течение XVIII в. вплоть до 1832 г. уровень стоял на высоких отметках. В архивных документах встречаются свидетельства того, что, например, на косе Тузла рыбные промыслы приходилось строить на сваях. По свидетельству Г. Спасского, опрашивавшего местных жителей, с конца XVIII в. вплоть до 1810-х годов вся северная часть Арабатской стрелки до пос. Генгорка находилась под водой, что возможно было только при подъеме уровня минимум на 1,5-1,8 м [16];

- согласно гидрометеорологическим данным, в ходе уровня моря с 1877 по 1895 гг. выявлена тенденция интенсивного его снижения [17].

Таким образом, существуют вполне надежные основания для утверждения, что ход исторического противоборства Российской и Османской империй за обладание имеющими стратегическое значение устьевой зоной р. Дон и вершиной Таганрогского залива корректировался океанологическими факторами, а в некоторых регионах и вертикальными тектоническими движениями берегов и дна. В зависимости от характеристик уровневого режима, османы вынуждены были менять положение перевалочной базы для транспортировки войск и грузов в Азов. Нельзя исключать, что такими базами могли быть как Сазальникская коса (устьевая часть Ейского лимана), соответствующая средневековой *Vazınagui*, так и пункт *Agaria* (Чумбурская коса). Местоположение этих пунктов зафиксировано И.К. Фоменко на основе анализа средневековых портоланов [14]. Что же касается Белосарайской косы или соответствующего залива, то они, вероятно, также могли использоваться, но только как промежуточная база для перевалки грузов с больших на малые суда. Перевалка на этом побережье грузов и войск для перемещения их к Азову сухопутным путем, как описано Э. Челеби, представляется маловероятным. Вместе с тем, нельзя не отметить, что по свидетельству должанских рыбаков, на берегу Белосарайского залива (предположительно в бухте Тараньей) несколько лет назад обнаружена корчага с большим количеством средневековых серебряных и медных монет. Автору, к сожалению, еще не удалось познакомиться с фотоснимками находок, приходится основываться только на устном сообщении. Но этот факт способен прояснить хотя бы некоторые стороны рассматриваемого исторического феномена.

В статье рассмотрена только роль уровня моря, между тем как фазы его подъема нередко совпадают с возрастанием штормовой активности, в том числе и в условиях ураганных штормов. Они могли создавать дополнительные трудности противоборствующим сторонам.

Библиографический список и примечания

1. Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М. 1979. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. 263 с.
2. Королев В.Н. Балысыра (историко-географический этюд) // Изв. Сев.Кавк. НЦ ВШ. 1989. № 1. С. 135-141.
3. Волков И.В. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей. В сб.: Картография XXI века: теория, методы, практика. Т II. М. 2001. С. 600-607.
4. Брокгауз Ф., Ефрон Е. Энциклопедический словарь. М. «Эксмо». 2003. 667 с.4.
5. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век) М. 1978.
6. Незнамов П.А. Карта Азовского моря 1699 года. Тр. ГИМ. 1941. Вып. XIV. С. 73-80.
7. Манганари Е. Карта Азовского моря в древности Меотийское озеро описи капитан лейтенанта Е. Манганари. 1833. РГА ВМФ Ф. 1331. Оп. 9. Д. 705.
8. Кумани Н.М. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей// Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб. 1842. Ч 1. с. 377-413.

9. Бэр К., Ленц Э, Гельмерсен Г. и др. Обмеление Азовского моря. Приложение к Морскому сборнику. № 5. 1861. 1-62.
10. Благоволин Н.С., Победоносцев С.В. Современные вертикальные движения берегов Черного и Азовского морей // Геоморфология, 1973, № 3. С. 46-49.
11. История военно-морского искусства. М. 1953. Т. 1.
12. Carte redut de la Mer... Par le S. Bellin Iugeineur de la Marineю 1772. РГА ВМФ. Ф. 1331, оп. 4, Д. 427.
13. Кривошеев А.А. Донской улус Золотой орды. Очерки исторической топонимики Нижнего Дона. Ростов-на-Дону «Ростиздат. 2007. 160 с.
14. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. М. «Индрик». 2007. С. 396.
15. Букарева И.Н., Жилинскас Г.С. Вероятностно-статистический анализ рядов уровней штормовых нагонов. Вопросы динамики берегов и палеогеографии Балтийского моря. Т.1, часть 2. Вильнюс, 1990. С. 5-22.
16. Спасский Г. Геническ и Арабатская стрелка. Записки одесского общества любителей древностей. Одесса, 1848, с. 271-284.
17. Гидрометеорологический справочник Азовского моря. Л., Гидрометеоиздат, 1962.

Т.А. Федотова

ПРИАЗОВЬЕ МЕЖДУ ДОНОМ И ЕЕЙ. КОНЕЦ XVIII-НАЧАЛО XIX ВВ.

Приазовье, начиная с конца XVII в., занимало очень важное место во внешней и внутренней политике России. Предпринимая меры к укреплению и обеспечению безопасности своих границ на юге, Россия стремилась вытеснить Турцию из Причерноморья и Приазовья и закрепить эти территории за собой.

Получив по Белградскому миру 1739 г. земли по правому берегу устья Дона и право построить недалеко от Черкаска (ныне ст. Старочеркасская) крепость взамен подлежащих разрушению Азовской и Троицкой, Россия решила больше не терять завоеванных позиций. В 1736 г. правительственные войска взяли Азов и заняли побережье Азовского моря до Миуса.

Одновременно в дельту Дона возвращаются и закрепляются здесь донские казаки («Акты...» А. А. Лишина, т. I, с. 194-202). Считая свое право на эти места исконным, они всячески добиваются для себя привилегий на безоборочную ловлю рыбы, пытаются одновременно вытеснить из дельты жителей Азова.

Между тем, завоеванная русскими войсками территория на северном побережье Азовского моря, а также от Азова к устью р. Ей хоть и отошла к России, но государство получило на нее неполное право: восстанавливать Троицкую (на Таганьем мысу) и Азовскую крепости (в устье Дона) запрещалось по условиям Белградского мира, а земли объявлялись нейтральными. Селиться здесь никому не позволялось, да и не безопасно было. Впрочем, что касалось занятий рыбной ловлей или охотой в этих местах, то Турция признавала это право за запорожскими и донскими казаками, но только на территории от Берды до Миуса. Напротив, земля, прилегавшая к завоеванной крепости Азов южнее дельты Дона (до р. Ей), должна была «оставаться пустая и между двумя империями барьером служить будет» (Перепечаева Л.Б., 2006 г., с. 253).

Рис. Генеральная карта Ростовского уезда (юго-западная часть) 1840 г.
АМЗ, КВФ-10181; ОПИ-43 г.

Одним из интересных источников по истории заселения является картографический материал. К периоду, о котором идет речь, имеют отношение несколько известных нам карт. Среди них карта нижнего течения р.Дон, составленная в 1740 г. На ней обозначены все крепости и другие фортификационные сооружения, имевшиеся здесь на тот момент: Азов с крепостцой Петровской, Каланчи – сторожевые башни на берегах Дона, где он делится на два больших рукава, а также Скопинская крепость и редут на речках Скопинке (Азовке) и Койсуге; на правом берегу Дона - крепость св. Анны и Городище; на левом берегу Мертвого Донца (рукав Дона) - крепость Люттик (Там же, с.250-251). Гражданских поселений на карте нет.

В «Записках Ростовского-на-Дону общества древностей и природы» в 1932 г. были опубликованы несколько карт, в том числе «Карта Приазовья 1741 года» и «Генеральная карта Приазовья 1743 года» (т.1, сс.123, 130). На них мы также не обнаружили никаких новых обозначений.

Не сообщают о гражданских поселениях и другие авторы. Известный исследователь и знаток ранней истории Ростова-на-Дону А. А. Скальковский писал: «Сколько можно было доискаться в местных архивах до 1747-1749 годов вся местность, занимаемая... крепостью св. Димитрия и Нахичеванью, да и все Донское понизовье были совершенно пусты, и хотя издревле ... донские казаки считали их своими дачами, но ... далее Старо-Черкаска усадьбами своими не доходило» (Скальковский А.А., 1865-1866 гг., с.1-2).

Приазовье, как северная, так и восточная (задонская) части, предстает перед нами действительно необжитым и незаселенным краем. Однако, отсутствие стационарных поселений не означает, на наш взгляд, отсутствие иных форм обитания людей в крае. У выше названных авторов, а также в публикациях И. Сулина, А.Скальковского, в «Актах Лишина» (т.2, ч.1) мы обнаруживаем убедительные свидетельства о пребывании в Приазовье, на «нейтральных» территориях охотничьих и рыболовных ватаг донских и запорожских казаков.

По условиям Белградского договора 1739 года жительство им разрешалось временными становищами и касалось только участка от устья Берды до Миуса (Перепечаева Л.Б., 2006, с.253).

В 1749 и в 1751 годах на Дон пришли царские грамоты с требованием «об удалении с Кубанской стороны запорожцев, находившихся там для рыбной ловли» и о воспрещении им въезда туда в дальнейшем (Пронштейн, 1961, с.28). В указах речь шла о приморской территории между устьем Кагальника и Ейским лиманом. Для выполнения задачи небольшие отряды под командованием подпрапорщика Розенкапа и войскового старшины Ларионова были направлены сюда «для изгнания запорожцев и сожжения их шишей» (Акты ..., с.387-388). Однако через время запорожцы вновь въехали сюда «и в тех же местах между Чубурскою и Ейскою косами поставили три шиша» (Там же, с.388). Калмыки сожгли их, а запорожцы на пяти лодках уехали в море ...» (Там же, с.388). Но задонское побережье продолжало притягивать к себе людей вольных и отчаянных.

«Старейший после Азова» - так говорят о селе Кагальник его жители. История его такова. В «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы» (далее - «Материалы ...»), изданных в 1884 г., в томе втором, в статье «Слобода Кагальник», есть такая фраза: «Кагальник давно уже известен был как русским торговцам и промышленникам, так и запорожскому казачеству... . В Кагальнике издавна зимовниками и хуторами сидело несколько запорожцев, спокойно занимавшихся рыбным и звериным промыслами и своим товаром обогащавших чрез Доломановку¹ торговцев Киевских и Московских, промышленников Глуховских и Коронских² («Материалы ...», 1884, т.2, с.210). Сведения о торговых отношениях запорожцев с русскими и украинскими купцами «чрез Доломановку» скорее ошибочны и относятся не к Доломановскому форштадту, а к селению Полуденки, которое согласно данным Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) находилось выше крепости Дм. Ростовского и основано в конце 1730-х – в 1741 годах (Чеботарев Б.В., 1956, с.57). Поселение это возникло как рыбный стан, а после учреждения в 1749 г. Темерницкой таможни стало развиваться как торговое: именно здесь жили купцы и стояли купеческие амбары для

1. «Доломановка» - Доломановский форштадт крепости Дм. Ростовского. Возник после 1760 г., вслед за Солдатским.

2. В Глухове и Короне Черниговской губернии выделялось знаменитое малороссийское сало для всего Запорожья.

товаров. Видимо, это время и имел в виду составитель «Материалов ...» (1884 г.). Но этот же источник сообщает следующее: «В 1736 году в Кагальнике поселилось несколько семейств малороссийского народа³; после 1750 года число семейного малороссийского народа в Кагальнике увеличилось. В 1750 году Кагальничане имели уже у себя походную церковь во имя Покрова Богоматери и при ней иеромонаха Самарского монастыря. Средь лета 1768 года пред годиную лихолетья, предваряя тажкое агарянское нападение, иеромонах ... с походною церковью и со многими кагальничанами ушел к крепости св. Димитрия Ростовскаго и по распоряжению оберкоменданта Потапова, все они помещены были там в Доломановке безопасно» (Там же, с.210). Упомянутая в источнике дата «1736 год» пока не может быть подтверждена другими источниками. Что касается даты «1750 г.», то косвенным подтверждением ее подлинности служит найденное нами в ГАРО дело Донского окружного архивного бюро (Донокрархбюро) за 1921-1923 годы.

Дело в том, что в указанные годы бюро обследовало предприятия, организации и учреждения Ростовского округа на предмет наличия и состояния на текущий момент их архивов.

Кагальницкое волостное правление, заполняя анкету, датой своего основания указало 1750 год. При описании архива правления анкетуемый указал на то, что «старый архив интересен, но хранится в беспорядке, на чердаке, есть дела с 1750 г.» (ГАРО, ф.Р-3762, оп.1, д.1, л.84). Значит, в 1750 г. поселение на р. Кагальник действительно существовало. Видимо, поэтому в последней графе анкеты ее составитель запишет фразу: «... Кагальник после Азова является старейшим поселением Ростовского округа» (там же, л.84). Архив, обнаруженный в Кагальницком волправлении, был признан ценным, а посему, гласила резолюция на анкете, «внимательно отнестись» к нему и перевезти в Азов (Там же, л.84). Сегодня основной массы этих дел не обнаружено ни в районном муниципальном архиве, ни в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), нет его и в Азове.

Что касается времени основания Кагальника, то иногда интересующиеся историей села ссылаются на известный и, как им кажется, абсолютно достоверный источник – на 14-й том труда под названием: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга», изданного под редакцией В. П. Семенова (Тян-Шанского) в Санкт-Петербурге в 1910 г. На странице 344, без каких-либо комментариев, сообщено, что с. Кагальницкое основано в 1760 году.

К нашему поселению дата эта имеет отношение, но не как дата его основания. Дело в том, что в декабре 1760 г. был издан царский указ о строительстве на Нижнем Дону новой крепости и о переводе в нее гарнизона и посадского населения из Анненской крепости. Речь шла о будущей крепости Дм. Ростовского. Однако часть жителей форштадтов крепости Св. Анны не пожелала селиться в новой крепости и переехала на гирло Свиное, где и занялась рыболовством (ГАРО, ф.Р-697, оп.2, д.77, л.16; д.197, л.1, об.; «Ростов-на-Дону 150 лет назад», 1918, с.21). Следовательно, дата «1760 год» может быть признана нами как промежуточный этап в истории становления населенного пункта с названием «Кагальник». Но данный топоним, являясь чистым гидронимом, прежде имел и другие прозвища. Так, комендант Азовской крепости в 1769 г. предлагал увеличить не только территорию земель, отведенных крепости, но и мест для рыбных ловель. Описывая границы последних, комендант считал, что они должны начинаться от «бывших турецких Каланчинских башен, как оные прежде принадлежали к Азову, по всему Дону ... до устья оногo ... с Кагальницким кутом» (Акты ..., собранные А. А. Лишиным, 1884 г., т. II, с.182).

В данном случае мы имеем дело с двухсловным топонимом. Происхождение первого слова связано с местоположением у гидронима, т.е. на правом берегу речки Кагальник.

После таяния весной снегов на Ергенинской возвышенности речка получала очень холодную воду. Поэтому и говорили жители на его берегах: «Пришли вады ис – кагальника, пад – гарой», имея ввиду разлившуюся холодной водой реку (Словарь русских донских говоров. Т. II, РГУ, 1976 г., с.43). При этом ударение в названии речки ставилось на букву «и» - Кагальник. Иногда от жителей Азова и округи можно услышать это название с другим ударением «Кагальник». Но

3. По легенде, сохранившейся в «Сборнике статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство» (1884 г., Екатеринослав), в устье Кагальника малороссов привел осадчий Трофим Король(ев), в 1736 году.

оно не может, на наш взгляд, иметь отношение к селу или речке, поскольку так на Дону обычно называлась полынь обыкновенная, чернобыльник: «Кагальник – бурьян для топки, растеть скрость ф-стипе» (Там же, с.43).

Вторая часть названия, упомянутого комендантом Азовской крепости «Кут» указывает на удаленность места, территории от ближайшего населения, то есть от Азова. Кут – это то же, что и «куток», т.е. угол или край села, казачьей станицы, иногда – это земли в отдаленном глухом месте (Там же, с.103).

В Куту, как правило, было несколько хат или одна небольшая улица.

Теперь вспомним, что в 1768 г. с иеромонахом Самарского монастыря и «с походною церковью» во имя Покрова Богоматери в Ростовскую крепость ушли многие, но не все жившие в устье Кагальника. Часть малороссов могла остаться в Кагальницком Куту, невзирая на приближавшуюся опасность.

Их судьба неизвестна. Но известно, что после взятия в 1769 г. русскими войсками Азова, переселившиеся в 1768 г. в Доломановку кагальничане вновь вернулись в устье реки. «Кагальник опять скоро наполнился народом. При походной церкви слободы ... явился уже новый священник, питомец Киевской академии, из Волыни, Кирилл Остролюцкий... Продолжая заниматься звериными и рыбными промыслами, слобожане, пользуясь спокойствием и безопасностью, начали заниматься уже и скотоводством, пчеловодством и хлебопашеством» («Материалы ...», 1880 г.0, т.2, с.210).

Таким образом, можно утверждать, что поселение на месте современного села Кагальник существует непрерывно с 1769 года.

В 1776 г. в селении побывал губернатор Чертков. Обозрев естественные богатства и житейские удобства местности, он назвал Кагальник «государственной слободой и приказал как земскому комиссару, так и слободскому атаману всеми мерами заботиться о благосостоянии слободы, об увеличении числа обывателей ея ...» (Там же, с.211).

Так бывший Кагальницкий Кут превратился в слободу Кагальник с малороссийским населением.

К середине 70-х годов XVIII в. Таганрог, Азов и крепость Дм. Ростовского, превратились в опорные пункты России в Приазовье и на Нижнем Дону.

К ним следует отнести еще одно фортификационные сооружение, появившееся в начале военных действий между Россией и Турцией в 1768 году. Тогда он был известен как Ейский редут.

В «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии...» (1884 г., т.II) начальная история поселения на этом месте представлена следующим образом: «В числе первых переселенцев в Ейский редут на постоянное жительство явилось множество казаков», к которым вскоре «пристало множество торговцев и промышленников из русских, из греков и армян». Выгоды от торговли, скотоводства и рыболовства влекли сюда людей. Сюда же, как утверждают «Материалы...», в 1770 г. между Еей и Кубанью было поселено из Бессарабского Буджака более 30 тысяч ногайцев. Ими управляли мурзы и калганы. За этой ордой и соблюдением союзнических договоренностей наблюдал российский пристав подполковник Лешкевич и солдаты при нем. Местом их пребывания был Ейский редут, который по мере увеличения в нем и в округе населения стал именоваться с 1775 г. Шагин-гирейским базаром (по имени хана Шагин из династии крымских ханов Гиреев) (ГАРО, ф.Р-697, оп.2, д.77, лл.175-175, об.; «Материалы ...», с.207). Побережье Ейского лимана от устья р. Еи до косы Сазальницкой контролировал Глафировский отряд Азовской бригады пограничной стражи. (ГАРО, ф.229, оп.1, доп., д.56, карта).

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. завершилась подписанием в 1774 г. в дер.Кючук-Кайнарджа (на Днепре) мирного договора, согласно которому все северное Азовское побережье, дельта Дона и земли Задонья с рекой Еей оказались в составе Российской империи. По условиям мира Россия также получила право осваивать и укреплять территорию между Доном и Еей. В 1775 г. указом Екатерины II вновь была учреждена Азовская губерния. Её составили две провинции: Азовская и Бахмутская. В Азовскую вошли – Днепровская линия, город Керчь и Еникале, Приазовье с Азовом, с крепостью Дм. Ростовского, с городом Таганрогом, Черкасск и вся территория Войска Донского.

Таким образом, Приазовье вновь оказалось в составе российской губернии. Угроза ему от нападения крымских татар и турок значительно уменьшилась.

Стабилизировать обстановку в Приазовье и на Нижнем Дону помогли возведенные Царицынская и Украинская оборонительные линии. С 1778 г. началось строительство укреплений на новой части Азово-Моздокской линии (между Моздоком и Ставрополем). Закрепление России в Приазовье и в низовьях Дона в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 годов стало прологом к новой, более массовой колонизации этих территорий. Пытаясь еще со времени Петра I удержать Приазовье для обеспечения своих геополитических и экономических интересов, Россия, добившись этого, уже не могла оставить без внимания заселение и освоение этой территории. Главную для себя опасность правительство видело в бесконтрольном массовом переселении на новоприсоединенные земли помещичьих и государственных (казенных) крестьян. Поэтому все процессы, связанные с заселением Приазовья, оно будет регулировать и регламентировать.

В 1770-х годах в Азовскую губернскую канцелярию поступает большое количество прошений помещиков, военнослужащих из крепостных гарнизонов на отвод земли «на вечное и спокойное владение» (ГАРО, ф.800, оп.1, д.139). В числе просителей были подполковник Аршеневский, надворный советник Шалагин (Там же, д.140); на реке Самбек земельная дача для виноградарства и заводов была отведена Фендрину; здесь же прикупил землю и купец Фурсов (Там же, д.147). На Петрушиной балке обосновался морского флота лекарь Эрик. В 1780 г. в Таганроге разместился Албанский полк.

Но желающих поселиться и осваивать Задонскую часть Приазовья было все еще мало. Косвенное подтверждение тому можно обнаружить, к примеру, в «Деле по доношению майора Грезмана об отводе ему на речке Кагальник 3000 десятин земли» (ГАРО, ф.800, оп.1, д.387). В 1780 г. майор просил отвести ему землю на указанной речке, в 30 верстах от Азова. Чиновники из Азовской губернской канцелярии не возражали, но заметили, что просимая земля без поселений, нет здесь и камыша, да и «желающих людей поселиться на этой земле нет» (Там же, л.1). Документ из канцелярии датирован ноябрем 1783 года.

Русские и украинские помещики, а также военнослужащие из Таганрога и Ростовской крепости охотнее разбирали земли северного Приазовья, как менее безопасные для заселения и освоения. В 1770-1780-е годы по берегам рек Каменки (приток Миуса), Мокрого Самбека и на его притоках Бирючий и Сухой Самбек владельцами «земельных дач» стали Коваленские, Шабельские, Штерич и другие.

В первом томе «Сборника статистических сведений по Екатеринославской губернии» (1884 г.) есть сведения о полученной неким Павлом Шабельским от князя Алексея Борисовича Куракина земле на р.Каменке. Оказывается Павел Васильевич с 1812 по 1814 годы указом императора Александра I был определен к князю А.Б.Куракину помощником по борьбе с заразными морами – язвой и чумой. За усердие в службе Шабельский получил чин статского советника, прижизненный пансион и упомянутую землю на р. Каменке. Участок этот князь Куракин купил еще в 1774 г. у помещика Гацука, а позже, как уже было сказано, подарил Павлу Шабельскому. В 1816 г., в возрасте 42-х лет, Павел Васильевич уходит в отставку и занимается своим новым именем, которое в знак признательности к князю назвал «Милость Куракина». Сюда барин перевел 200 душ крестьян из Черниговской губернии, завел черепичный завод. Так помимо имений в Черниговской губернии, четырех имений в Изюмском и Купянском уездах Харьковской губернии, у Шабельского появилось имение в Ростовском уезде (ГАРО, ф.810, оп.3, д.16, л.1-1, об.; л.45, л.144).

После ликвидации в 1783 г. Крымского ханства и присоединения его владений к России была решена и судьба территории между реками Еей и Кубанью.

В 1783 г. граница России на юге проходила уже по Кубани. С 1784 г. началось сооружение редутов, постов, крепостей на Кубанской кордонной линии, но работы эти были прерваны очередной русско-турецкой войной 1787-1791 годов.

Однако после заключения Ясского мирного договора (1791 г.) Турция признала свое поражение и подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.: Россия получила возможность укрепиться на Северном Кавказе: строительство Кубанской кордонной линии было продолжено. От Тамани до устья Лабы в 1792-1794 годах возникли поселения черноморских

казаков (бывшие запорожцы), а в 1796 г. из них был сформирован Кубанский линейный полк. Переселенных же в 1802-1804 годах из Екатеринославского войска казаков объединили в Кавказский линейный полк.

Таким образом, обширные территории восточного и юго-восточного Приазовья оказались под защитой укрепленных оборонительных линий и ряда русских крепостей.

В ходе военных действий в 1768-1774 гг., а затем в связи с обеспечением работ на правом фланге Азово-Моздокской линии в Задонской степи наметились две основные дороги, которые связывали крепости Азов и Дм. Ростовского, а также город Черкасск (Старочеркасск) с кордонами линии. Одна дорога, степная, соединила Александровскую крепость, построенную в устье р. Лабы, с Черкасском, другая шла от укрепления Копыл, через такое же Ейское укрепление, далее вдоль берега моря на Азов, Ростов, Черкасск.

В данной статье мы рассмотрим историю возникновения поселений от Азова до Ейского Укрепления.

После ликвидации в 1783 г. Крымского ханства границей между Россией и Турцией в декабре того же года была признана река Кубань, а прикубанские степи вошли в состав России. С этого времени Приазовье, в том числе его задонская часть (от Дона и р.Еи), становятся привлекательными для заселения.

Одновременно последовали указы императрицы Екатерины II о территориально-административном устройстве Северного Причерноморья и Приазовья. В 1783 г. Новороссийская губерния была переименована в Екатеринославское наместничество, а в 1784 г. под этим названием объединятся Новороссийская и Азовская губернии. Восточное Приазовье войдет сначала в состав Таганрогского уезда (с 1782 г.), а затем станет частью Мариупольского уезда, который почти соответствовал прежнему, Таганрогскому, и просуществует до 1797 г. В августе того же года появится Ростовский уезд Новороссийской губернии. (ПСЗ, т. XXIV).

Таким образом Приазовье, в том числе его восточная часть, несмотря на желание Войска Донского видеть его своей территорией, решением правительства России всякий раз исключалось из земель Войска и вводилось в состав общероссийских губерний.

С последней четверти XVIII в. продолжилось заселение северной части Приазовья, а также начался процесс заселения Задонской степи (до р. Еи), который с одной стороны сопровождался возникновением в Ростовском уезде дворянского землевладения путем «пожалования» за службу государству или путем раздачи за незначительную плату помещикам государственных земель; с другой – добровольно–принудительным переселением на пустопорожные казенные земли крестьян из Рязанской, Слободско-Украинской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и других соседних с Доном губерний. Не противилось правительству России и вольной колонизации края беглыми.

В распределении потока государственных переселенцев в Задонскую степь опорными пунктами в к. XVIII в. стали сл. Кагальницкая (ныне – с. Кагальник), Койсуг и Ейское Укрепление. Вокруг них к 1820-м гг. возникло более двух десятков хуторов, поселений, которые станут прологом к возникновению полноценных стационарных государственных поселений.

Поселения на частновладельческих землях, как и на государственных, возникали главным образом по берегам рек: на севере уезда – вдоль Миуса и Каменки, Мокрого Самбека и Бирючьей; в Задонской части уезда – вдоль Дона, Азовки и Койсуга; на берегах Кагальника и на правом берегу Еи; семь селений образовались «при морском берегу». Согласно межевым документам в начале XIX в. самым крупным землевладельцем в Восточном Приазовье был греко-албанский подданный премьер-майор Маргарит Мануилович Блазо. Жил премьер в Таганроге, но родовым имением семьи станет село Маргаритовка на противоположном берегу залива. Здесь Блазо принадлежали пустоши, простиравшиеся от слободы Кагальницкой до реки Сухой Чубурки. На правом берегу последней премьер-майор поселил крестьян, перевезенных им из Рязанской губернии. В 1783 г. четвертая перепись податного населения России зафиксировала на восточном побережье Азовского моря, на правом берегу С. Чубурки село Маргаритовку. А вот что в 1796 г. писал о селе сам владелец премьер-майор М.М. Блазо, принявший решение о строительстве в нем православной церкви и обратившийся с этой просьбой к митрополиту Екатеринославскому Гавриилу: «В слободе моей Маргаритовке, населенной по той стороне Азовского моря

(относительно Таганрога, где жил М.Блазо – Т.Ф.), на отмежеванной мне земле состоит ныне восемьдесят дворов, в них мужескаго пятьсот сорок две, а женскаго сто сорок шесть, а обоего пола шестьсот восемьдесят душ. На той же моей земле при Азовском море собственный мой рыбный завод, да посторонних пятнадцать, в коих находится мужеска пола с работниками до четырех сот, а в случае и более душ» («Материалы ...», 1880 г., т. II, с. 233).

Если представленные нами сведения верны, то из них следует, что Маргаритовская слобода к концу XVIII в. несколько «выросла»: на 18 дворов и 30 мужских душ. Но кроме крестьян-великороссов, живших в поместье барина, рядом обитали другие поселенцы-рыбаки, жившие здесь постоянно. Блазо в прошении в епархию как раз упомянул 15 рыбных заводов в пустоши Очаковской и в Некрасовской. (ГАРО, ф. 229, оп. 2, д. 1, л. 11, об.; л. 13). Вместе с крестьянами Маргаритовки и работниками рыбных заводов число живших на пространстве от Очаковской до Чубурской косы уже превышало 1000 человек.

Под рыбными заводами и почтовой станцией в Очаковской пустоши находилось почти 6 десятин земли (Там же, л. 11, об.). В Некрасовой⁴ пустоши, «всемилоостивейше пожалованной» в 1795 г. некрасовскому старшине Родиону Решетникову, первой была, безусловно, почтовая станция, но старшина, как это видно из пояснения к карте, населил здесь деревню Некрасовку (ГАРО, ф. 229, оп. 1, доп., д. 48, карта). Владение Решетникова в кон. XVIII в. было единственным принадлежавшим представителю Войска Донского на побережье Азовского моря. Но вскоре и пустошь Некрасова, и пустошь Черкасова⁵ окажутся во владении премьер-майора Блазо.

В целом же приморская территория от хуторов Кругленьких, основанных жителями слободы Кагальницкой, до косы Сазальницкой по-прежнему представляла собой пустопорожние земли с редкими поселениями. Вдоль побережья Азовского моря шла дорога из Азова в Ейское Укрепление и путнику или нарочному по большей части встречались небольшие рыбные заводи, балки с оврагами и неширокие степные речки, самой большой из которых была Мокрая Чубурка⁶. Единственным заметным селом на этом пути оставалась уже знакомая нам Маргаритовка, а Маргарит Блазо – одним из крупных землевладельцев Ростовского уезда. Но он почему-то не спешил заселять свои земли, часть которых находилась и на северном побережье Азовского моря. Здесь ему принадлежала пустошь Каменоватая (2556 дес.) (ГАРО, ф. 213, опр. 1, д. 15308, л. 25).

По межевым журналам за селом Маргаритовкой было записано 23025 десятин, а всего владения премьер-майора М. М. Блазо в границах Ростовского уезда приблизились к 26 тысячам десятин земли. Однако в источниках начала XIX в. их владельцем показан не Маргарит Блазо, а «вдова полковница Мария Маргаритовна Перичева».

Село Маргаритовка располагалось на правом берегу речки Сухой Чубурки, которая служила естественной межой между землями этого села и пустошью Некрасова (Некрасовой). Согласно данным «Экономического описания...» (1815 г.) пустошь вместе с деревней Некрасовкой и рыбными заводами состояла во владении «некрасовского старшины жены Пелагеи Игнатовой дочери Решетниковой с детьми ея» (ГАРО, ф. 213, оп. 1, д. 15308, л. 10, об.). В Некрасовке на 1795 г. имелось 15 дворов, а земли в пустоши – 6605 десятин (Там же, л. 10, об.).

Однако уже в «Беловых и черновых исчислениях...» (1820 г.) пустошь показана как принадлежащая селу Маргаритовке, а земли в ней – 7125 десятин (ГАРО, ф. 229, оп. 2, д. 1, л. 13).

Следовательно, можно предположить, что в период с 1815 по 1820 годы наследники Решетникова продали землю пустоши Некрасовой вместе с поселением помещику Блазо или его дочери Марии. Решетниковы как владельцы земли в Ростовском уезде больше ни разу в документах не встречены, но некрасовский старшина успел населить близ моря, на левом берегу речки Мокрой Чубурки крохотную деревеньку и назвал ее Некрасовкой. Как долго после смены владельца деревня сохраняла свое название, нам выяснить не удалось. Но на генеральной карте 1840 г. селение указано уже как Ново-Маргаритовка. Это название пошло, видимо, от нового владельца Маргарита Блазо. Но поскольку село с названием «Маргаритовка» уже было, то

4. Название пустоши дано по имени первого владельца – некрасовского старшины Родиона Решетникова.

5. Название происходит от фамилии первого владельца – майора Степана Черкасова.

6. Чубур – поплавок (каз. – донск.). Промышлявшие выловом рыбы жители этих мест (запорожцы, малороссы и пр.) во время весеннего захода рыбы из моря на нерест в реки перегораживали их рыболовными снастями: акватория покрывалась множеством поплавок – чубуров.

бывшую Некрасовку стали называть «Новой Маргаритовской» (ныне – с.Ново-Маргаритовка). Однако у этого сельца долгое время сохранялось другое, неофициальное название – Почта.

Почтовые станции в Приазовье возникли достаточно рано. Как только русские войска под командованием генерал-фельдмаршала П.А.Румянцева заняли в 1768 г. «барьерные» земли на юго-восточном побережье Азовского моря, то возникла необходимость связи гарнизона Ейского укрепления и Азовской бригады пограничной стражи, разместившихся у Ейского лимана, с крепостью Дм. Ростовского на Дону. Так возник один из почтовых трактов в Задонье: от крепости Димитриевской, далее через Дон и местечко Батай, затем степью он доходил до Азова. Здесь менялись лошади, а после нарочный через местечко Кагальник вдоль берега моря добирался к Очаковской косе, где, видимо, в последней четверти XVIII в. тоже существовала почтовая станция. Следующую остановку на этом тракте можно было сделать уже в Некрасовой пустоши, в устье Мокрой Чубурки. Сегодня на этом месте раскинулось небольшое село Ново-Маргаритовка. Почтовые станции содержались на средства, собираемые с населения в виде почтовой повинности (налога). Дело это было весьма важным для государства.

В ноябре 1802 г. указом Сената грекам и армянам, жившим в Мариупольском и Ростовском уездах, было сделано исключение и сбор почтовой повинности с них был приостановлен. Но Александр I счел эту привилегию для переселенцев необоснованной и повелел собирать почтовый налог со всех, в т.ч. и с просителей, т.е. с армян (ПСЗ, т.XVII, с.510). Новый указ об этом появился в марте 1803 года.

В отчете казначейства Ростовского уезда за 1815-1818 годы приведены сведения о почтовых сборах. Здесь, в частности, приводятся данные о средствах, которые за этот период потратил на содержание «почтовых станций в Азове, Очакове, Чумбурской и Ейской...» ростовский купец Чернышов – 6080 рублей. Средства расходовались на содержание 24 троек лошадей. На каждой из этих станций имелось по 6 троек (ГАРО, ф.376, оп.1, д.13, л.31). Почтовую станцию рядом с дер. Некрасовской называли еще и Чумбурской.

Судя по тому, что в Некрасовой пустоши на 1820 год по-прежнему показаны только степь да сенные покосы, новая владелица Мария Перичева не заводила здесь никакого хозяйства (ГАРО, ф.229, оп.2, д.1, л.13).

В числе других первых землевладельцев на побережье в архивных документах значится генерал-майор Иван Платонович Фондервиз(е) (ГАРО, ф.229, оп.1, доп., д.48, карта). Земля ему была отведена вокруг устья речки Средней Чубурки во 2-й половине 1790-х годов. На этой земле, на правой стороне речки, у самого моря согласно данным 5-й ревизии (1795 г.) зафиксирована крохотная деревенька с 4 дворами и 17 душами крестьян обоего пола (ГАРО, ф.213, оп.1, д.15308, л.10, об.). Известно, что в нач. XIX в. она называлась Андреевкой⁷, что указывает на происхождение ее от имени (фамилии) человека, т.е. в данном случае мы имеем в топониме антропогенные признаки. Но кто этот Андрей или Андреев, и почему деревню назвали так, а не иначе, ведь дачей до 1820-х годов продолжала владеть вдова генерал-майора Матрена Петровна Фондервизова (ГАРО, ф.229, оп.2, д.1, л.13, об.).

Местный священник В. Гемберовский, готовя материалы для XII Археологического съезда, помимо прочего сообщил, что в селе на кладбище есть чугунная плита с надписью: «Здесь погребено тело титулярного советника⁸ Якова Андреевича Лыкова ...» (ГАРО, ф.697, оп.2, д.77, л.179). Этот факт упоминается Гемберовским как имеющий историческое значение для селения.

Если следовать аналогии, к примеру, с сельцом Петровским на р. Кагальник, то некто Яков Лыков, будучи Фондервизу не посторонним человеком, основал на берегу моря небольшую деревеньку и назвал её именем своего отца. Так, на наш взгляд в к.XVIII в. появилась деревня Андреевка, которую и зафиксировала 5-я перепись.

За землями вдовы генерал-майорши М.П.Фондервизовой с наследниками простирались незаселенные земли Войска Донского. Через них пролегла часть большой (почтовой) дороги Ростов-Азов-Ейское Укрепление. Здесь сотник Иван Уткин просил в 1810 г. у Войсковой канцелярии разрешение на «устройство постоянного двора и хуторского обзаведения» (ГАРО, ф.341, оп.1, д.75, л.22). Однако ему отказали и предложили поселиться на второстепенной

7. На части 10-верстной карты 1896 г. «ОВД Ростовского округа и времени заселения его» показаны три населенных пункта из числа самых ранних: Елисаветовка (1800 г.), Кагальник (1736 г.) и Андреевка (1801 г.). Около Азова обозначена Малакановка.

8. Гражданский чин IX класса по 12-классной «Табели о рангах»

дороге между дачами «генерал-майора фон дер Виза и слободой казенной Екатериновкой в Екатеринославской губернии состоящих» (Там же, л.22). На юго-западе земли войска граничили с землями, отмежеванными Д.В. Змиеву. На черновой части карты 1822 г. можно обнаружить новые поселения и новые названия: «земля сельца Шабельского статского советника Павла Васильевича Шабельского...» и «земля сельца Глафировки и деревень Водяной и Николаевки майорши Глафиры Васильевны Норецкой с наследниками...» (ГАРО, ф.229, оп.2, д.1, л.14-14, об.).

Происшедшие в этой части Приазовья изменения были зафиксированы в «Исчислениях разным дачам Ростовского уезда...» (1820 г.). Сельцо Глафировка, вне всякого сомнения, получило свое название от имени его владелицы, а земля в количестве 13929 десятин межевалась ему в 1784 г. (ГАРО, ф.229, оп.2, д.1, л.14, об.). Деревня «Водяная», названная по балке Водяной (можно встретить и другое название деревни – Водяная Балка), возникло на земле сельца Глафировки. На земле этого же сельца показана еще и деревня Николаевка.

Для этой, самой удаленной части Ростовского уезда, архивные документы упоминают знакомую по событиям на Таганрогской стороне уезда фамилию Шабельских.

В 1811 году уже знакомый нам Павел Васильевич Шабельский купил у наследников обер-провиантмейстера Д. В. Дмиева 5020 десятин земли близ Ейского лимана. Здесь с конца XVIII в. уже существовало сельцо Сазальник (Сазанлык), но при новом владельце оно все чаще зовется «Шабельским».

«Русский биографический словарь» сообщает о нем как о человеке незаурядном, который «первым завел правильное хозяйство в донском крае». Составитель, видимо, имел в виду, овцеводство. Именно разведение этих животных снискало Павлу Шабельскому известность и славу на этом поприще: он стал действительным членом Главного Московского общества овцеводов и Императорского общества сельского хозяйства России (Русский биографический словарь: Чаадаев-Швитков, 2000, с.465).

В 1820-х годах Шабельский вновь увеличил свои владения на восточном побережье Азовского моря: он купил земли у наследников Фондерице. Со сменой владельца деревню все чаще называют именем «Шабельское», но поскольку поселение с таким названием уже имелось на косе Сазальницкой, то хозяева дали ей другое название: на генеральной карте Ростовского уезда 1840 года она показана как «Милость князя». Что это за название, откуда пошло?

В XVIII-XIX веках достаточно распространенным явлением был перенос на вновь населяемую деревню названия той, откуда переселялись крестьяне, или места, где прежде жил сам помещик. Вот и Шабельский, видимо, не удержался и, переведя в деревню Андреевку крестьян из своего имения «Милость Куракина» на таганрогской стороне, переименовал ее в «Милость князя». Иногда для краткости деревню указывали как «Милость».

Еще одним приобретением П.В.Шабельского в юго-западной части уезда стала покупка земли в Черкасовой пустоши, принадлежавшей по генеральному межеванию селу Маргаритовке, а значит ранее упоминавшемуся премьер-майору М.Блазо.

Наследница Блазо, дочь Мария Перичева (во втором браке – Сарандинаки) завещала земли мужу – капитану флота 2-го ранга Федору Павловичу Сарандинаки и двум своим сыновьям – Маргариту и Павлу. Наследники в покрытие долгов имения продали половину Черкасовой пустоши П.В.Шабельскому, то есть 3055 десятин. Сделка состоялась в период с 1827 по 1829 годы. В 1830 г. новый владелец земли в местности Семи балок, рядом с рыбоспетным заводом, основанным еще Маргаритом, поселил своих крестьян. Их он перевел из Орловской и Курской губерний. Из деревни Ушаковки Орловского уезда Орловской губернии, к примеру, предки тех, кто сегодня носит фамилии Калининных, Новиковых, Небутовых, Орловых, Дубоносных, Николаевых и другие. Селение стали звать по имени владельца – деревня Павла (Павловка). По данным ревизской сказки в 1835 г. в ней проживало 119 мужских и 94 женских душ. Но в этом же документе рядом с первым названием в скобках дано второе – «тоже Семибалка» (ГАРО, ф.376, оп.1, д.742, л.12). Село получило свое название от переноса на топоним названия местности «Семь балок». В некоторых документах XIX в. оно нередко будет употребляться с пояснительной приставкой – «Семибалка Шабельская» (ГАРО, ф.429, оп.1, д.24, л.9).

Наконец, в ревизских сказках имениям Павла Шабельского на 1835 год в числе других

упоминалось имение «ротмистерши Надежды Шабельской».

Забегая вперед отметим, что эта женщина была женой Катона и невесткой Павла Шабельских. Поскольку жену в те времена указывали по чину мужа, то следовательно, сын Павла Катон в 1835 г. был уже ротмистром.

На другой, таганрогской, стороне уезда Шабельскому, как уже сказано выше, принадлежало еще 2685 десятин земли сельца Милость Куракина (ГАРО, ф.99, оп.1, д.132, л.1).

В имении Шабельских на косе Сазальницкой у Павла Васильевича имелось крупное для Приазовья с/х производство: на площади более 3000 десятин пашни, крестьяне под контролем помещика применяли двухполосную систему севооборота. В имении был большой сад, огород. Здесь же можно было увидеть элитные сорта овощей, фруктовых деревьев. Но статский советник многого не успел, как не дождался он и конца работ по поиску воды для Таганрога. Последнее дело и средства в размере 300 тысяч рублей на его осуществление П.Шабельский завещает своему сыну Катону.

В 1847 г. П.В.Шабельский умирает. Его владения были поделены между наследниками. В числе последних были старший сын Катон, средний – Помпей и жена Павла – Екатерина Васильевна. Был у супругов еще один сын – Ахиллес, но он с детства был очень больным человеком. Екатерина Васильевна после смерти мужа жила, видимо, в одном из своих имений в Изюмском уезде Харьковской губернии.

Наследником в Милость-Куракинской даче остался средний сын Помпей, а вот Катону отошли все остальные имения отца в Ростовском уезде, в Задонской части.

К этому времени Приазовье понемногу захватывали перемены. Несмотря на то, что основным занятием населения в I-й половине XIX в. оставался рыбный промысел, а также переработка, заготовка и продажа рыбы, на первый план все увереннее в экономике региона выходит выращивание зерна и сельхозпродуктов с целью продажи на внутренний и внешний рынки (Очерки истории Азова, 2009 г, вып.7, л.111).

В 1846 году с отменой хлебных законов в Англии сложилась особенно благоприятная для русского хлеба конъюнктура на европейском рынке. Цены на него возросли и экспорт хлеба из России тоже стал увеличиваться.

Из степного Предкавказья, юго-восточного Приазовья хлебные потоки стекались к Ростову, Таганрогу, к Азову. Но путь от берегов Терека, Кумы к устью Дона был тогда длинным и не всегда удобным, а транспортные расходы чрезмерно высокими. Необходим был новый порт на Азовском море.

По ходатайству наместника Кавказа князя М.С.Воронцова указом царя 6 марта 1848 г. близ Ейского лимана было положено начало новому городу Ейску. (ПСЗ, 1849 г., т.ХХIII, № 22058). Примыкавшая к лиману с северо-востока часть Ростовского уезда развивается как хлебопроизводящий район.

К этому времени деревни Милость князя, Ново-Маргаритовка и местечко Шабельск со всеми землями находились уже у сына Павла – Катона. Ему же принадлежали земли села Семибалки. При размежевании в 1854 г. дач казенных поселений на правом берегу р.Еи - Екатериновки и Елисаветовки - упоминается земля «гвардии полковника жены Надежды Савельевой дочери Шабельской (урожденной Романовой) ...». Следовательно, Катон к этому времени имел чин полковника, но он был почти предельным в продвижении по военной службе. Закон позволял выходить в отставку или переходить на гражданскую службу с преимуществом в класс. Таким образом, у Катона Шабельского была возможность при переходе в гражданский чин стать сразу статским советником. Он, видимо, так и поступил, потому что уже в 1862 г. упоминается как «действительный статский советник в звании камергера Двора его Императорского Величества» (ГАРО, ф.810, оп.3, д.16, л.1). Другими словами, К.П.Шабельский был настоящим (действительным) чиновником. Что же касается его титула, то это не более, чем почетное звание и отсутствие реальной должности при дворе (Шепелев Л.Е., 1991 г., л.173). Для Катона, как и для многих, звание камергера было почетной наградой, дававшей право на прием ко двору и участие в придворных церемониях. Будучи черниговским губернатором, Катон бывал в С.-Петербурге, но не имел возможности управлять имениями в Ростовском уезде. Поэтому он передал их в общее владение своим сыновьям – Помпею (1828 г.р.) и Николаю (1836 г.р.). Кроме

сыновей в семье Катона была еще дочь Варвара.

Надворный советник Помпей Катонович упоминается в архивных документах часто, так как был известным и уважаемым человеком в уезде. В 1863 г. он стал предводителем Ростовского уездного дворянства, сменив на этом посту не менее известного Е.М.Коваленского. На Помпея в 1883 г. падет жребий стать участником коронации Александра III в Москве: от всей Екатеринославской губернии были отобраны четыре человека, но конечный выбор пал на Помпея. А еще ранее отец доверил ему ведение всех дел по своим имениям в Приазовье.

При Помпее с 1852 года в сельце «Милость князя» будет организована отпускная хлебная торговля. Далеко в море выступал специальный деревянный мост, к которому подходили баркасы, загружались зерном и везли его к кораблям, стоявшим на рейде (Очерки ..., вып.7, с.115). С этого момента селение стало быстро развиваться. Его все чаще называют «порт Катона». Так Помпей увековечил память отца. С тех пор и поныне село называется «Порт-Катон».

Таким образом, из вышеназванных имений Шабельских в Ростовском уезде представителями их рода было основано только одно селение – Семибалки, другие (Шабельск, Порт-Катон, Милость князя) получили от них только свои названия, а также некоторое развитие, как, к примеру, село Порт-Катон.

С развитием в крае товарного земледелия на территории владений Шабельских появляются новые действующие лица. Так, имения Шабельских от Глафиrowsкой экономии до местечка Шабельск некоторое время находились в аренде у разных лиц, в том числе и у крестьян. Но в конце XIX в. В.К.Апраксина продала свое Глафиrowsкое имение английско-подданному Э.Тернеру, который открыл в деревне контору по приему хлеба и зерносыпку. Дело отца наследовал Тернер-младший. Новые хлебные ссыпки и конторы Тернера появились в местечке Шабельск и в деревне Порт-Катон. Произошло это в 1901 г., после того, как Тернер взял у Николая Помпеевича Шабельского в аренду всю землю – 12503 десятины за 108 тысяч рублей в год. В общей сложности Тернер-младший стал арендатором почти 20 тысяч десятин земли на юго-западе Ростовского округа и получил по условиям аренды право на распашку половины арендованной земли.

На 1902 год Тернер сдал землю подесятинно: за толоку по 18 руб., если использовались под распашку, при этом за две десятины платилось как за одну. Пары сдавались по 12 рублей, а стерня – по 10 рублей за десятину, но без права пользования толокою. Последнюю под попас каждому отрезали отдельно, но только из числа тех, кто взял несколько десятин земли под распашку. Таким образом, еще прежний хозяин заставлял крестьян увеличивать пахотный клин.

Тем же, кто брал менее 10 десятин, толока отводилась в общем месте. Такая схема действовала при Шабельском. Тернер также соблюдал ее несколько лет.

Под распашку крестьянам выделялось 800 десятин толоки. На начало 1902 г. крестьяне из четырех сел округа должны были Тернеру более 100 тысяч рублей (ГАРО, ф.98, оп.1, д.5903, л.13).

В апреле того же года произошло столкновение бывших крестьян Шабельского с наемными работниками арендатора земель Тернера. Поводом к конфликту стало постепенное сужение с 90 до 9 сажень ширины прогона для крестьянского скота: вначале его до 40 сажень сузил бывший управляющий имения Петровецкий, затем в эту ситуацию вмешался новый управляющий и арендатор земель некто Потараки, при котором прогон составил уже 9 сажень. Однако истинной причиной конфликта были другие обстоятельства.

В 1902 г. турецко-подданный Павел Эммануилович Потараки сам взял в аренду у Шабельского 200 десятин земли под распашку и толоку. Но крестьяне утверждали, что Потараки отдает землю иностранным арендаторам, «а нам если и попадает, то уже в четвертые руки и за высокую цену, а собранный хлеб не можем продать никому, кроме Потараки» (Там же, л.4). При этом цену за сдаваемый хлеб, как считали крестьяне, Потараки давал низкую. Крестьяне также объяснили, что сдав зерно другому лицу они могли потерять право аренды земли у Потараки. Расследуя конфликт между людьми Потараки и крестьянами, помощник окружного начальника по результатам дознания сообщил, что управляющий не переарендует землю другим лицам. Между тем сельское общество с.Глафиrowsки, ища собственную выгоду, согласилось сдавать Е.Тернеру свой берег за 1200 рублей в год, не пуская сюда других конкурентов арендатора.

Но вскоре и это перестало устраивать крестьян, потому что в соседних Порт-Катоне, в Маргаритовке на хлебных ссыпках условия для сдачи зерна оказались более выгодными. Поэтому в результате конфликта появилось решение сельского схода о высылке из с.Шабельского Павла Потараки. А вот крестьяне Николаевского сельского общества 31 мая того же года обратились в Ростовское по крестьянским делам присутствие с просьбой устроить им аренду земли прямо от Шабельского. С аналогичными просьбами обратились и общества сел Порт-Катон и Ново-Маргаритовкм (Там же, л.9). Для убедительности крестьяне сослались на местного помещика Сарандинаки, который «за землю таких же качеств...» берет от 8 до 12 рублей за десятину, а не 17,5-18,5 рублей, как Тернер. Крестьяне даже вспомнили время, когда их помещик Н.П.Шабельский жил среди них и сам хозяйствовал в своих имениях. Добрых воспоминаний хватило и отцу и деду барина. Шабельский, в конце-концов, дал согласие на прямую аренду земли крестьянами с 1903 года (Там же, л.9).

Общность исторических судеб, населявших Приазовье людей, и в первую очередь русских и украинских крестьян, греков, армян, немцев, миграции и перемешивание населения на этой территории способствовали возникновению здесь более 100 стационарных поселений и складыванию единой хозяйственной ткани региона, что в свою очередь превратило его к концу XIX в. в один из крупных товарно-земледельческих и промысловых районов Дона. В этом проявился колониционный характер освоения Приазовья.

Библиографический список и примечания

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А.А.Лишиным, т.1, 2.
2. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. Изд-во РГУ. 1961 г.
3. Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России к.XVII – н.XIX вв. // Очерки истории Азова. Вып. 11. Азов. 2006 г.
4. Скальковский А.А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна (Б.м). 1865-1866 гг.
5. Чеботарев Б.В. Очерк о начальном периоде г.Ростова-на-Дону и окрестных селений // Из истории Дона. Ростиздат. 1956
6. Материалы к историко-статистическому описанию Екатеринославской епархии. Церкви и приходы. Вып. 2. Екатеринослав. 1880 г.
7. Русский биографический словарь: Чаадаев-Швитков // Под ред. Ф.А.Витберга. М., 2000 г.
8. Полный свод Законов Российской Империи. т. XXIII, т. XXIV, XVII.
9. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Ленинград, «Наука», 1991 г.
10. Перепечаева Л.Б. Азов – порт Российской империи. Конец XVII – начало XX вв. // Очерки истории Азова. Вып.7. 2003 г.
11. Чеботарев Б.В. Очерк о начальном периоде истории г.Ростова-на-Дону и окрестных селений // «Из истории Дона», Сб., Ростиздат, 1956 г.

Переселение черноморских казаков

С.В.Рябинский

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА И ПЕРЕСЕЛЕНИЙ РАЗНЫХ ЕГО ФОРМИРОВАНИЙ В XVIII в.

К концу XVII в. в политико-правовом статусе Украины произошли важные изменения. Согласно статей «Вечного мира», заключенного в 1686 г. Речью Посполитой с Россией, было закреплено ее разделение на две части. Левобережье и Киев с небольшой округой подчинялись России, Правобережье – Польше, а Запорожье из-под двойной протекции обоих государств переходило под исключительное главенство Москвы. При этом за период с 1667 по 1676 гг. России были возвращены территории левобережья, от Путивля до Чернигова и Днепра, от Ахтырки до Киева, от правобережья верховьев Северского Донца до Чигирина, а также обширное пространство степей в излучине Днепра, включавшее земли Запорожской Сечи. Запорожская Сечь стала пограничным форпостом на южных границах России (рис. 1) [1].

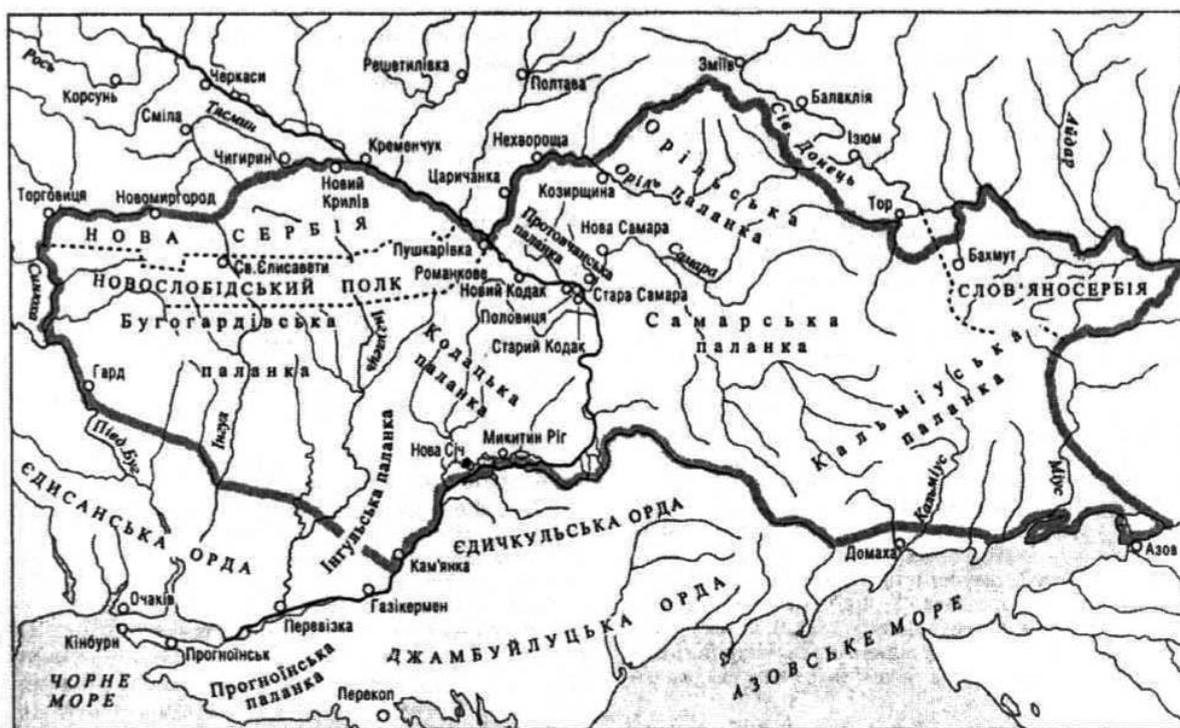

Рис. 1. География земель Войска Запорожского низового в период «Новой сечи» [1]

Северное Причерноморье и Приазовье занимали Едичкульская и Джамбулукская ногайские орды. Помимо татарских становищ и разъездов вдоль границы Запорожской Сечи турки и татары возвели систему крепостей. Севернее дельты Днепра (регион современного Херсона) русло реки контролировали: на правом берегу – крепость Кызы-Кермен, на левом – Ислам-Кермен. Тем самым османы пытались предотвратить выход запорожских чаек в Черное море. Побудил их к реализации комплекса военно-инженерных мер печальный опыт набегов запорожских и донских чаек на города черноморского побережья и Босфорского пролива в XVII в. Эти партизанские рейды на турецкие берега В.Н. Королев назвал Босфорской войной [2]. Перекопский перешеек контролировала крепость со рвом. Западнее располагались турецкие крепости Кинбурн, Очаков, Хаджибей (пересыпь Хаджибейского лимана, в пределах юго-западного фланга которой Россия начала возводить военный порт и г. Одесса), Аккерман. Вдоль Килийского гирла дельты

Дуная располагались турецкие крепости Килия и Измаил. В свою очередь запорожское войско поддерживало в боевой готовности свои укрепления, построенные по типу Сечи – Хортицкая, Томаковская, Чертомлыкская, Базавлукская, Микитинская. Расположение запорожских Сечей в XVI-XVIII столетиях показано на рис. 2 [1].

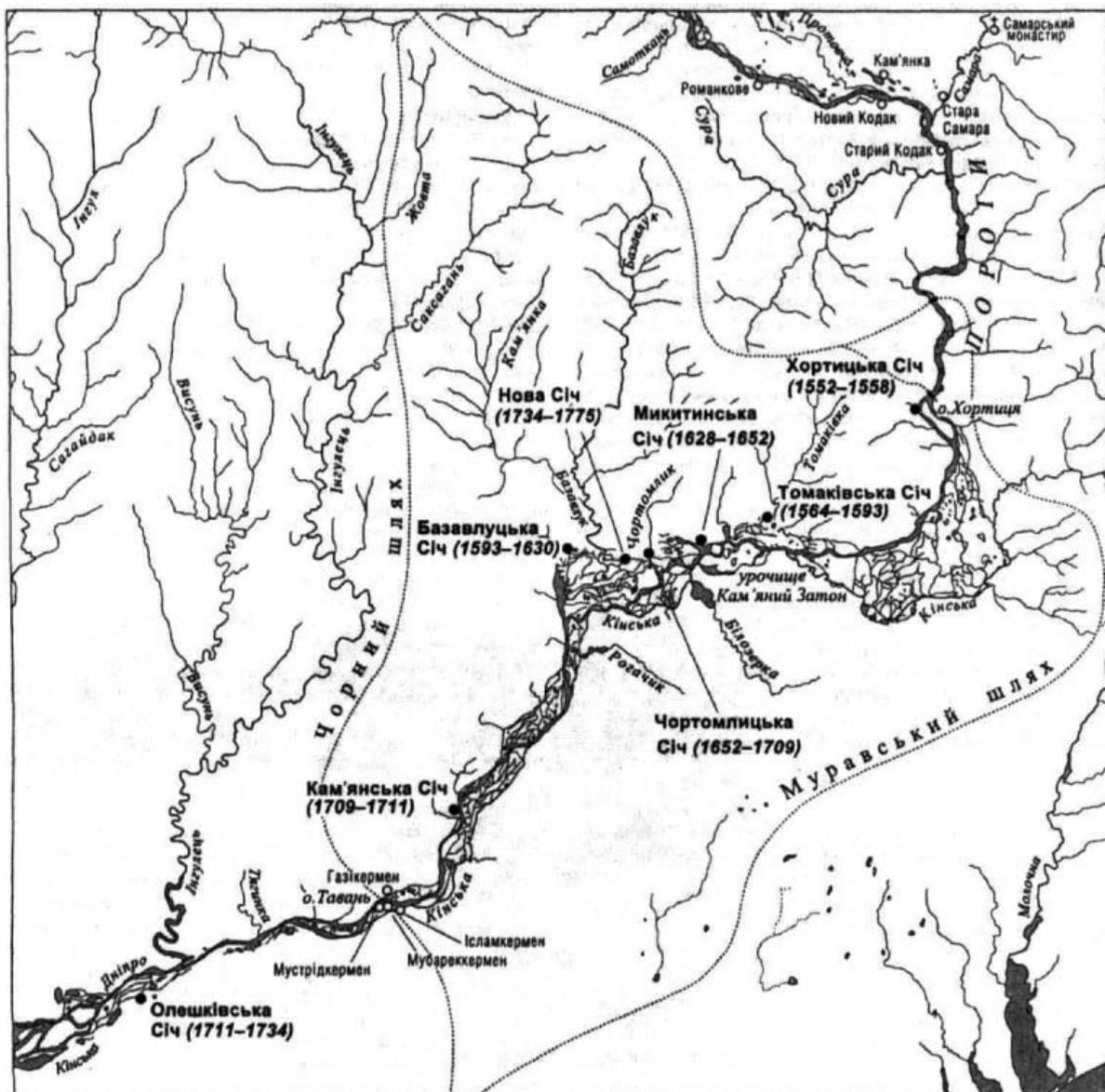

Рис. 2. География разных казачьих сечей в XVI-XVIII вв., которые условно принято объединять в понятие «Запорожская сечь» [1]

Отношения с российским правительством складывались трудно, поскольку приходилось отстаивать исконные права казачества. Нередко запорожские атаманы склонялись к разрыву с Россией, но рядовое казачество не давало совершить предательство. Так продолжалось до 1708 г., когда вновь избранный гетман Мазепа и кошевой атаман К. Гордиенко попытались поставить запорожцев под знамена воевавшего с Россией короля Карла XII. Поддавшись уговору, казаки в марте 1709 г. временно присоединились к шведским войскам и вскоре сурово заплатили за измену. По распоряжению Петра I правительственные войска в мае 1709 г. разгромили Сечь, а остатки запорожцев бежали к крымскому хану и поселились на левом берегу Днепра в Алешковской Сечи. Лишь 31 августа 1733 г., в связи с назреванием войны против Турции и

необходимостью пополнения военного потенциала страны, запорожцы были прощены и получили грамоту императрицы Анны Иоановны о помиловании и принятии в российское подданство. Им было официально разрешено основать Сечь на р. Подпильной. Этот период последней в истории Запорожья Сечи известен как «Новая Сечь» (1734-1775 гг.).

Сечевое войско заняло земли, которые раньше принадлежали Чертомлыкской Сечи на указанной реке. В соответствии с условиями, заключенными летом 1734 г. в Лубнах, Запорожские казаки признавали себя подданными российской императрицы и подчинялись киевскому генерал-губернатору. В 1750 г. запорожцы перешли под начало гетмана А.К. Разумовского, а с 1764 г. находились под главным командованием малороссийского генерал-губернатора П.А. Румянцева. Во внутренней жизни запорожцы сохранили за собой право придерживаться традиционного уклада в войсковом устройстве, хозяйственных делах, судопроизводстве, быту. Следует пояснить некоторые особенности демократического устройства Сечи, которые в прошлом способствовали ее расцвету, но в последующем породили острейшие противоречия с социально-политическим укладом жизни империи в условиях абсолютистского правления.

Отличительной особенностью запорожского самоуправления была широкая власть народного собрания - Войсковой Рады. Рада была и высшей правящей инстанцией, и инициатором всяких начинаний, особенно военных. В состав Войсковой Рады входили только запорожские казаки. Д.И. Эварницкий следующим образом определяет значение Рады для запорожцев: «В основе всей казацкой общины ... лежал обычай: по обычаю ... не допускали в Сечь женщин, по обычаю производили суд и расправу, по обычаю разделялись на курени и паланки, по обычаю собирались в известное время на общие рады или совещания [3]. Общие или войсковые рады происходили у запорожских казаков обыкновенно в определенные дни – 1 января, каждого нового года, 1 октября в храмовый праздник Сечи, Покрову, на 2-ой или на 3-й день «Великодн», то есть св. Пасхи, а сверх того во всякий день и во всякое время по желанию товариства или простой «сиромы». Рада у запорожских казаков была высшим административным, законодательным и судебным органом; приговор Рады был приговором всего войска и, как таковой, был обязателен для всех членов казацкой общины. На войсковых Радах обсуждались важнейшие вопросы жизни запорожского войска: о мире и «розмире», о походах на неприятелей, о наказании важных преступников, о разделе, «по лясам» земель и угодий, и, наконец, о выборе войсковой старшины. Раздел земель и выбор старшины происходили непременно каждый год» [3].

Земельные участки распределялись поочередно, сначала - курени, потом войсковая старшина, затем духовенство и в последнюю очередь женатое население Сечи. Предпочтение отдавалось рядовому казачеству перед другими представителями Сечи. В основе всех дележей лежал демократический принцип, основанный на жребии. Жребий метали ежегодно потому, что земля была разного качества. Этот порядок войскового землепользования не допускал ни споров, ни злоупотреблений.

Высшим исполнительным органом Рады было Войсковое Правительство, в состав которого входили: кошевой атаман, войсковой судья, войсковой писарь и войсковой есаул. Во главе Войскового Правительства находился кошевой атаман. Он соединял в себе военную, административную, судебную и в определенной мере, духовно – административную власть. В военное время он пользовался правами диктатора. Кошевой атаман ведал войсковыми сокровищами, представлял войско в отношениях с правительствами других стран, назначал походную, наказную и паланковую старшины, утверждал судебные решения. Ему принадлежало право последнего решения по вопросам связанным с приемом казака в «товариство» и увольнении его из войска, а так же с распределением по куреням земель, речек, угодий, царского жалования, провианта, войсковых прибылей и добычи. На имя кошевого атамана, приходили царские, ханские и духовные грамоты, указы Сената, ордера гетмана или военачальников, рапорты подчиненных. Вместе с тем, власть кошевого атамана в Войске Запорожском не была абсолютной, поскольку он в своей деятельности подчинялся «товариству», обществу, сходкам старшины или казачьей Раде, без ведома которых не решалось ни одно важное дело. В Сечи существовала практика избрания популярного у казаков кошевого атамана на повторный срок.

Вторым лицом после кошевого атамана в Запорожье был войсковой судья, так же избираемый на Раде. Согласно своему названию, на нем лежали специальные судебные

обязанности, его ведению подлежали как гражданские, так и уголовные дела. Кроме того, войсковой судья исполнял функции сечевого казначея, скреплял серебряной печатью, которая была символом его власти, подписи кошевого атамана на документах. В случае отсутствия последнего войсковой судья исполнял его обязанности и тогда он назывался наказным кошевым атаманом.

Третье лицо в Войсковом Правительстве - войсковой писарь. Он в своей деятельности пользовался довольно широкой самостоятельностью, ведал всем делопроизводством и имел большое влияние на административную деятельность Сечи, руководил войсковой канцелярией и канцеляристами. Писарь составлял и подписывал все бумаги, его должность особенно ценилась и почиталась в Запорожье.

Последним должностным лицом в Войсковом Правительстве был войсковой есаул, избравшийся вместе с кошевым атаманом, судьей и писарем. Войсковой есаул представлял собой интересное совмещение самых разнообразных обязанностей. Он был церемонимейстер при открытии Войсковой Рады; судебный пристав, следивший за исполнением судебных приговоров; судебный следователь, производивший следствия и дознания по разным делам; полицмейстер, наблюдающий за порядком и «благочинием» в Сечи и охраняющий проезжающих; провиантмейстер, заготавливавший продовольствие для войска и принимавший и раздававший хлебное и денежное жалование казакам; разведчик при войске; пограничный чиновник и т.п.

Следующий ряд сечевой старшины составляли куренные атаманы. Они стояли вне Войскового Правительства и их положение ограничивалось скромной долей старших в куренях, но это были уважаемые лица в войске и их влияние на казаков было огромно. За представителями Войскового Правительства и куренными атаманами следовала паланочная старшина. Организация паланочного управления представляла в миниатюре паланочный кош, в состав которого входили полковник, есаул и писарь; у последних двух были помощники - подъесаулий и подписарий. Ведению паланочного управления подлежали собственно порядок и спокойствие в паланке.

Д.И. Эварницкий выделяет еще одну группу войсковой старшины - так называемые «батъки» или «старики», «сивоусые деды», «знатные радцы», т.е. бывшие войсковые запорожские старшины или оставившие свои должности по старости лет, и по болезни, или уступившие их другим после войсковой Рады. Опытность, прославленная отвага, отчаянное удалство в молодые годы обеспечивали им нравственный авторитет в среде запорожского войска. Это были столпы всего низового войска, носители всех его преданий и строгие исполнители казацких обычаев [3; 4]. Наконец, к последней, низшей группе сечевого управления относились войсковые служители – довыш, пушкарь, толмач, кантаржей, шафарь, канцеляристы, школьные атаманы, а также войсковые табунщик, скотарь и чабан.

Запорожская Сечь имела два деления – войсковое и территориальное. В войсковом отношении запорожская казачья община делилась на 38 куреней, 8 паланок. Курени служили жильем казакам, но, вместе с тем, каждый курень был хозяйственной организацией, располагавшей подсобным хозяйством в виде зимовников (хуторов), рыночных будок, отдававшихся в наем торговцам и ремесленникам. Кроме того, курени являлись военно - административными единицами и составляли Запорожское Войско. 10 куреней составляли четвертую часть Сечи, которая носила название пирии и имела свою особую казну и скарбницу (склад личных вещей). Все Запорожье делилось на отдельные округа – паланки. Административно-территориальными центрами паланок, как правило, были «слободы», либо «городки», которые одновременно служили и оборонными пунктами.

Запорожское Войско делилось также на «сечевых» и «зимовых» казаков. Холостые казаки, давшие обет безбрачия, наиболее отличившиеся на войне или долго служившие в войске, называли себя «лыцарством» или «товариством». Только «товариство» могло выбирать из своей среды войсковую старшину, получать хлебное и денежное жалование, участвовать в делении добычи, вершить все дела в войске. Семейные казаки также допускались в Запорожье, однако жить им было дозволено лишь вдали от Сечи, в запорожских степях на отдельных хуторах. Семейные казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей, ремеслами и промыслами. Их называли подданными или «посполитыми» сечевых казаков, «зимовчаками», «сиднями», «гнездуками».

Основу сечевого товарищества составляла «сирома». Со временем термин «сирома» приобрел специальное значение. В силу социального размежевания в казачьей среде, сиромой стали называть беднейшую часть казаков, которые в последний период существования Сечи вынуждены были даже батрачить на зажиточную казачью верхушку.

Новая Сечь фактически продолжила дело своих предшественников. Документы не фиксируют каких-нибудь существенных изменений в системе управления В Новой Запорожской Сечи, как и раньше, законодательные функции принадлежали общевойсковой Раде. Кош Войска Запорожского оставался центральным органом распорядительно-исполнительной власти и занимался решением текущих вопросов. Усложнилась лишь система административно-политического управления. Разделение Запорожья на паланки обусловило появление дополнительных должностных лиц в администрации края. В целом, согласно подсчетам Д.И. Эварницкого, в штат администрации Войска Запорожского входило от 49 до 149 человек.

Общее количество казаков Новой Сечи определить до сих пор сложно. В «репортации» 1736 г. на имя генерал-фельдмаршала графа фон Миниха указывалось, что «число строевого запорожского войска» достигает 6 тыс. человек [5]. В 1762 г., по случаю вступления на престол императрицы Екатерины II, ей на верность присягнуло 20281 человек. На 1774 г. количество запорожцев «военных и пеших людей», увеличилось до 40 тыс. человек. В общем, по подсчетам Д.И. Эварницкого, «в пору наибольшего расцвета одного строевого войска запорожских казаков могло быть от 10000 до 12000, а вместе с обывателями зимовников и слобод, до 100000 человек» [3].

Запорожские казаки придерживались в период Новой Сечи старых традиций в деле пополнения людьми своего войска. Они охотно принимали к себе каждого, кто удовлетворял традиционным условиям относительно вступления в войско и обязывался неуклонно придерживаться норм проживания в Запорожье. Войско Новой Сечи складывалось преимущественно из малороссов. Вместе с тем, здесь можно было встретить выходцев из разных стран, представителей разных народностей.

Между 1763 и 1774 гг. в Сечи практиковалось «почетное казакование», когда по желанию или по капризу российских сановников, военных и гражданских чиновников, которые бывали в Запорожье или знали про него в Петербурге, или же вместе с казаками ходили в походы, их вписывали в куренные общества. Номинальное зачисление в Запорожское Войско подтверждалось соответствующим аттестатом за подписью кошевого атамана, скрепленной войсковой печатью. Архивные документы сохранили нам имена некоторых из этих лиц. Например, сохранились аттестаты за 1763-1767 гг., принадлежавшие генерал-губернатору И.Ф. Глебову и его сыновьям Ивану и Павлу, новороссийскому губернатору А. Исакову, полковнику А. Милорадовичу, члену российско-польской пограничной комиссии А.И. Бибикову, чиновнику Коллегии иностранных дел Петру Веселицкому, лубенскому полковнику Ивану Кулебяке. Аттестаты также были выданы высшим российским военачальникам, участвовавшим в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.: генерал-аншефу графу П. Панину, генерал-майору князю А. Прозоровскому; генерал-майору князю Г. Потемкину; астроному Христофору Эйлеру и др. [6].

В 1734 г., после того как запорожцы из-под власти крымского хана вновь перешли под власть русских императоров, была возобновлена выдача царского жалования. В сенатском заседании 4 августа 1742 г. по этому вопросу было вынесено следующее определение: «Оным запорожцам определено повсягодно отпускать в год жалованья в мирное время против того, как им в 1734 году, при посылке к ним грамоты о прощении вин и о приеме их в подданство российское отпущено и при учинении от них, запорожцев, присяги выдано было, а именно: денег по 4660 рублей из штата конторы, да сверх того к ним же, запорожцам, отпускать хлебного жалованья, муки по 1000 четвертей, круп на то число по препорции, из провиантной канцелярии и кременчужского магазейна, да пороху и свинцу против прежнего из канцелярии главной артиллерии» [7, с. 438]. Во время русско-турецкой войны плата была увеличена и составляла 7046 руб. в 1737-1738 гг., и 6150 руб. в 1739-1740 гг. С 1759 г. по ходатайству гетмана К. Разумовского денежное жалование Запорожскому Войску было установлено в сумме 6660 руб., а с 1773 г. – 7419 руб. [5, 7].

Край, который отошел во владение Новой Сечи, известен под названием «Вольности Войска Запорожского» (рис. 1). Границы этой территории обозначались речками: вдоль Южного

Буга (ниже р. Синюхи, что в него впадает) до Днепра (чуть ниже р. Орели), вниз по Днепру до устья р. Самары, вдоль р. Орели (со временем – вдоль р. Самары) до р. Кременчуг, за которой начинались земли донских казаков. Причерноморские земли между южным Бугом и Днепром продолжительное время оставались почти незаселенными, а в степях Левобережья Днепра до р. Конские Воды кочевали татары.

Устройство Новой Сечи выглядело следующим образом. Сечь разделялась на три части – кош внутренний, кош внешний и цитадель. Внутренний кош представлял собой крепость, обнесенную земляным валом высотой 3,5-4 м с дубовыми палями (бойницами) и башнями. Вокруг пролегал глубокий ров, наполненный водой. Длина укреплений достигала 4 км, а площадь крепостных сооружений – около 40 га. Посреди крепости размещался майдан, где проходили казачьи рады. Там же находилась войсковая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, дом кошевого атамана, войсковая канцелярия, пушкарня, войсковая скарбница. Вокруг всего майдана подковообразно были выстроены 38 куреней и возле куреней – куренные скарбницы и частные домики войсковой или куренной старшины.

Внешний кош был отделен от внутреннего особым валом, посередине которого были устроены широкие каменные ворота, соединявшие обе части Сечи. Внешний кош назывался иначе форштадтом, т.е. предместьем, гассенбазаром, т.е. торговым базаром, слободой запорожцев. Это был центр торговой, хозяйственной и производственной деятельности. В нем было до 500 куренных домов и домов торговцев и мастеровых. Здесь же размещалась сечевая школа, два небольших земляных укрепления – редута. Внешний кош также был обнесен земляным валом и рвом и запирался широкими воротами.

Цитадель, или Новосиченский ретраншемент соприкасался с внешним кошем и соединялся с ним небольшими воротами. Цитадель была основана в 1735 г. русским правительством с целью защиты запорожских казаков от татар и турок. Однако главной задачей Новосиченского ретраншемента было «исправнейшее произвождение тамошних дел и смотрение пропусков за границу, а наипаче для смотра за своевольными запорожцами, дабы их хотя некоторым образом воздерживать и от времени до времени в порядок приводить» [7, с. 117]. В цитадели находились комендантский дом, офицерские, инженерные и артиллерийские помещения, пороховые погреба, солдатские казармы и гауптвахта. В цитадели находились две роты солдат с шестью орудиями. Комендант Новосиченского ретраншемента подчинялся киевскому генерал-губернатору.

Таким образом, Сечь была одновременно и крепостью и военно-административным центром Запорожья. Все Запорожье делилось на отдельные округа – паланки, которых до 1768 г. было пять, а после добавились еще три. На правом берегу Днепра находились три паланки – Ингульская, Кодакская, Бугогардовская; на левом – пять: Протовчанская, Орельская, Самарская, Калмиуская, Прогноинская. По количеству населения и административно-территориальному устройству паланки не были одинаковы. К наиболее заселенным с четко сформированными городами, селами и хуторами относились Кодакская, Самарская, Орельская и Протовчанская паланки. Остальные четыре городов и сел почти не имели, а небольшое их население жило в слободах и зимовниках. В этих паланках постоянно находились казачьи команды, которые обеспечивали охрану пограничья.

Обширные пастбища, прекрасные луга, многочисленные балки и буераки, лесные массивы – все это содействовало развитию скотоводства, которое стало ведущей отраслью хозяйства в Запорожье. Главными его направлениями было разведение коней, крупного рогатого скота и овец.

Постоянно увеличивающееся число хуторов и зимовников постепенно привело и к развитию земледелия. Во времена Новой Сечи возделывались такие культуры как рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха. Большое распространение получили также садоводство, огородничество, пчеловодство и табаководство. Важную роль в экономике Запорожья играли и традиционные рыболовство и охота. Интенсивное развитие получили ремесла, центрами которых были, в первую очередь, предместье Сечи, а также ряд паланковых слобод. Продукция ремесленного производства удовлетворяла в основном местные потребности.

Стабильности экономического положения в Запорожье способствовало развитие торговли. Главным ее центром был сечевой базар, где находились купеческий двор и лавки, принадлежавшие войску и приезжим купцам. Почти каждый курень имел на базаре свой заезжий двор, лавку или шинок.

Сечевого базар был также местом транзитной торговли в Запорожье. Здесь продавались европейские и азиатские товары, доставлявшиеся в Сечь как по воде, так и посуху. Из Крыма, Турции, Греции, стран Ближнего Востока по Азовскому и Черному морям, по Днепру и его притокам в Сечь прибывали многочисленные торговые суда. Они доставляли в Запорожье ружья, пистолы, порох, пули, свинец, конопляное масло, шлейки, башлыки, уздечки, китайские жупаны, шапки с кармазиновым верхом, соль, сукно, сафьян, пестрые полотна, шелковые ткани, вино, оливу, камфору, ладан, стекло, косы, ножи, лезвия, разную бакалею. Сухопутными путями, главным образом Муравским и Черным шляхами, с Гетманщины, Слобожанщины, Правобережной Украины, а также из Польши, России, Литвы и других стран привозили в Сечь выделанные шкуры, сукно, шерсть, полотно, порох, свинец, селитру, ружья, горилку, муку, строительные материалы, рыбацкие снасти, канаты, железо, смолу, коноплю, одежду, табак. Со своей стороны запорожцы также развивали внешнюю торговлю. На Левобережье, Слобожанщину и в Белгородскую губернию они вывозили на продажу коней, скотину, продукты животноводства и промыслов. Главными центрами торговли запорожских казаков в Гетманщине были Стародуб, Миргород, Хорол, Лубны, Ромни, Опошня и другие города, куда они прибывали на ярмарки в дни храмовых праздников [7, сс. 415, 418, 444].

Наиважнейшими способами для обеспечения безопасности запорожских земель от нападений врага были бекеты (пикеты), сооруженные вдоль границ редуты (шанцы), специально смонтированные для сигнализации при приближении противника фигуры, а также курганы (могилы). В 1767 г. запорожские пикеты сосредоточивались на 20 постах, на которых всего насчитывалось 3708 казаков. Сторожевая служба запорожцев дополнялась разведывательной деятельностью. Наиболее распространенной ее разновидностью была засылка в Крым и Турцию своих агентов.

Восстанавливая Запорожскую Сечь, царское правительство рассчитывало прежде всего на укрепление своих стратегических позиций на юге, что в условиях назревавшей войны с Турцией имело важное значение. Новая Сечь должна была стать сильным форпостом на пограничных с Крымским ханством землях, а запорожское казачество – важной вспомогательной военной силой в будущих военных действиях.

Выступление крымского хана в поход на кубанские земли и Кавказ в июне 1735 г. ускорило начало русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Запорожцы отличились в ней при взятии Очакова (1737 г.), в Днестровском походе (1738 г.), сыграли значительную роль в охране пограничья во время отхода российской армии на зимние квартиры. В 1739 г. они приняли участие в походе на Крым, где с наилучшей стороны проявил себя отряд под командованием полковника Онисима Белого, который провел российские войска через Сиваш во время сгона воды и помог занять Арабатскую крепость. Во время похода российской армии на Хотин (1739 г.) запорожцы, возглавляемые кошевым атаманом Яковом Тукало, много сделали для обеспечения надежной разведки. Кроме того, на своих легких чайках они пробрались даже до Дуная, где громили турецкие крепости.

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Запорожское Войско находилось в составе действующей русской армии под командованием фельдмаршала графа П.А. Румянцева. К марту 1769 г. в войске насчитывалось 7,5 тыс. конных и 5,8 тыс. пеших казаков. При этом главную боевую силу составляла конница, а пехота обеспечивала сторожевую охрану в пограничных областях и часто использовалась во время походов на чайках, осуществляя глубокие рейды до междуречья Южного Буга и Днепра. Они достигали Дуная, проникали в районы Очакова, Аккермана, Бендер. В ходе компании 1770 г., во время рейдов до Хаджибея, запорожцы овладели форштадтом и освободили более 5 тыс. пленных. Летом того же года, действуя на чайках под командованием полковника Третьяка, казаки разгромили недалеко от устья Днепра турецкую флотилию и потопили 11 вражеских кораблей.

В 1771 г., совместно с другими войсками, запорожские казаки приняли участие в штурме Перекопа, преследовали татарскую конницу в Крыму, входили в состав отряда, выделенного для прикрытия правого фланга Второй русской армии во время ее продвижения вглубь Крымского полуострова, осуществляли рейды под Очаков, поддерживали связь с Первой русской армией. Возглавляемый полковником Колпаком отряд запорожцев захватил Кафу (Феодосию). Силами

казаков обеспечивалась охрана переправы в низовьях Днепра, через которую велось непрерывное снабжение Второй русской армии. В мае тысяча казаков на 19 чайках из Днепра по Черному морю переправилась на Дунай, где вели бои с морскими силами Порты. Так, 25 августа казаки атаковали турецкую флотилию и захватили четыре галеры, три кончебасы и значительное количество мелких судов. Успешно действовали запорожцы и против береговых объектов врага, в частности, во время рейдов на Гирсов (август-сентябрь). Весной 1774 г. из регулярных войск был сформирован передовой корпус, в состав которого зачислили «всем Кошем» и запорожцев. Продолжая блокаду Очакова и Кинбурна, они на суходоле вступали в частые стычки с турецкими отрядами, а на чайках достигали вражеских крепостей и вступали в перестрелку с турецкими судами. В июне полуторатысячное войско запорожцев выступило в поход на Крым, где заняло и удерживало позиции вблизи Перекопа. Невыгодный для Порты ход военных действий вынудил ее согласиться на мирные переговоры с Россией и 10 июля 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Согласно этого договора, Россия получила Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн, земли между Днепром и Бугом, а также Кабарду [8]. Крым объявлялся независимым от Турции. Успешному для России завершению этой войны способствовало, безусловно, и сотрудничество запорожцев.

Заинтересованное в использовании запорожского казачества для охраны южных пограничных земель Российской империи и для усиления своих войск перед угрозой войны с Турцией, царское правительство стремилось к постоянному контролю над Сечью. Кроме уже упоминавшегося Новосиченского ретраншементы, царские гарнизоны стояли еще в ряде пунктов – в Усть-Самарском или Новобогородицком ретраншементе, в Каменском, Беркутском и Сокольском редутах, по берегам Днепра.

После восстановления в Малороссии института гетманства (1750 г.) Новая Сечь была подчинена администрации гетмана К. Разумовского. Царским указом от 19 октября 1750 г. предписывалось «сечевому запорожскому войску с их атаманом и Кошем, также с их принадлежностями быть в ведомстве у нашего малороссийского гетмана» [9, с. 281]. С тех пор Запорожье фактически попало под двойную власть – киевского генерал-губернатора, с одной стороны, и гетмана, с другой. Последний постоянно вмешивался во внутренние дела сечевиков, в частности, в процедуру выборов кошевого атамана. В июне 1753 г. указом Елизаветы Петровны запорожским казакам было запрещено перевыбирать кошевого атамана и войсковую старшину без ведома гетмана. Прерогативой последнего стал в Запорожье и войсковой суд по криминальным делам. С 1755 г. гетманская администрация уже требовала от кошевой старшины передавать Генеральному суду (в Глухове) всех без исключения запорожцев, принявших участие в гайдамацком движении.

Чтобы прекратить приток беглецов в Сечь и не допустить принятия их в казачество, царское правительство приняло решение об обязательной регистрации всех запорожцев и паспортизации населения, подвластных Сечи, земель. 21 октября 1751 г. гетман К. Разумовский распорядился, чтобы кошевой атаман обеспечил ведение именных списков каждым куренным атаманом с обязательной регистрацией всех вновь прибывших. В то же время запрещалось отпускать кого-либо из куреня без разрешения кошевого атамана и без паспорта. За проживание в Запорожье без этого документа применялось наказание «по тамошнему их войсковому обычаю безпоблажно, дабы и другие видя то, страх имели» [9, с. 282].

Такие «пашпорты» выдавались кошевым атаманом и подписывались комендантом Новосиченского ретраншементы и Микитинского перевоза (как важного торгового пограничного пункта с Крымом). В обоих этих пунктах велись пропускные-записочные журналы. Через некоторое время (в 1754 г.) Коллегия иностранных дел ограничила права кошевой старшины на выдачу паспортов. С этого момента Кош мог выдавать паспорта исключительно для внутреннего пользования. Заграничные документы выдавал представитель Коллегии, который находился на Микитинском перевозе.

10 ноября 1764 г. выходит указ императрицы Екатерины II о ликвидации гетманского правления и об учреждении Малороссийской Коллегии. Ее председателем был назначен генерал-аншеф граф П.А. Румянцев. В указе говорилось: «Сему определенному от нас главному Малороссийскому командиру быть в такой силе, как генерал-губернатор и президенту Малороссийской Коллегии, где он по делам суда и расправе имеет и голос председателя: а в

прочих делах, яко-то содержание в народе добраго порядка, общей безопасности и исполнения законов – должен он поступать с властью губернаторскою, т.е. как особливо поверенный от нас в отсутственном месте. Запорожской Сечи быть ныне ведомой в сем Малороссийском правительстве» [10, с. 91].

В своем наставлении П.А. Румянцеву императрица отмечает, «что Россия при всем том весьма малую, а во время последнего гетманского правления почти и никакой от этого народа пользы и доходов поныне не имела. Сверх сего, вкоренившиеся там многие неурядки, неурейства, несообразное смешение правления воинского с гражданским, от неясности различных чужих законов и прав происхождения;... самопроизвольное некоторых мнимых привилегий и вольностей узаконение, а настоящих частное и великое во зло употребление;... закоснелая почти во всем народе к земледелию и другим полезным трудам леность, и также примечаемая в нем внутренняя против Великороссийского ненависть...» [10, с. 91]. Все сказанное в значительной степени относится и к Запорожской Сечи. И хотя речь об упразднении запорожского казачества еще не идет, но уже твердо стоит вопрос о полном подчинении Запорожья центральным властям и главенству российских законов.

Руководствуясь собственными политическими и экономическими интересами, российское правительство проводило также политику уменьшения запорожских территорий. Жителям Гетманщины сенатским указом от 16 ноября 1734 г. было разрешено пользоваться землями и строить хутора до речки Самары. А в 1746 г. запорожские земли, в связи с размещением ландмилицких полков, были захвачены под их поселение на 30 верст на юг от р. Орели. Кроме того, к выгоде донских казаков в том же году у запорожцев было отобрано «Азовского моря берегов и степу, более трехсот верст». В 1751 г., на северо-западных землях Войска Запорожского была создана Новая Сербия (рис. 1). А еще через два года на северо-восточных окраинах запорожских степей была образована Славяносербия. Формирование в 1753 г. Новослободского казачьего полка также сопровождалось отчуждением запорожских земель (рис.1) [11].

Кроме того, при потворстве правительства северные соседи Запорожской Сечи старались захватить как можно больше запорожских земель. Постепенно они переходили установленные границы и начинали на сечевых землях косить сено, ставить пасеки, пахать землю. После хозяйственного освоения запорожских земель вернуть их под власть Коша было практически невозможно.

Выступить против решений высших органов власти Российской империи и силою восстановить контроль над утраченными землями Кош не мог. Вооруженное выступление против размещенных правительством на сечевых землях военных формирований было невозможно поскольку сил для сопротивления со всею Российской империей у Сечи в XVIII в. не было. Поэтому, стараясь вернуть утраченные земли, Кош был вынужден посылать российскому правительству многочисленные жалобы и прошения, отправлять в Петербург «депутации», которые добивались справедливости. Однако эти хлопоты были напрасными – российское правительство не желало отказываться от захваченных земель. Игнорировать же самовольный захват своих земель Кош не мог и вынужден был втянуться в долговременную борьбу с захватчиками.

Запорожская Сечь, после заключения Кючук-Кайнарджийского договора, утратила роль пограничного южного форпоста и в рамках существующей структуры уже не нужна была российским властям. В своем Указе от 29 июля 1775 г. Екатерина II официально оповестила о разрушении Сечи и упразднении запорожского казачества: «Запорожская Сечь исчерпала себя. Отныне и должно исчезнуть название «запорожский казак» (12). Было сказано, что Запорожский Кош был уничтожен за «учиненные им буйства, грабежи и, наконец, за неповиновение» [12, с. 173].

Суть, конечно, была не в грабежах. После покорения и подчинения центральной власти Донского и Яицкого казачества, только Запорожье представляло собой обособленную автономную казачью область, населенную вольницей и не признававшую в своих внутренних распорядках иной власти, кроме своего казачьего самоуправления. Естественно, что абсолютизм, достигший при Екатерине II крайней степени своего развития, не мог ужиться с такой вольнолюбивой окраиной. Поэтому, в силу расхождения внутренней политики с казачьими идеалами свободы и самоуправления, и была уничтожена Запорожская Сечь.

В истории в качестве основной причины разгрома Новой Сечи приводится мысль о поддержке запорожскими казаками пугачевского восстания, что и определило их судьбу. Однако, если обратиться к Манифесту Екатерины II «Об уничтожении сечи запорожской», то выясняется, что о Пугачевском восстании в нем даже не упоминается. Зато явно присутствует великодержавная претензия на запорожские земли. Запорожцы, оказывается, имели «дерзость, присвоив и требуя наконец себе, как будто достояние их собственности, не только всех тех земель, которые Нами через последнюю войну от Порты Оттоманской приобретены, но даже и занятых селениями Новороссийской губернии, предъявляя будто им и те и другие издревле принадлежали, когда напротив всему свету известно, что первые из сих земель никогда во владении Речи Посполитой польской не находились, следовательно же от оной никому и даны быть не могли; а последние хотя и составляют часть Малороссии, но тем не менее особенною принадлежностью казаков Запорожских никогда не были; да и быть не могли, потому что они в самом бытии своем не имели никакого законного начала, следовательно же и собственности никакой в землях, а были единственно терпимы в тех местах, где они засели, в замену прежней там военной стражи» [12, с. 173].

В 1775 г. судьба Запорожья была окончательно решена. В конце мая 1775 г. командующий армией генерал П. Текелли, войдя в Запорожье, занял все паланки и слободы. 4 июня один из его отрядов подошел к Сечи, окружил ее и овладел укреплениями. На следующий день, 5 июня, гарнизон Новой Сечи сдался на милость царским войскам. Войсковые регалии, клейноды, сечевой архив и материальные ценности были вывезены в столицу Российской империи. По словам Скальковского, «в Сечи все укрепления были разрушены, артиллерия взята, пушкаря засыпана, курени были разобраны и отосланы в Никитино для устройства временных провиантских магазинов. Церковь Покровская была пощажена (но впоследствии разграблена и разрушена – авт.), но могильные часовни, памятники и кресты на церковной площади или сняты, или уничтожены. Два-три домика кошевых или старшин поселяне, бывшие слуги казачества, купили с публичного торга и перевезли в другие места. Два года спустя только валы, рвы, могилы и развалины давали знать, что там была некогда столь знаменитая Сечь» [5].

Жестокою расправу претерпели и запорожские старшины. Кошевого атамана П. Калнишевского заключили в Соловецкий монастырь, где в холодных стенах монастырской кельи он страдал до своей кончины в глубокой старости. Кошевой атаман Головатый и писарь Глоба были сосланы в Тобольск. Однако, около 5 тыс. запорожцев выскользнули из окружения и, перебравшись во владения турецкого султана, основали там Задунайскую Сечь. Большая же часть запорожцев рассеялась по Малороссии, южнорусским губерниям, была закрепощена помещиками. Земли Войска Запорожского были разделены между Новороссийской и Азовской губерниям. Были экспропрированы прекрасные казачьи земли и степные угодья. Пожалование запорожских земель знатым вельможам сотнями тысяч десятин отвечало видам насаждения в южной России крупного поместного сословия.

Князь Г.А. Потемкин и создание Коша Верных казаков

После окончания русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, России отошли крепости Керчь и Еникале, земли между Бугом и Днепром, Доном и Ееей, Крым, населенный татарами, получил независимость, а впоследствии вместе с Прикубаньем вошел в состав Российской Империи. Османская империя не могла примириться с потерей Крыма и только ожидала благоприятной обстановки для его возвращения под свою власть. В этом она большое значение придавала Прикубанью и Тамани, связывающей обе части крымского ханства. К 1787 г. вновь нависла угроза новой войны с Турцией.

Во второй половине XVIII в. кабинет Екатерины II обратил внимание на казачество, способное выполнять роль пограничной стражи и маневренной силы в будущей войне. Оказалось, что в составе русской армии на юге страны запорожцев заменить было нечем. Разогнав запорожское войско, правительство вместе с тем лишилось довольно внушительных военных сил. Недаром не только генерал-поручик Текеллий, но и сам князь Г.А. Потемкин тщательно скрывали уход в Турцию части запорожцев.

Первая попытка исправить ошибку задним числом окончилась неудачей. Г.А. Потемкин потребовал от Текеллия список наиболее покладистых запорожских старшин, не выказывавших особенно протестующих поступков при разрушении Запорожского Коша. В своем Ордере от 18 июня 1775 г. он дает Текеллию указание: «Переписать число душ в каждой слободе особенно и сделать положение, к которому пикинерному полку по удобности и ближайшему расстоянию каждая из них приписана быть должна... Затверделых в грубости старшин... всеми возможными образами уволить не токмо от всякого между ими большого сообщества, но и в такое место, где бы они в неослабном над ними надсматривании быть могли; о заслуженных же из них и достойных уважения людях прислать ведомость, равным образом и о тех, кто действительно были на службе казаками...» [12, с. 177].

Несмотря на то, что запорожцам обещаны были от казны денежное жалование и провиант, они наотрез отказались поступить на службу, узнав, что Г.А. Потемкин хотел образовать из них лишь два пикинерных полка, иначе говоря «записать в солдаты». Но, «...казаки не могли быть не казаками. Их нельзя было ни покупать гневом грозного временщика, ни сманить заманчивыми обещаниями. Напротив, эта попытка приручить к «московской службе» запорожцев была причиной усиленного бегства их в Турцию в Задунайскую Сечь», - считает Ф.А. Щербина [11].

Тогда, в силу необходимости, князь Г.А. Потемкин изменил тактику по отношению к упорным представителям казачьих запорожских вольностей. Он приблизил к себе наиболее видных запорожских старшин, оставшихся на месте, т.е. не сбежавших в Турцию и не сосланных правительством в крепости и монастыри. В числе их оказались есаулы: Сидор Белый, Логин Мощанский, Ломака, Легкоступ; полковники: Чепега, Колпак, Иван Высочин, Андрей Белый; полковые старшины: Антон Головатый, Тимковский и др. Всем им были предложены армейские чины и жалование, без непременно условия поступить на службу. Частная собственность так же была сохранена за ними, а некоторым, например, Сидору Белому, были пожалованы даже земли. Эти завлекающие приемы дали более осязательные результаты. Некоторые из бывших запорожских старшин сами поступили на гражданскую службу. Были одиночные случаи поступления в Полтавский и Херсонский пикинерные полки.

Однако, запорожские старшины нужны были Г.А. Потемкину для других целей. Он задумал сгруппировать вокруг них казачество и возобновить Войско Запорожское, организовав его по образу Войска Донского. Поэтому Г.А. Потемкин окружил себя такими представителями запорожской старшины как Антон Головатый, Захарий Чепега, Сидор Белый и других, произвел их в армейские чины, назначил жалование и держал их при себе, как бы в виде почетного конвоя. И, по всей видимости они не упустили случая, чтобы повлиять на Г.А. Потемкина в желательном для них направлении. Во всяком случае, уже в 1783 году, князь Г.А. Потемкин в особом документе на имя Антона Головатого определенно высказал свои намерения собрать снова запорожцев. «Объявляю, - говорилось в документе от 1 июля 1783 г., - чрез сие из пребывающих в Азовской губернии, Славянской и Елизаветской провинции жителей, кои в бывшем войске Запорожском служили, что полковому старшине и армии капитану Головатому Антону препоручено от меня приглашать из них охотников к служению в казачьем звании под моим предводительством. Число сих казаков простираться будет конных до 500 и пеших в лодках то же число, которым определяется довольное жалованье и пропитание» [11]. Такие же поручения с «листами» были даны полковникам Захарии Чепеге и Легкоступу. Вокруг них при деятельном участии бывшего в Запорожье войсковым есаулом Сидора Белого, начали группироваться сечевики.

Более успешно формирование запорожцев пошло лишь тогда, когда особенно обнаружилась необходимость в них. Через 12 лет после разрушения Запорожской Сечи, в 1787 г. вновь началась русско-турецкая война. Князь Г.А. Потемкин, стоявший во главе русских войск, понимал необходимость казаков-запорожцев в той войне и в тех условиях. И ему суждено было сыграть важную, но, несомненно двусмысленную, роль в судьбе одного из казачеств. Цели правительства, которые осуществлял князь Г.А. Потемкин и стремление казачества, выразителями которых были А. Головатый, С. Белый, З. Чепега и их единомышленники, существенно разнились. Правительству нужны были в данный момент только воины, специальная часть армии, а казаки – организация войска на правах самоуправляющейся общины. Но главная цель – образование из разрозненных сечевиков единого казачьего войска была одна и та же и у Г.А. Потемкина, и у бывших запорожцев.

В 1787 г., во время путешествия Екатерины II по Новороссии и в связи с предстоящей войной с Турцией, Антон Головатый, Сидор Белый и другие казачьи старшины, при несомненном участии самого Г.А. Потемкина, поднесли в Кременчуге адрес императрице, в котором, от имени запорожского казачества, просили разрешения о создании нового Войска, хотя бы и под властью Императрицы. Момент для подачи прошения был выбран весьма удачно и поэтому вопрос о создании войска был решен положительно.

В первом своем обращении к казакам от 20 августа 1787 г. Г.А. Потемкин предполагал образовать лишь «военные команды волонтеры» из казаков «служивших в бывшей Сичи Запорожской». Он обещал им жалование, провиант и фураж только на время службы, а особо отличившимся – особые награды. Это было лишь частичным применением общих в русской армии порядков. В следующем, от 12 октября 1787 г., документе, касающемся желания капитана Захария Чепеги собирать волонтеров, разрешается уже «набирать охотников из свободных людей». Организация уже поставлена шире – она распространялась не только на бывших запорожцев, но и на свободных людей вообще. Наконец, Указом императрицы от 22 января 1788 г. уже предписывалось учредить «Войско верных казаков Запорожских», названное так в отличие от «неверных», ушедших в султанскую Турцию. 31 января 1788 г. князь Г.А. Потемкин, объявляя казакам о «благоволении» Екатерины II за службу, сообщает, что «Государыня изъявила согласие на пожалование казакам земли в Керченском куте на Тамани, по его, фельдмаршальскому, усмотрению, и изъявляет с своей стороны желание помочь казакам, стараясь о благе своего войска» [13]. Таким образом, в течение нескольких месяцев, с 20 августа 1787 г. по 31 января 1788 г., «волонтерные команды» сами собою и в силу господствующих обстоятельств, превратились в казачье войско. Войско еще не было организовано как следует, но ему уже была обещана определенная территория для устройства его гражданского и хозяйственного быта.

Мысль о предоставлении запорожцам земли на Тамани у Екатерины II и Г.А. Потемкина возникла, по всей видимости, сразу после решения о создании нового войска. Как известно, Тамань и Прикубанье к 1787 г. представляли собой практически незаселенные территории, охраняемые регулярными частями русской армии, снабжение и обеспечение которых представляло серьезную проблему. Идея создания административно управляемой области и ее экономического освоения фактически лежала на поверхности. Способность казачества к самоорганизации позволяла воплотить в жизнь не только эту идею, но и обеспечить надежную охрану границ по р. Кубань. Поэтому, в своем письме к Г.А. Потемкину от 11 января 1788 г. Екатерина II, касаясь этого вопроса, пишет: «Если тебе удастся переманить запорожцев, то сделаешь еще дело доброе, если поселишь их в Тамани. Думаю, это в самом деле их место» [11]. И только лишь начавшаяся русско-турецкая война и активное участие в ней запорожцев, отодвинуло перспективу поселения на Тамани до 1793 г.

Документ по пожаловании земли войску был препровожден кошевому атаману С. Белому знаменитым полководцем А.В. Суворовым. 27 февраля 1788 г. А.В. Суворовым был составлен сопроводительный документ, в котором в частности сообщалось: «Вследствие Ее Императорского Величества указа о всемилостивейшем благоволении к верным казакам, препровожденный от его светлости главнокомандующего армиею господина генерал-фельдмаршала и многих орденов кавалера князя Григория Александровича Потемкина-Таврического лист при сем следует в войско. Также: знамя войсковое белое большое, малые для куреней, которых по умножению людей, прибавлять будет вперед, булава атамана кошевого и другие перначи. Изображение на оных креста с сияющим в середине солнцем представляет привязанность войска к вере христианской; на другой же стороне, в звезде надпись ордена св. апостола Андрея Первозванного означает хранение им веры, проповедуемой сим апостолом в странах по Днестру лежащих, и верность к Государю и Отечеству. Сколь сии отличности для войска знамениты, столь да умножат свою ревность к службе и окажут храбрость в военных подвигах [14]. А.В. Суворов лично вручил эти старинные символы сечевого устройства кошевому атаману С. Белому. Кроме этого Войску верных казаков – преемнику Войска Запорожского, Екатериной II была пожалована войсковая печать, переданная при ордере князя Г.А. Потемкина от 13 мая 1788 г. В этом документе он употребил форму, аналогичную старинной форме обращения правительства к запорожцам: «Войска верных казаков кошевому атаману господину подполковнику, старшинам и всему

войску,» [15 - так начинается важный по тому времени документ, в котором признано Войско как организованная единица, кошевой атаман и старшины.

Таким образом, в силу жизненных обстоятельств «волонтерские команды», ставшие затем Войском, сложились в чисто военных целях, по образцу разрушенной Сечи. По крайней мере, формальные признаки, характерные в этом отношении для Войска верных казаков и несуществовавшей Сечи, были одни и те же. Тем не менее, это были лишь одни формы, вызванные к жизни важными обстоятельствами, но им не доставало души – той широкой автономии, которой пользовалась Запорожская Сечь. Урок же с Сечью был еще в памяти, а намерения правительства, в плане подавления любых автономных стремлений, очень определенны.

Положение вновь образованного казачества было не прочно и сложившиеся в нем порядки были далеки от идеалов казака. Подтверждением этому служило нежелание запорожцев, бежавших в Турцию, присоединиться к Войску верных казаков. Напрасно сам князь Г.А. Потемкин посылал в Кош задунайских казаков воззвания, обещая прощение и защиту вернувшимся запорожцам. Однако, запорожцам нужны были не прощение и защита, а полноправная и самостоятельная община. Ни к чему не привели и особые поручения, возложенные на генерал-поручика Павла Потемкина о привлечении задунайских казаков в русские войска. По его распоряжению кошевой атаман З. Чепига вошел в непосредственные сношения с турецкими запорожцами. Агитация русского правительства и кошевого атамана привела лишь к незначительным результатам. Нашлась небольшая часть перебежчиков, которые по одиночке и небольшими группами бросили свой Кош в Турцию и явились во вновь образованное войско. При таких обстоятельствах и в таком виде Войско верных казаков вошло в состав действующей армии.

К августу 1788 г. численность Войска верных казаков составляла 2000 всадников и 5000 пеших. Собственно, в военном отношении казаки вполне оправдали расчеты правительства на их боевую пригодность в предстоящей войне России с Турцией. В продолжение всей войны казаки воевали с неустанной энергией, храбростью, отвагой, умением и почти всегда с поразительными успехами.

Оправдались, в известной мере, и ожидания запорожцев. Они не только образовали войско, как военную единицу, но и обзавелись впоследствии своей территорией. Первоначально Кош был основан в урочище Васильково, а кошевым атаманом был Сидор Белый. Во время его атаманства Войско делилось на две части – пехоту, находившуюся под командованием кошевого атамана и конницу, бывшую под началом Захария Чепеги, пользовавшегося популярностью среди казаков. Указом 23 января 1788 г. Екатеринославского нижнего земского суда сообщено было для всеобщего сведения, что «господин полковник Сидор белый наречен войсковым атаманом верных казаков и велено ему учредить свой кош на Збурьевской стороне». Поэтому, приглашались казаки записываться «пешие у войскового атамана Сидора Белого на Збурьевской стороне, а конные у полковника армии секунд-майора Захария Чепеги на Громоклее» [15].

Дальнейшее деление обеих частей Войска на более мелкие подразделения, распределение по отдельным разрядам казачьей старшины – полковников, есаулов, хорунжих и прочих, их военная дисциплина и взаимоотношения всецело покоились на порядках, сложившихся в Запорожской Сечи. И так военное дело велось в течение всей войны.

Сначала Войско, в отличие от неверных запорожских казаков принявших покровительство Турции, было названо просто – «Войско верных казаков». Иногда к этому названию добавляли – «запорожских», а самих казаков называли по старому – запорожцами. Это крайне раздражало Екатерину 11 и в одном из писем к князю Г.А. Потемкину (от 22 февраля 1788 г.) она пишет: «Что верные запорожцы верно служат, еще похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание. В людях же незнающих чтоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу либо название» [16]. В этом замечании обращают на себя внимание два момента. Первое – это косвенное признание Екатериной 11 разрушение Сечи, а второе – недопустимость воссоздания прежней казачьей вольницы. Новое войско из бывших запорожцев должно стоять на службе у государства и название должно иметь новое. Успешное участие верных казаков в военной компании 1788 г. на Черном море определило и их будущее наименование. После взятия Очакова, по указу императрицы Екатерины 11, в декабре 1788 г., Войско верных казаков было

удостоено наименования Черноморского. С этого момента Войско официально стало называться «Войско верных казаков черноморских», а сами казаки – черноморцами.

Безусловно, что Войско верных казаков черноморских в первую очередь предназначалось для решения стратегических задач – укрепления военной мощи на юге страны. Но, присваивая князю Г.А. Потемкину в 1790 г. звание Великого гетмана, Екатерина II придавала этому факту и политическое значение. Формирование казачьих полков в пределах Украины на новых началах, по ее словам «...будет одобрением и важнейшим средством для всех обитателей Польши российской веры и российского происхождения, чтобы становиться под Ваше (Г.А. Потемкина – авт.) предводительство в деле, которое должно там начаться», т.е. в борьбе за включение Правобережной Украины в состав России. Манифестом также даровалось «всемилодивейшее прощение всем отлучившимся из Отечества равным образом принадлежавших бывшему Запорожскому войску. Велено принимать их со всей кротостью и снисхождением, не допуская никого делать им притеснения».

Общественное положение Войска первоначально юридически точно не определялось, но оно не подчинялось гражданским властям – им была гарантирована независимость этого рода. С момента формирования у черноморцев была внедрена пятисотенная структура конных полков, как в Донском казачьем войске, но свое обмундирование, которое казаки носили с гордостью. За короткий срок Войско достигло численности 10 тыс. человек, но определенной, четко отграниченной территории не имело до 1790 г.

С началом боевых действий Войско верных казаков вошло в состав действующей армии под командованием князя Г.А. Потемкина. Своим формированием и становлением будущие черноморцы провели при самом активном участии. Во время русско-турецкой войны черноморские казаки не только несли передовую разведывательную службу, но и участвовали во всех важнейших сражениях на суше и на море. Участие в военных действиях против турок началось для черноморцев с 1788 г. В целях усиления русского флота по распоряжению Г.А. Потемкина стала формироваться казачья флотилия. 4 мая 1788 г. войсковой судья А.А. Головатый принял в Херсоне 22 канонерские лодки, полностью оснащенные и вооруженные. 13 мая вице-адмирал Н. Мордвинов отправил войску 14 лодок. Две лодки были получены казаками от принца Нассау-Зигена. К июню Войско верных казаков завершило комплектование флотилии судами и личным составом. 26 мая 1788 г. А.А. Головатый получил приказ от кошевого атамана С. Белого возглавить созданную казачью гребную флотилию и войти с ней в состав русского флота. Казачья флотилия в составе русского флота под командованием принца Нассау-Зигена приняла самое активное участие в батаях с турецким флотом. Первое боевое крещение черноморцы приняли 1 июня у Кинбурнских берегов, когда турецкие корабли напали на казачьи лодки. В ходе сражения все атаки противника были мужественно отражены казаками.

16 июня казаки участвовали в сражении против трехпалубных кораблей противника, севших на мель. На своих «чайках» они смело шли на abordаж турецких кораблей, принудив вражеский флот отступить с места битвы с большим уроном. На этот раз самоотвержение черноморцев было куплено ценою гибели кошевого атамана Сидора Белого, который был смертельно ранен в бою, и, через несколько дней, умершего. После смерти С. Белого новым атаманом Войска верных казаков был избран секунд-майор Захарий Чепега.

1790 г. начался для русской армии неблагоприятным обстоятельством. Умер союзник России Австрийский император Иосиф II, совместно с войсками которого действовала против турок и армия А.В. Суворова. Новый император Австрии Леопольд заключил с Турцией перемирие и, сразу же, изменился план кампании. На обширном протяжении со стороны Австрии турецкие силы были высвобождены и могли быть частями двинуты против линии наступления русских войск, тянувшейся от Черного моря до Галаца.

Светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический указом Екатерины II был назначен «Великим гетманом Императорских казачьих войск Черноморских и Екатеринославских». Особенно важно было то, что на Великого гетмана, в сущности малочисленных казачьих войск, это назначение возлагало определенное обязательство по отношению к казакам.

После назначения князя Г.А. Потемкина «Великим гетманом» проблема земли сдвинулась с места. В грамоте на имя кошевого атамана З. Чепеги от 1 марта 1790 г., новый гетман сообщил,

что представил на утверждение императрицы проект о представлении войску земель между Бугом и Днестром. Согласие Екатерины II было получено, причем к названным территориям были добавлены Таманский полуостров и Еникольская округа (окрестности г. Керчи). Кроме того, от себя лично, князь Г.А. Потемкин подарил черноморцам «навсегда» свои собственные рыбные угодья на Тамани. Эти распоряжения командующего армией Г.А. Потемкина, сразу упрочивали будущее Черноморского войска. Казаки не заставили себя долго ждать и, свободная от службы часть их, дружно взялась за дело немедленного заселения назначенных для Войска земель. Тогда же был основан и Кош Войска Верных казаков черноморских в селении Слободзея.

Расселение черноморского казачества в Бугско-Днестровском междуречье. Обустройство войска на новых землях

В начале 90-х гг. XVIII в. южная зона междуречья Буга и Днестра, ставшая окраиной исторической России, приобрела важное военно-стратегическое и государственное значение. В силу этого российское правительство стремилось привлечь в эти места побольше населения и выдвинуло в эту полосу казачьи формирования. В Бугско-Днестровском междуречье последовательно сменились крупные казачьи войска – Черноморское, Екатеринославское и Бугское. Здесь же некоторое время базировались некрасовцы и донские казачьи полки «регулярной» службы. По истечении определенного времени они были передислоцированы на восток от Днестра, но часть рядовых и офицеров и многие «подданные» не пожелали покинуть с трудом обжитые места, перешли в города (особенно екатеринославские казаки), а немного черноморцев и бугцев осело навсегда в сельской местности левобережья Днестра, либо переместилось в Буджак и Подунавье. Первоначально Кош Войска верных казаков размещался за Днепровским лиманом, в окрестностях Алешек. Место это историческое – здесь в 1709 – 1734 гг. размещалась Алешковская Сечь – тогда эта территория принадлежала Крымскому ханству. Когда в 1709 г. Петр I упразднил Запорожскую Сечь (за сочувствие части казаков гетману Мазепе), некоторая часть запорожцев ушла в пределы ханства и основала там Сечь.

Проблема постоянного размещения Войска верных казаков не снималась. Князю Г.А. Потемкину императрицей Екатериной II было указано это место – Керченский кут и Тамань, куда можно было привлечь и поселить не только «верных казаков», но и тех запорожцев, которые пожелают вернуться из турецких владений. Это означало, что уже в 1788 г. правительство Екатерины II было намерено вернуть запорожских казаков, ушедших в 1775 г. из России. К ним обращалось с аналогичным призывом и командование Войска верных казаков черноморских, но слишком свежо еще было в памяти разрушение Запорожской Сечи, и казаки выжидали, оставаясь «под турком». Казачья старшина Черноморского войска признала предложенное земельное пространство недостаточным и в 1789 г. начала ходатайствовать о предоставлении черноморцам части степи к северу от Перекопа – места кочевий ногайцев. Идея получения земель на кубанской стороне Азовского моря, была очень популярна среди казаков еще во времена Запорожья и туда их привлекали, в первую очередь, исключительно богатые рыбные запасы. Тем не менее, они надеялись также сохранить за собой и часть Поднепровья. В этом смысле весьма показательно решение рады пехотной казачьей команды, состоявшейся 18 августа 1789 г. в Березанском Коше: «В дополнение просимой уже нами для поселения Войска верных черноморских казаков впусе лежащей по способности и желанию нашему всей Кубанской стороны, еще и на сей стороне Азовского моря Перекопскую степь, зачав от устья Берды по Перекопскую линию, а от оной по Кинбурн, а берегом лимана (Днепровского – авт.) до устья Копской, впадающей в Вяземский луг и с устья по оной до вершины Бердинской, а потом вниз по Берде, на случай переводить наших жен, детей и движимое имение вслед до получения из казенных селей равно престарелых, раненых и малолетних, неспособных к службе, просить, где надлежит, отводу оной».

В следующем, 1792 г. была проведена специальная перепись населения, проживающего в хуторах и состоящего при рыбных хозяйствах «неводах» и «сетках», принадлежавших зажиточным старшинам. Из этого довольно объемного документа отметим только, что «в урочище Кучургане» существовало 6 хуторов с 30 жителями, один хутор у Маяка с 16 жителями, пять хуторов с 26 обитателями находились в устье и урочище Барабой. Кроме этого, в Приднестровье

отмечено еще 22, скорее всего сезонных, неводов и сеток, располагавшихся «при урочище Турчучуке», «в урочище Кучурган», «на Белом озере», «в Белгородском лимане», близ Николаевки и при урочищах «Дарадоле», «монастыря Добруми», «Аджидари», «Отарину» и «Бузиноватый». Всего на хуторах и рыбацких стоянках от Кучургана до устья Днестра и Барабоья в 1792 г. числилось 182 человека, среди которых было всего семь женщин. При этом в некоторых неводах, которые иногда называли «хуторами в ловле рыбы», находилось до 17 человек, то есть это были уже настоящие небольшие рыбные заводы, где рыбу не только ловили, но и обрабатывали – солили и вялили. Всего же, на всех черноморских землях на хуторах и рыбных хозяйствах, согласно этой Ведомости жило 2140 человек. Таким образом, общая численность Черноморского войска определяется почти в 24 тысячи человек. Это была очень значительная по тем временам цифра, особенно если исходить из того, что историк А.А. Скальковский определил число жителей всей Очаковской области в 1790 г. в 50 тысяч человек, и это вместе с обитателями Очакова, Хаджибея, Дубоссар и других населенных пунктов. Надо полагать, что последняя цифра наиболее соответствует действительности, т.к. по «Ведомости четырех уездов» 1792 г. в «Новоприоброетенной области», не считая черноморских казаков, проживало 25449 «душ обоего пола». Только в селах и хуторах Поднестровской паланки постоянно обитало 5 тыс. человек, не считая многотысячного регулярного Черноморского войска.

Казалось бы, после окончания войны черноморцы могли бросить все свои силы на освоение и обустройство своих родовых владений, однако над ними уже сгустились тучи. По решению екатерининского правительства по линии новой границы России началось строительство Днестровской оборонительной линии с крепостями в Аджидере, Хаджибее и напротив устья р. Ботна (Тираспольская крепость). Все три крепости проектировал Ф.П. Де-Волян, а их строительством занималась специальная Экспедиция по строительству крепостей на юге России под руководством А.В. Суворова. Таким образом, с конца 1791 г. российское правительство определилось для себя в вопросе о пребывании Черноморского войска в Новоприоброетенной области и его выселение отсюда стало лишь делом времени.

Переселение черноморцев на Кубань: причины и условия

Обустройство черноморцев на новых землях было прервано российским правительством, которое решило перевести Войско далеко на восток, на земли Прикубанья. Такая «резкая смена курса» официальных властей по отношению к Войску была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, свою роль сыграла неожиданная смерть Г.А. Потемкина, которого связывали с Войском не только официальные отношения. Казаки считали, что только он мог отстаивать их интересы при дворе Екатерины II, которая, к тому же, так и не подтвердила их права на полученную землю. Во-вторых, положение Войска еще более усложнилось после подписания 29 декабря 1791 г. Ясского мирного договора, по которому новая граница между Турцией и Россией прошла не по Дунаю и Пруту, как предполагалось, а по Днестру. Держать же Черноморское войско на самой границе, в непосредственной близости от Задунайской Сечи Екатерина II не считала возможным. В этом случае войсковые земли неизбежно стали бы мостом, по которому бывшие запорожцы и просто беглые крестьяне могли бы беспрепятственно уходить в Турцию. В-третьих, на земли междуречья Буга и Днестра претендовали крупнейшие и влиятельнейшие российские землевладельцы, молдавские бояре, иностранные колонисты и многие другие. Но даже за столь короткий срок, с 1790 по 1792 гг. Войско верных казаков черноморских приняло традиционные военно-административные очертания, что позволило объединить вокруг Коша значительное количество казаков. Это была все еще самоуправляемая сила, с которой нельзя было не считаться. Кабинет Екатерины II, направляемый новым, очень честолюбивым фаворитом П. Зубовым, делавшим активную карьеру, был еще достаточно властным и сильным, мог распустить войско. Вся Новороссия была передана в управление П. Зубову, обойти которого вряд ли бы удалось. Сначала войсковое правительство все же пыталось удержаться на этих землях. И даже постаралось их расширить, действуя по принципу: «Проси больше – получишь, что имеешь», и справедливо рассчитывая на вознаграждение за свое участие в войне с Турцией. Так, 30 ноября 1791 г., почти сразу же после смерти Г.А. Потемкина, атаман З. Чепега обратился к его бывшему управляюще-

му делами генерал-майору В. Попову с письмом. В нем утверждалось, что «...Войску черноморскому в рассуждении многолюдства между рек Буга и Днестра на земле разместиться не можно» [17]. Поэтому кошевой атаман просил В. Попова возбудить перед императрицей вопрос о присоединении к уже имеющейся территории всей Кинбурнской стороны, где было много помещичьих владений, а также Керченского округа и Тамани. Для окончательного решения вопроса о земле в Санкт-Петербург 2 марта 1792 г. была отправлена специальная депутация во главе с А.А. Головатым. К этому времени казаки поняли, что им вряд ли удастся удержаться в Северо-Западном Причерноморье и, поэтому, в своем письме на имя императрицы просили «...для поселения на Тамани с окрестностями оной, милостиво повелеть отвести выгодные земли, так достаточно, чтобы имеющие быть приумножение сему Войску безнужно помещаться могло» [17], а также разрешить всем бывшим запорожцам с семьями, часть которых уже попала под власть помещиков, беспрепятственно присоединиться к Войску. В этом прошении также указывается, что Войско состоит из 12622 казаков, а общее количество казачьих семей составляло 9212 человек. Неизвестно, какими слухами, или другой информацией, пользовались черноморцы, но их опасения были далеко не беспочвенны. У российского правительства уже были свои планы использования новоприобретенных территорий от Буга до Днестра. Пока посольство А.А. Головатого обивало в Санкт-Петербурге пороги царедворцев, Екатеринославскому генерал-губернатору М.В. Каховскому было поручено осмотреть эти земли. В своем рапорте Екатерине II от 5 мая 1792 г. он писал: «При обозрении моем развалин Аджидера и устья Днестровского лимана нашел я сии места выгодного положения. Плодородные земли, изобильные рыбные ловли и остатки истребленных садов привлекут многих к обитанию на сих местах» [17]. При этом необходимо отметить, что еще в конце 1791 г., за несколько месяцев до отбытия казачьей делегации в столицу, инженер-полковнику Ф.П. Де-Волану было поручено составить проекты новых пограничных крепостей на Днестре – в Аджидере и Тирасполе, а уже 22 марта 1792 г. генерал М.В. Каховский получил приказ отправить в Аджидер воинскую команду для строительства крепости непосредственно на землях черноморцев. В это самое время судьба Черноморского казачества очень сложно решалась в Петербурге. Был даже разработан проект превращения их в военных поселян с представлением права желающим записываться в конные или гусарские полки регулярной русской армии.

30 июня 1792 г. вопрос о месте жительства черноморцев был решен специальным Указом Екатерины II «О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями между Кубанью и Азовским морем лежащими». Тем же числом датируется и Грамота императрицы кошевому атаману о предоставлении Войску указанной земли и поручении охраны границы с Турцией по р. Кубань, к которой прилагалось «штатное расписание» и смета ежегодных расходов. Согласно этой грамоте устанавливалась также административно-территориальная организация в соответствии с «изданными от Нас учреждениями с управлением губерний» и административное подчинение Войска Таврическому губернатору. На следующий день, 1 июля 1792 г., Екатерина II подписала еще одну грамоту, по которой всем бывшим запорожцам и их семьям разрешалось без ограничений записываться в Войско и следовать на Кубань. В ней же казакам разрешалось продавать свое имущество, определялись другие условия переселения и порядок его финансирования за счет казны. В конце этой грамоты делалось замечание, что «Войско Черноморское... употребит усиленнейшее старание о скорейшем переселении своем на земли, Всемилостивейше от Нас пожалованные» [17]. Правительству настолько не терпелось освободить новоприобретенную область Черноморского войска, что уже 2 июля 1792 г. Екатерина II в специальном ордере предписала командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Н. Мордвинову немедленно отправить казацкую флотилию на Кубань.

По распоряжению А.А. Головатого, в октябре 1792 г. была проведена специальная перепись казаков, желающих и не желающих переселяться на Кубань. Данный документ представляет особую ценность, так как в нем приведен национальный состав гражданского населения черноморских земель. Согласно этой переписи видно, что общая численность населения составляла 6593 человека, то есть почти на треть меньше, чем по предыдущим переписям. Этот факт можно объяснить только тем, что многие казаки были в замешательстве и предпочитали вообще не регистрироваться, опасаясь за свою судьбу. Другой важный вывод заключается в том, что здесь, с самого начала, довольно внушительную часть оседлого казачьего населения

составляли молдаване и представители других национальностей, которые, естественно, никуда ехать не собирались. Коренные казаки все же преобладали – их насчитывалось 3765 человек или 57,2% от всего учтенного населения. Далее следуют: молдаване – 2523 чел. (38,2%), «польские выходцы» - 200 чел. (3,0%), «малороссийской нации поселенцы» - 92 чел. (1,4%) и армяне – 13 чел. (0,2%). При этом молдаване значительно преобладали только в некоторых приднестровских селах – Терновке, Суклее, Карагашах, Чобручах, Незавертайловке, Яськах, Головковке и Николаевке. Только казаки жили в Парканах, Маяках, Аджидере, на Барабое и составляли больше половины населения в Слободзее, Глинной, Коротной, Кучурганских хуторах и у Белгородской косы. На восточных землях Войска практически во всех селах жили только казаки и, очень редко, так называемые «польские выходцы». Лишь в с.Журавка были молдаване, доля которых была 34,6%. Все это время А.А. Головатый пытался сохранить войсковое имущество и провиант, которые были так необходимы на Кубани. Продуктовые припасы в количестве 4764 четвертей (до 500 тонн) перевозились и складировались под навесом на Хаджибейской пристани. Для их охраны, с октября 1792 г. по апрель 1793 г. здесь постоянно находилась казачья команда. Войсковое снаряжение – пушки, порох, свинец, железо и тому подобное, свозились в бывший Березанский Кош. Все это имущество планировалось отправить весной 1793 г. на Кубань на судах Черноморского флота. Однако, несмотря на неоднократные просьбы и требования А.А. Головатого к разным высоким инстанциям, корабли так и не были предоставлены. Так в рапорте графу А.В. Суворову-Рымникскому от 31 января 1793 г., войсковой судья А.А. Головатый сообщает о том, что «...просил его высокопревосходительство г-на вице-адмирала и кавалера Николая Семеновича Мордвинова об определении 10-ти транспортных судов в следующем марте или апреле месяца, который в том отказал» [17]. Поэтому провиант в апреле 1793 г. был продан в Хаджибее купцу Е.К. Кленову. В частности, в свидетельстве N 409 от 21 апреля 1793 г., о продаже провианта говорится, что продано «...перевезенный из Черноморского войска, экономический провиант всего муки 4649 четвертей в мешках...» [17]. По той же причине (отсутствие кораблей) пришлось продать войсковой и церковный невод, другие рыболовные снасти, а также лодки, соль, смолу и тому подобное. Только благодаря невероятным усилиям войскового есаула З. Сутыки, удалось спасти артиллерию, которую на подводах перевезли в Керчь, а оттуда на войсковых лодках на Тамань.

Продажа недвижимого войскового и личного казачьего имущества также не дала ожидаемых результатов. Единственное «оптовое» предложение скупить дома черноморцев, да и то только в Приднестровье, поступило от Екатеринославского губернатора В. Каховского в августе 1792 г. Он предполагал передать их молдавским поселенцам, которых выводил в этот район князь Кантакузен. Войсковому судье А.А. Головатому пришлось отказаться от этого предложения даже не столько из-за того, что дома необходимо было «уступить за недорогую цену», сколько потому, что в большинстве из них казачьим семьям предстояло пережить еще одну зиму. В то же время, войсковой старшине и самому А.А. Головатому, в большинстве случаев, удалось выгодно сбывать свои хутора, дома, рыбные заводы и тому подобное, поэтому в накладе опять остались рядовые казаки.

Как уже отмечалось выше, переселение черноморцев на Кубань и Тамань происходило в несколько этапов и 26 апреля 1793 г. из Слободзеи вышел последний обоз из двадцати колонн с имуществом и гражданским населением. Руководил обозом лично А.А. Головатый. Последняя крупная партия черноморцев, после тяжелейшего длительного перехода, достигла Кубани только в сентябре, где была торжественно встречена пушечным салютом. Всего к сентябрю 1793 г. на Кубань переселилось 18171 человек – 12645 мужчин и 5526 женщин. В Бугско-Днестровском междуречье, на старых землях, за вычетом молдаван и представителей других национальностей, утративших статус черноморских подданных, осталось около 3,5 тысяч казаков. Так закончилось переселение основной части Черноморского войска на Кубань, но его история в Бугско-Днестровском междуречье имела свое продолжение. Эти страницы жизни черноморских казаков известны гораздо хуже и связаны, главным образом, с Хаджибеем (Одессой) и его окрестностями.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что ко времени передислокации на Кубань это было уже кадровое Войско, выкованное в боях и на ответственной службе. Однако, неопределенность в «земельном вопросе» очень беспокоило командование Черноморского войска

– поскольку юридического оформления этой проблемы не последовало, то само существование Войска оказалось под вопросом. В жизни получилось, что правительство, с одной стороны, заверяло Кош в своей поддержке, а с другой – раздавало большие площади войсковой земли частным лицам в виде «пожалований». Вытесняя черноморцев со своих земель, правительство подталкивало их к идее переселения на Кубань. По ходатайству Черноморского войска вопрос решился: Грамотой Екатерины II Войску верных казаков черноморских выделялся обширный район в низовьях р. Кубань. Таким образом, российское правительство вернулось к изначальному варианту определения местопребывания Черноморского казачества, выдавая это за величайшую милость.

Судьбы черноморцев Бугско-Днестровского междуречья после переселения Войска на Кубань

Войско верных казаков черноморских не переместилось на Кубань целиком. По приблизительным данным А.А.Скольниковского, на постоянное жительство осталось в Очаковской области 2 тысячи человек (по другим данным – около 3,5 тысяч).

Осенью 1792 г. В.В.Каховский, екатеринославский губернатор, писал В.С.Попову, чиновнику штата дворцовой канцелярии Екатерины II, что южнее Слободзеи «лежат довольно многолюдные слободы до Маяка, населенные молдаванами и валахами, кои все не желают идти с черноморцами и хотят быть казенными поселянами, о чем и прислали уже ко мне с просьбами своих поверенных» [15]. Возникает вопрос о судьбе «отказников», оставшихся в междуречье. В Левобережном Поднестровье они были включены в разряд государственных крестьян, то есть, сельского населения, размещенного на казенных землях. А те, которые осели в помещичьих имениях, естественно, подпали под власть частных землевладельцев или удержались на специфическом для Новороссии положении мелких арендаторов земельных угодий, именовавшихся «десятинщиками». Какое-то число собственно казаков осталось здесь же и влилось в городские общества Тирасполя, Дубоссар, Григориополя, Овидиополя, Одессы и Николаева. Наконец немало их перешло в Буджак. Не пожелали переселиться на Кубань из казачества 22 старшины (командный состав) и 386 казаков, а из «поселенцев» 2818 человек, большинство из которых составляли молдаване – 2523 человека, в числе других украинцы, польские выходцы и армяне [18]. Некоторые двинулись в другие места. Характерный пример: в 1807 г. при образовании Усть-Дунайского войска в него влились 279 бывших черноморцев, проживавших в Молдавии, Буджаке и Валахии.

К сожалению, очень мало известно о том, сколько и в каких селах осталось черноморцев. Есть отрывочные данные, что какая-то их часть оказалась в селах и хуторах на территории Хаджибейского градоначальничества. Так, 15 марта 1797 г. датируется запись об «...обойдении и снятии на план городской земли, назначенной для построения города Одессы и под выгон оною, а также об отводе сенокосных мест для Черноморских казаков» [17]. Эта запись и «Генеральный план города Одессы с принадлежащей оному землею» зафиксировали проживание черноморцев в районе Куяльника и Усатово. По некоторым оценкам, в 1805 г. во всей Херсонской губернии их насчитывалось до 4 тысяч человек, причем, за истекшие с 1793 г. двенадцать лет какая-то их часть все же ушла на Кубань или за Днестр – в Турцию. Есть все основания полагать, что села окрестностей Одессы привлекали черноморцев прежде всего потому, что в них никогда не было крепостного права, так как они были государственными и их обитатели числились мещанами.

Наиболее значительное присутствие черноморских казаков, сначала в Хаджибее, а потом в Одессе связано с существованием здесь в 1794-1797 годах их специального воинского формирования. Его полное название было «Черноморская казачья команда, состоящих при Гаджибее (Одессе) казаков». Чтобы понять, как такое значительное число черноморских казаков оказалось в Хаджибее, необходимо вернуться к 1793 году. Как уже известно, после ухода основной части Войска верных казаков черноморских на Кубань и Тамань, здесь, в междуречьи Буга и Днестра, остался нерешенным целый ряд важных для него вопросов. На бывших войсковых землях находились многие казаки, не успевшие продать свое имущество, и просто не желающие никуда переезжать. Для их сбора и отправки на Кубань, а также с целью охраны и продажи

войскового имущества и недвижимости старшины, В Слободзее был оставлен полковой есаул Федор Черненко. В течение 1793 г. он регулярно посылал донесения на Кубань, в некоторых информировал А.А.Головатого о происходящем. Из этой переписки можно сделать вывод, что Ф.Черненко занимался преимущественно продажей домов, хуторов и рыбных заводов самого войскового судьи А.А.Головатого. Удалось ли ему собрать и отправить в Войско хотя бы одну значительную группу казаков – неизвестно. В этих же донесениях приведена масса фактов о захватах новыми хозяевами казачьего имущества и попытках превратить черноморцев в казенных поселян. Как уже отмечалось, пребывание Черноморского войска в Северном Причерноморье было неуютно слишком многим, в первую очередь, крупным землевладельцам. Тем не менее, они же были более всего заинтересованы в том, чтобы оставить здесь как можно большее число казаков, для использования их как рабочей силы. Ведь, получив огромные земельные наделы на бывшей черноморской территории, они столкнулись с проблемой: как и кем их заселять и осваивать. Поэтому помещики шли на любые ухищрения, чтобы закрепить оставшихся казаков.

Не менее других в этом преуспел И. Де-Рибас, который 12 октября 1793 г. писал А.А.Головатому: «Полагаясь на Вашу ко мне дружбу..., прошу ежели остаются на Очаковской степи такие запорожцы, которые на Тамань не пойдут, не можно ли приглашать их селиться на моей даче» [17]. Известны также и другие факты неприкрытого закрепощения черноморцев генерал - поручиком Де-Виттом, поручиком П.Апостоловым, помещиком А.Савицким и многими другими. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить и наличие случаев, когда зажиточные казаки предпочитали уйти к помещику, но не следовать на службу в Войско. Весной 1794 г. у И.Де-Рибаса по отношению к черноморцам возникают уже совершенно другие планы. Дело в том, что к этому времени в Санкт-Петербурге уже создавали проекты строительства в Хаджибее гавани для гребного черноморского флота и купеческой пристани. Эти планы вступили в силу после подписания Екатериной II 27 мая 1794 г. двух рескриптов на имя Екатеринославского и Таврического генерал – губернатора И.Де-Рибаса. 31 мая П.Зубов направил И.Де-Рибасу специальный ордер об устройстве Хаджибея, в котором, между прочим, требовал, чтобы «при военной гавани, кроме флотских служителей, не могли поселяться люди, для флота посторонние...» [17]. Таким образом, И.Де-Рибас был поставлен перед проблемой – кто будет строить новые гавань и пристань и кем же предстоит заселять Хаджибей, поскольку гражданское население в нем в это время было весьма незначительно. Поэтому было решено создать в Гаджибейской гавани особое воинское казачье подразделение при вверенной И.Де-Рибасу гребном флоте.

О том, как формировалась черноморская казачья команда «при Гаджибее», свидетельствует ряд документов. Сначала И.Де-Рибас написал письмо А.В.Суворову, в котором просил поддержать свою идею об использовании разбежавшихся по всему краю казаков на гребном флоте и «при проведении водяных работ» в Хаджибее. А.В.Суворов посодействовал решению вопроса 5 июля 1794 г. в специальном рапорте на имя главнокомандующего всеми войсками на юге России генерал – фельдмаршала П.Румянцева. В этом документе, в частности, говорится: «Господин вице-адмирал и кавалер Дерibas... просит о собрании их (казаков-авт.) для употребления на службу в гребном флоте. При Гаджибее же в том флоте из бывших помянутого войска лодок находится двенадцать, а в Аджибее две, на которых могут они употребляемы быть...при произведении водяных работ во вновь назначаемый при Аджибее гавани оные казаки были бы весьма способны и полезны» [17]. Наличие, исходя из документа, в Хаджибее черноморских «лодок» означает, что из-за спешки во время переселения, казаки вынуждены были бросить здесь более 20% всего своего флота. Таким образом, И. Де-Рибас создал формальное основание для формирования Черноморской команды именно в этом городе.

10 июля 1794 г. И. Де-Рибас направил полковому есаулу Ф.Черненко ордер, в котором требовал начать сбор казаков в Гаджибее. Хотя ответ Ф.Черненко на этот ордер не сохранился, есть все основания полагать, что он не стал незамедлительно его исполнять. Возможно, что он попытался получить инструкции из Войсковой канцелярии или же хотел заручиться более солидным и обстоятельным документом. Во всяком случае, следующий приказ И.Де-Рибаса от 19 июля 1794 г. на имя полкового есаула был более официальным и оформлен уже в виде «Открытого листа». В нем были оговорены не только обязанности, но и права казаков вновь

формируемой команды, в частности, им гарантировалась выдача жалованья и провианта «на прежнем основании, каковое производилось казакам Черноморского войска в прошедшее время» [17].

Согласно «Ведомости находящихся в Гаджибее в собрании войска Черноморского старшин и казаков», приложенный к рапорту И.Де-Рибаса графу П.Зубову от 21 августа 1794 г., до 1 августа в Гаджибее уже находилось 98 казаков, а 14 августа туда прибыла наибольшая их партия во главе с самим Ф.Черненко в количестве 257 казаков. Всего же, на 21 августа Черноморская команда состояла из 434 казаков, среди которых отмечено 15 старшин [17] – то есть это был настоящий пятисотенный казачий полк почти полного состава. Таким образом была сформирована Черноморская казацкая команда при гребном флоте. Однако, вся суть заключается в том, что она фактически попала под командование не Войскового начальства, а вице-адмирала И. Де-Рибаса.

О службе казаков в Гаджибее и Одессе известно не так уж много. Все документы этой команды, после ее расформирования, скорее всего, оказались в Екатеринодаре. Достоверно известно, что в первую очередь казаки начали строить в Гаджибее для себя жилье. В августе 1797 г. Черноморская команда имела свой лагерь «в предместьи города Одессы». По исследованиям А.Скальковского известно, что командующий гребным флотом, «вице-адмирал И.Де-Рибас построил себе домик у Карантинной балки;...у подошвы его дома во всю почти длину Карантинной балки построили себе жилища матросы гребного флота» [17]. Исходя из сказанного, можно утверждать, что, по крайней мере, сначала Черноморская команда базировалась где-то в районе Карантинной балки, в непосредственной близости от строящейся гавани, под защитой крепостных орудий. Казаки как военная часть при гребном флоте не могли находиться далеко от гавани. Хотя Черноморская команда состояла при гребном флоте, служба на лодках входила в ее задачи только в летнее время, так как до постройки в Гаджибейской бухте волнозащитных сооружений, она была вынуждена уходить на зимовку в Николаев. В остальное время казаки занимались различными строительными работами в порту, в частности «вбиванием в гавани по льду свай». Наиболее широкий размах эти работы получили в Гаджибее суровой зимой 1794-1795 гг. Хотя строительство в Гаджибее продвигалось в целом успешно, положение солдат, которые также были приписаны к гребному флоту, и казаков от этого не улучшилось. Зимой 1795-1796 гг. они терпели жуткие лишения уже не от морозов, а от голода, болезней, тяжелейших условий труда и быта, инфекций и недоброкачественного продовольствия. Поставками последнего ведал И. Де-Рибас и его приближенные. Весной 1796 г. комиссия, назначенная А.В. Суворовым, вскрыла массу серьезных злоупотреблений, связанных с приписками, «мертвыми душами» и другим, но главное – повышенную смертность среди личного состава практически всех воинских подразделений, достигавшую в некоторых из них 25%.

Черноморская казачья команда страдала от всего сказанного не менее других частей. Об этом лучше всего свидетельствует уникальнейший документ «Именной список о числе бежавших из черноморской казачьей команды, состоящей при Одессе казаков» [17]. В нем числится 357 черноморцев, убежавших из этого подразделения с октября 1794 по август 1797 годов. Меньше всего казаков покинуло Одессу в 1794 г. – один, в 1797 г. – 17, в 1796 г. – 120 и в 1795 г. – 218 человек. Это говорит о том, что наилучшие условия для казаков были в 1794 г. – когда за работу им еще платили или обещали платить и в 1797 г. – когда строительные работы были почти свернуты, а люди ожидали оплаты и решения своей участи. Упомянутый «Список о числе бежавших казаков...» дает возможность более или менее точно оценить численность Черноморской команды, но он же показывает, что она была чрезвычайно нестабильной, а «текучесть кадров» среди казаков была весьма существенной. Согласно переписи марта 1797 г. в Одессе находилось 404 казака Черноморского войска [17]. С учетом 345 черноморцев, убежавших из Команды до этого времени, получается 749 человек. А с учетом умерших 156 человек в казачьей команде к весне 1796 г. – выходит более 900 человек. Всего же, общая численность черноморских казаков с семьями в Одессе в январе-феврале 1795 г. могла достигать от 1110 до 1270 человек [17]. И это в городе, где всех гражданских жителей (без военнослужащих, казаков и членов их семей), было 2349 душ обоего пола.

К сожалению, ничего не известно о дальнейшей судьбе казаков, убежавших из

Черноморской команды в 1794 – 1797 годах. Можно только предположить, что какая-то часть бежавших ушла в Задунайскую Сечь, а какая-то – на Кубань. Однако наличие «Именного списка...» дает возможность попробовать проследить их судьбу.

После смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. и скорого прекращения, после этого, строительства в Одессе, а также увольнения с должностей И. Де-Рибаса в январе 1797 г., положение черноморцев становилось здесь все более двойственным и нестабильным. С одной стороны, они оставались военным подразделением, но стали более ненужными. С другой стороны – для того, чтобы прокормить себя и свои семьи, казаки занимались земледелием, скотоводством и другими промыслами. Это подтверждается, уже упомянутой, архивной записью от 15 марта 1797 г. об «...обойдении и снятии на план городской земли, назначенной для построения города Одессы и под выгон онога, а также об отводе сенокосных мест для Черноморских казаков». Из-за того, что казаки, как привилегированное сословие, не платили налогов, к тому же пользовались другими льготами, предоставленными И. Де-Рибасом, например, правом выпаса скота на общегородском выгоне, власти города намеревались каким-то образом поставить их под свой контроль. Так, 27 марта 1797 г. Одесский городской магистрат писал, что черноморские казаки поселились на принадлежащей городу земле, владеют ею, «...имея скотоводство и пользуются на ней теми же выгодами, без всякой градской тягости» [17].

Ясно, что такое положение не могло продолжаться долго. В специальном рапорте императору Павлу I Новороссийский генерал-губернатор Н. Бердяев докладывал: «Войска Черноморского чиновники и казаки, всего 404... здесь употребляются к лодкам и при черноморском гребном флоте, на службу и в казенные работы. А как многие из них с семействами и поселены на принадлежащей городу земле, имеют к жизни состояние через заведение хозяйства, а другие упражняются и в торговом промысле, коих числом чиновников 26, казаков 92; по сим резонам из первых одни по поданным... прошениям..., просят за старостию и болезненными припадками, увольнения от службы; а все вообще, дабы не потерпеть в экономиях и домостроительстве убытков, оставить их водвориться при Одессе, испрося для того... для них землю, по 500 десятин, и из войска Черноморского исключить. Прочие же имеют желание туда (на Кубань – авт.) следовать, коим во время пути должно будет производить провиант» [17].

Необходимо отметить, что Павел I не замедлил с ответом и уже 20 мая последовал указ, согласно которому следовало «Старшин и казаков войска Черноморского, кои уже завели в Одессе хозяйство и домостроительство, оставить тут навсегда, буде пожелают, и из войска исключить», Просьба казаков о предоставлении земли осталась неудовлетворенной и им предлагалось пользоваться ею «... наравне с прочими обывателями города» [17]. По сути, этот указ положил конец Черноморской команде при Одессе.

Расформирование команды продолжалось до 1 сентября 1797 г. и этим занимался войсковой полковник М. Лежвицкий, специально прибывший с Кубани. Им был составлен и подписан «Имянной список. Сколько Черноморского казацкого войска обер-офицеров и казаков остается по Высочайшему Его Императорскаго Величества Имянному Указу при городе Одесса» от 1 сентября 1797 г. Согласно этого документа, в Одессе на постоянное жительство с увольнением от службы остались 31 старшина, 60 семейных и 32 холостых казака – всего 123 человека. Общая же численность казаков и их родственников, оставшихся в Одессе, составляла около 400 человек. На Кубань же должны были отправиться 270 казаков и около 10 их семей.

Библиографический список и примечания

1. Українське казачтво: Мала енциклопедія. Киев: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2002.
2. Королев В.Н. Босфорская война. М. «Вече». 2007. 603 С.
3. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т.1-3. СПб. 1892-1897.
4. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев., 1957.
5. Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 1-3. Одесса. 1885.
6. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. Киев. 1990. с. 149.
7. Архив Коша Новой Запорожской Сечи. (Киев). Оп. 1713-1776 гг. Д. 146. л. 76.

8. Томилов. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от оттоманской порты во владение Российской империи землям, 1774 года. // ЗООИД. Т. VII. 1868.
9. Оболенский Г.Л. Век Екатерины Великой. Время героев и героических дел. М. 2001.
10. Бараниченко В.Е. Схватка над бездной. История кубанского казачества в контексте мировой истории. Краснодар. 1999.
11. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910.
12. Димов В.А. Потемкин в жизни. М. 2002.
13. Боговид А.С. Войско верных казаков в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. // «Казачьи вести». 2001. № 51.
14. Екатерина II. О величии России. М. ЭКСМО. 2003.
15. Анцупов И.А. Казаки и военные поселенцы на Днестре и Буге в конце XVIII – начале XIX веков // Ежегодный исторический альманах приднестровья. 1997. № 1.
16. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910. Т. 1.
17. Сапожников И.В. Сапожникова Г.В. Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе. Одесса. 1998.
18. Сапожников И.Г. Намогильные памятники населения степей нижнего Поднестровья (конец XVIII-первая половина XIX вв.) Одесса. 1997.

*В.В. Грибовский***ЗАПОРОЖСКИЕ РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ**

Рыболовецкий промысел составлял важнейшее направление хозяйственной деятельности запорожского казачества. На начальном этапе истории, по всей видимости, рыбалка, охота и торговля были основными видами мирных занятий запорожцев. В третьей четверти XVIII в., особенно в последние пять лет существования Сечи, существенно вырос удельный вес земледелия. Но, вместе с тем, увеличилась товарность рыбного промысла, расширилась территория, на которой запорожские казаки производили промышленный вылов рыбы. Даже наблюдалась некоторая «интенсификация» этой отрасли, что дало основание видному исследователю запорожского казачества Владимиру Голобуцкому говорить о наличии мануфактуры как развитой формы организации труда и утверждать о зарождении в казачьей среде капиталистических отношений [9, с. 277].

В этой статье мы не беремся обсуждать типологию хозяйства и общественного строя казачьих обществ. Однако для нас важен тезис о том, что экономика Войска Запорожского, даже в последнее время его существования, оставалась экстенсивной, то есть требующей постоянного расширения охвата территории, на которой производилась утилизация природных ресурсов. В связи с этим возникают вопросы о соотношении географических масштабов хозяйственной деятельности пограничных обществ с государственными границами, правомерности и юридической регламентации использования тех или иных угодий, в конце концов – о конфликтах между жителями пограничных территорий, возникавших на этой почве.

Запорожские промыслы, расположенные на восточном побережье Азовского моря, специально не рассматривались в научной литературе, хотя фрагментарно освещались в работах А. А. Скальковского [23], В. А. Голобуцкого [9], В. А. Пирко [16-18], В. Н. Полторак [21-22] и некоторых других исследователей. Исходя из текущего состояния изучения данной темы, мы считаем перспективным ее рассмотрение как элемента более крупного тематического комплекса. Речь идет о проблеме влияния процесса стабилизации русско-турецких границ на традиционный уклад жизни пограничных обществ. В 40 – 60-е годы XVIII в. Восточное Приазовье выступило в роли узла, в котором столкнулись интересы запорожских и донских казаков, ногайцев, региональной администрации Крымского ханства, что повлекло за собой трения между Российской и Османской империями. Таким образом, изучение характера пребывания запорожцев в данном регионе чрезвычайно интересно, в виду возможности увязать процессы микро- и макроуровней в одном, казалось бы, сугубо частном сюжете. Автор данной статьи вполне осознает свои ограниченные возможности сопоставления названий географических объектов XVIII в. с современными, и поэтому допускает употребление номенклатуры, упоминаемой в источниках изучаемого периода. В документах Архива Коша Новой Запорожской Сечи рыболовецкие угодья Восточного Приазовья, более всего облюбованные запорожцами, назывались «Ейскими косами»; однако источники фиксируют нахождение запорожских рыбных станов, кроме собственно Ейской (Яиской) косы, еще и на отдаленных в разной мере от нее Павлово-Очаковской (Ачаковской), Чумбурской (Чубурской), Сазальницкой (Сазалинской) и Ачужевской косах.

По всей видимости, местность, расположенная вблизи устья реки Ея, была известна запорожским казакам еще в первой половине XVII в., когда они вместе с донцами развернули масштабные морские походы по Черному и Азовскому морям. В начале XVII в. запорожцы построили на устье р. Кальмиус укрепление Домаха (бывший генуэзский порт Адомаха), откуда их флотилия практически ежегодно выходила на добычу «козацького хліба» в турецких владениях [17, с. 16]. Иногда столкновения между турецкими и казачьими военными судами происходили на восточном берегу Азовского моря. При этом, как видно из описания преследования турецким капитаном Пияле Кетхюда казацких «чаек», произошедшего в 1638 г. в районе устья Кубани, запорожцы хорошо ориентировались на местности, знали расположение мелей, кос, рукавов рек, впадавших в море, что позволяло им искусно маневрировать [15, с. 383-384]. Очевидно, что устье Еи, находящееся от устья Кальмиуса в расстоянии 75 км по прямой линии (менее одного дня пути на парусно-гребном судне), они знали не хуже. Однако мы не располагаем данными о запорожских

пристанях, рыбных станах, поселениях и пр. на Ейских косах, существовавших ранее 40-х годов XVIII в. В 1745 г. запорожские старожилы свидетельствовали, что в первое десятилетие XVIII в. территориальные владения Войска Запорожского в Приазовье простирались от реки Берда «до самага Белаго камня», те есть до реки Миус, включая прилегающие к ней речки и балки [25, 1447-1448].

Видный исследователь Южной Украины XVI – XVIII вв. В. А. Пирко не без оснований полагает, что активное хозяйственное освоение восточного побережья Азовского моря запорожцы начали в период своего пребывания в крымско-турецком подданстве (1711 – 1733 гг.), когда им со стороны Порты была гарантирована беспрепятственная возможность ловить рыбу в черноморских и азовских лиманах [17, с. 39, 123]. Правительство Петра I отреагировало на смену подданства запорожцев экономическими санкциями и запретило своим подданным поддерживать с ними любые, в том числе и торговые отношения. Следствием этого стала переориентация торговых связей Запорожья на Правобережную Украину, находящуюся под властью Польши, а с другой стороны – запорожцы начали интенсивно осваивать промысловые угодья северного и восточного побережья Азовского моря. Главными предметами их экспорта оставались добытая на морских косах соль и там же выловленная и обработанная рыба. Развитие промыслов и разветвление торговой сети, происходившие во многом благодаря становлению мирных границ и ослаблению конфронтации запорожского казачества с тюркоязычными соседями, обусловили приток населения на земли Войска Запорожского, что, в свою очередь, вызвало разрастание старых и возникновение новых казацких поселений в Приазовье. В крупный торговый центр превратилась Кальмиусская слобода, возникшая на месте Домахи [16, с. 86], которая выступала в качестве экономического и административного центра для всех запорожских поселений Приазовья, включая и те, что стали появляться к востоку от Кальмиуса и, по всей видимости, на южном побережье Таганрогского залива.

Впрочем, существование таковых в 1720 – 30-е годы не фиксируется известными нам документами. Однако необходимо сделать поправку на состоянии источниковой базы: документы русского правительства освещают запорожцев в указанный период крайне фрагментарно, документация запорожского архива за эти годы сохранились в очень малом количестве, а материалы турецких архивов еще ждут основательного изучения. С уверенностью можно говорить лишь о том, что частота и длительность пребывания запорожцев на восточном побережье Азовского моря сильно возросли по сравнению с предыдущим периодом. Введенные в научный оборот источники позволяют проследить участие запорожских казаков (в количестве до 1 тыс. чел.) в походах крымских ханов на Северный Кавказ в 1714 – 1715, 1728 – 1729, 1731, 1732 годах. Примечательно, что зиму 1728 – 1729 гг. запорожские команды провели «на Кубани» [13, с. 174]. Заметим, что под таким названием может подразумеваться не только река Кубань; «Кубанью» или «Кубанской стороной» именовалась обширная территория, расположенная по правую сторону течения этой реки (собственно, как и Восточное Приазовье, которое русские источники изучаемого периода называют «кубанской стороной» Азовского моря). Обратим внимание, что во второй половине 1730-х годов наблюдается разветвление административного управления запорожскими владениями в Северном Приазовье. Наряду со старым центром, расположенным в Кальмиусской слободе, возникает новый – Еланецкая паланка, которая контролирует земли, расположенные к востоку от Кальмиуса вплоть до Кубани [16, с. 87]. Под паланкой в те времена понимали прежде всего небольшое укрепление. Но после перехода запорожцев из турецко-крымского в российское подданство, собственно в период существования Новой Запорожской Сечи (1734 – 1775), этим названием стали обозначать еще и центр административно-территориальной единицы. Еланецкая паланка была ликвидирована в 1746 г. в результате работы комиссии, рассматривавшей территориальные споры запорожских и донских казаков.

Белградский мирный договор, обозначивший окончание русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. и закрепивший принадлежность Войска Запорожского к России, создал правовые предпосылки для углубления процесса стабилизации границ в северо-причерноморском регионе. Россия и Турция практически впервые обнаружили обоюдную заинтересованность в существовании между ними стабильных, регламентированных правовыми актами границ еще при заключении Константинопольского мирного договора 1700 г. Наполненные войнами

первые четыре десятилетия XVIII в. стали по сути периодом превращения границ фронтального типа в линейные границы. В Белградском мире и последовавших за ним конвенциях было предусмотрено проведение четких, обозначенных «явными знаками» демаркационных линий и создание действенного пропускного режима через границы. Смысл последнего сводился главным образом к тому, чтобы нейтрализовать спонтанно возникающие конфликты между пограничным населением, пресечь наезднические грабежи, захват пленных и обеспечить их возврат «с обеих сторон во всяких случаях побранных». Вместе с тем, предусматривалось свободное пересечение границы подданными обеих империй, при том условии, чтобы они были «с проезжими грамотами, только б дела свои мирно творя». Кроме того, оговаривалось уничтожение Азовской крепости и превращение контролируемой ею территории (собственно Восточного Приазовья) в барьерную зону, доступную для отправления сезонных промыслов пограничного населения [19, с. 899-904]. В «Инструменте», подписанном российскими и турецкими представителями 20 октября 1741 г., зафиксировано положение об этой зоне: «а земля той Азовской крепости останется пуста, и между обеими империями барьерною». Она начиналась от курганов, расположенных на левом берегу Дона, «напротив лежащего устья реки Темерника по самому берегу реки Дона через речку Кайсугу до самого устья помянутой реки, где она в Азовское море впадает, отколь следуя самим морским берегом чрез речки Кагальник, Чебур, Эю, и перешед оную, поровнясь противу курганов граничных, поставленных в 1704 году» [20, с. 527-528].

Итак, с 1741 г. и вплоть до начала новой российско-турецкой войны (1768 – 1774 гг.) Ея становится «границной с турками рекою» [25, с. 1692]. К северу от нее, вплоть до низовья Дона, находится не принадлежащая ни одному государству нейтральная зона. Обе империи старались учесть особенности традиционных экономик населения степного порубежья и предусмотрели возможность для использования «Барьерии» как кочевыми ногайцами, так и не менее мобильными казаками. Но с неперемным условием: чтобы на этой ничейной земле не возникало стационарных поселений, что неминуемо повлекло бы за собой территориальные претензии, создавая угрозу новой войны. В качестве средства для нейтрализации конфликтов, спонтанно возникающих между пограничным населением, мирный договор предусмотрел проведение комиссий по разбору взаимных претензий. Впрочем, как бы ни старались российское и турецкое правительства максимально разумно организовать жизнь на степном пограничье, традиционные формы этой «жизни» вступали в прямое противоречие с привнесенным извне регламентом. Жители фронта восприняли линейные границы как бессмысленное нововведение и стремились избежать прохождения даже такой малообременительной формы пограничного контроля, как получение «билетов» и «паспортов» для проезда на территорию другого государства. Кочевые ногайцы пасли свой скот в любом доступном для выпаса месте, не взирая на границы; причем забирались довольно далеко, например – до впадающей в Днепр речки Самара [11-12]. Точно так же поступали и запорожцы, которые основывали свои зимовники и рыбные станы в самых неожиданных местах, мало взирая на грозные предостережения, выпадающие обильными осадками из Петербурга по всей вертикали власти. Кроме того, проведенная в 1741 г. государственная граница не всегда учитывала сложившиеся к тому времени пределы расселения пограничных обществ. Например, расположенная на Кинбурнской косе и принадлежащая Войску Запорожскому Прогноевская паланка формально оказалась внутри территориальных владений Османской империи, однако до 1768 г. оставалась во фактическом владении запорожских казаков. То же можно сказать о запорожских рыбных станах, расположенных на Ейских косах, Тилигульском лимане и других местах, которыми запорожцы беспрепятственно пользовались во время пребывания в турецко-крымском подданстве.

Немаловажно отметить, что стабилизация границы вызвала неожиданные для обеих империй процессы. Если в предыдущий период основной массив населения держался в стороне от изобилующего опасностями порубежья (это в равной мере касается как украинцев, русских, так и крымских татар и ногайцев) [11], то после 1739 г. на степное пограничье хлынул обильный поток переселенцев. Запорожцы стали испытывать «тесноты», ибо казачьи зимовники требовали больших площадей для ведения своего традиционно экстенсивного хозяйства [14]. Таким образом, вызванные стабилизацией границ миграционные процессы буквально «выталкивали» запорожцев за пределы российских владений.

В начале 1740-х годов разразился конфликт между запорожскими и донскими казаками, вызванный спорами за владение рыболовецкими угодьями в Приазовье. Еще во время войны 1735 – 1739 гг. донские казаки стали вытеснять запорожцев из территорий, в которых они обосновались во время пребывания в турецко-крымском подданстве [16, с. 87]. Конфликт протекал остро, часто сопровождался убийствами, грабежами и сожжением поселений. В императорском указе от 12 мая 1746 г. упоминаются жалобы запорожцев на то, что донцы «знатным наездом своим разорение [им] учинили и шалаши огнем пожгли, и пожитки забрали, и ... казаков одного убили, а другого огнем сожгли до смерти» [6, с. 382-384]. Одним из главных фигурантов разразившегося конфликта был кальмиусский полковник Василий Кишенский, который, в ответ на произошедшее в 1743 г. разграбление донскими казаками запорожских промысловиков, начал выгонять донцев с междуречья Берды и Миуса. Он появился в Черкасске, где агитировал находящихся там запорожцев и «малороссиян» переходить под его власть. Атаман Войска Донского Д. Ефремов представил жалобу русскому правительству, в которой обвинил Кишенского в разжигании конфликта. Примечательно, что среди прочих пунктов обвинения, фигурировало и то, что кальмиусский полковник, заручившись поддержкой руководства Запорожской Сечи, незаконно содержит рыбные промыслы на «кубанской стороне» Азовского моря. Безусловно, это обвинение само по себе ничего не значило, если бы донской войсковой атаман не прибавил к нему соответствующий духу времени «политический подтекст», уверяя, что запорожцы, под видом донцев, могут пограбить турецко-крымских подданных – «кубанских татар», и тем подадут турецкому правительству повод для обвинения донских казаков в нарушении мирного договора [21, с. 183].

Появление запорожских рыбных станов в Восточном Приазовье также вызвало беспокойство турецких и крымских пограничных властей. В 1744 г. в Черкасск прибыл турецкий представитель, привезший с собой письма от коменданта Ачуевской крепости Исмаил-аги и главы кубанских ногайцев Касай-мурзы. Он, ссылаясь на Белградский мирный договор и постановление комиссии о разграничении барьерной зоны, говорил о правомерности использования ее угодьями «турецким людьми» и донскими казаками, однако выразил беспокойство появлением неких российских подданных на Чумбурской и Сазалинской косах, находящихся в пределах барьерной зоны, а также на Ейских косах, входящих в состав турецкой территории. Беспокойство состояло в том, что упомянутые люди будто бы представляют опасность для проезжающих. После этого заявления с Дона был послан к р. Ея старшина Максим Федотов, который обнаружил на Сазалинской косе 20 шишей (шалашей, куреней) и находящихся в них 10 человек. Ими оказались посадский крепости Св Анны Иван Смола с двумя своими крепостными, а также 7 запорожцами, служившими у него в работниках, причем все они были без паспортов и билетов [5, с. 344-345]. Примечательно, что эти беспаспортные люди находились в тех местах, как они сообщили донскому старшине, с позволения коменданта крепости Св. Анны Вырубова. Рыбу ловили «крючковыми снастями», обрабатывали и продавали купцу той же крепости Ивану Канкову, который отвозил готовый продукт для продажи «в разные места». Федотов нашел такие же снасти в других шишах, а кроме того – оставленный хлеб «и прочее». Донской старшина сжег, сколько было возможным, пустые шалаши и отправился дальше – на Ейскую косу, где, как оказалось, «также и на протчих косах доволное число запорожских козаков пустых шишей стоит, а людей в них никого не застал» [25, с. 1410]. Излагая эти сведения в письме на высочайшее имя, войсковой атаман ходатайствовал об издании указа, предписывающего уничтожение построенных запорожцами на южной оконечности Таганрогского залива куреней и рыбных станов, и аргументировал тем, что запорожцы, мол, уже промышленяют разбоем и грабят проезжающих. Прямых оснований для подобного утверждений Ефремов не имел, кроме высказанной турецкими представителями обеспокоенности возможностью таких противозаконных действий. Впрочем, вполне понятно, что он защищал экономические интересы Войска Донского, в противоречие с которыми вступала хозяйственная деятельность запорожцев, активно разворачиваемая на северном и восточном берегам Азовского моря. Елизавета II решила поддержать донцев и 16 декабря 1744 г. подписала указ о запрещении запорожцам, а также жителям крепости Св Анны (попавшим под «горячую руку») «без надлежащего дозволения» заниматься промыслами «в азовских барьерных местах и в море», однако этот запрет не распространялся на донских казаков и «вообще русских людей» [5, с. 344-346].

На первый взгляд, эта формулировка елизаветинского указа выглядит юридически необоснованной, поскольку в Белградском мире и Нисской мирной конвенции речь шла о праве всех без исключения подданных обеих империй временно находится на барьерной территории для своих хозяйственных надобностей. Таким образом, непонятно, чем запорожские казаки, будучи российскими подданными, отличаются от донских казаков и «вообще русских людей». Но в указе особое внимание обращалось на то, «чтоб в барьерных местах хуторов, дворов, изб и никакого принадлежащего к житью людям строения самим не строить и никого из наших подданных до того не допускать», чтобы тем самым не подать повод для подобных действий турецким подданным. Это вполне сообразовалось с условиями Белградского договора, следовательно, построивших жилые и хозяйственные помещения на Ейских косах запорожцев вполне обосновано можно было обвинить в его нарушении. Однако основное распоряжение, содержащееся в данном указе – жителей крепости Св. Анны и запорожцев ловить и отсылать к их командирам, а строения их разорять [5, с. 346] – явно свидетельствует о том, что русское правительство приняло сторону донских казаков, находящихся в состоянии острого конфликта с запорожцами, и что этот конфликт будет в дальнейшем решаться в пользу донцев.

С октября 1743 по сентябрь 1746 г. длилась сложная процедура проведения комиссий по разбору взаимных претензий запорожских и донских казаков, результатом работы которых стало определение демаркационной линии между Войском Запорожским и Войском Донским по р. Кальмиус [22, с. 128-129]. Таким образом, территория к востоку от Кальмиуса была выведена из состава подведомственных Запорожской Сечи территорий; Еланецкая паланка прекратила существование. 12 мая 1746 г. императрица Елизавета подписала новый указ об урегулировании отношений между запорожскими и донскими казаками. Этот указ запрещал донцам создавать препятствия запорожцам в отправлении промыслов по рекам Кальмиус и Миус, однако, вместе с тем, подтверждал запрет запорожским казакам выезжать на «ту сторону» Азовского моря [6, с. 382-384]. В данном документе, кроме негативной правовой оценки действий запорожцев («[они] не малое число в противность наших ... указов, для рыбных ловель переехав на Кубанскую сторону моря и построя шиши те рыбные ловли отправляли»), содержатся важные сведения о запорожских рыбных промыслах в Восточном Приазивье. Подполковник Яков Билс, возглавлявший комиссию по разбору взаимных претензий запорожских и донских казаков, отправил команду из донцев для «согнания оных запорожцев и сожжения их шишей». Донцы, как свидетельствует источник, «наехав в разных косах, не мало [запорожцев] оттуда согнали, а шиши их пожгли; потом спустя малое время, паки оные запорожцы на Кубанскую сторону переехали и построили на тех же местах, между Чубурскою и Ейскою косами, три шиша» [6, с. 387-388]. В рапорте Якова Билса от 27 ноября 1745 г., на основе которого излагались события в приведенном выше указе, подаются более подробные сведения: отправленный Билсом с командой донцев унтер-офицер обнаружил на Сазальницкой косе 6 запорожских куреней («шишей»), которые были сожжены согласно данной от подполковника инструкции. На прочих косах – Чумбурской, Очаковской и Ейской – были найдены остатки разоренных ранее шалашей. Как оказалось, их сожгли подчиненные Войску Донскому базовые калмыки при следующих обстоятельствах. Отправленные для поиска запорожцев на территории между Чумбурскою и Ейскою косами, они наткнулись на рыбный стан, состоящий из трех куреней, причем в том же месте, где уже находилась их ранее уничтоженная промысловая база. Заметив калмыков, запорожцы быстро сели на лодки (при них было три большие и две малые лодки) и отъехали в море. Уничтожив рыбный стан и результаты промысловой деятельности запорожцев – восемь бочек засоленной рыбы, калмыки двинулись дальше – до устья реки Ея. Там, «на острове» (вероятно, речь идет об острове Ейская коса), усмотрели еще четыре куреня, но добраться к ним не могли, «за разлитием водным» [25, с. 1440, 1468].

В силу введения строгих запретительных мер, руководство Запорожской Сечи в вопросе о Ейских косах заняло осторожную и, в то же время, двойственную позицию. С одной стороны, оно было обязано выполнять распоряжения русского правительства и посылать специальные команды для выведения своих подчиненных из турецких границ. Но с другой, не имея к тому никакого интереса, зачастую более или менее убедительно имитировало выполнение этих распоряжений. 7 октября 1745 г., запорожские старшины дали расписку в том, что они ознакомлены с решениями

комиссии о размежевании угодий Запорожского и Донского казачьих войск, а также, что обязуются исполнять императорские указы, запрещающие отправлять промыслы на «кубанской» стороне Азовского моря [25, с. 1441, 1443]. Подобные документы давали русскому правительству юридическое основание для привлечения к ответственности запорожских казаков, нарушивших императорские указы. Например, Павел Дикий, находившийся в 1743 г. с группой запорожцев на Сазальницкой косе (как обозначено в документе, «лежащей при устье речки Еи»), в ноябре 1747 г. был вызван в следственную комиссию, заседавшую в Бахмуте для разбирательства [7, с. 180]. Но подобные меры мало способствовали достижению желаемого русским правительством результата. Контроль линии границы и прилегающих к ним территорий оставался крайне слабым. Запорожский Кош, заинтересованный в дальнейшем продолжении эксплуатации рыбных ресурсов Восточного Приазовья, оказывал скрытую поддержку отправляющимся туда промысловым ватагам. В случае возникновения из-за этого осложнений, существовала возможность списать вину на своеволие неких, водившихся в значительном количестве неизвестных гайдамак, которые не слушались не то что распоряжений сечевого начальства, но даже императорских указов.

Действия запорожских промысловиков становились все более решительными и агрессивными. Они появлялись на Ейских косах, сгруппировавшись в большие, хорошо вооруженные группы и укрепляли свои рыбные станы для обороны от внезапного нападения с какой бы то ни было стороны. Интересные сведения в этом отношении дает рапорт донского старшины Агея Ивлева от 28 апреля 1749 г. Он выехал из караула, находящегося «с пристойным числом козаков» в форпосте в Кагальницком куте, на «кубанскую сторону Азовского моря», где увидел несколько ватаг запорожских промысловиков, состоящих из более чем ста человек, «немалое число станов» и «рыбные их камышовые пристрой». Запорожцы вели себя грубо, заявляя донскому старшине, что не имеют паспортов, которые, мол, скоро должны им прислать. Говорили, что таких ватаг много находится и на другой стороне реки Еи, «над морским заливом». Добраться до этих станов старшина не мог из-за болотистой местности. Да и спорить с хорошо вооруженными запорожцами – как он писал, «довольное число ружей при них имеетца» – не решился. Ограничился только написанием рапорта руководству Войска Донского, которое, 30 апреля в письме на высочайшее имя просило «особливаго» указа, ибо запорожцы «по своей заматарелой своевольной отваге добропорядочным образом съехать оттуда не могут». 7 августа того же года последовал царский указ, предписывающий запорожскому кошевому атаману немедленно свести своих подчиненных из «неуказных барьерных мест» и с турецких территорий [25, с. 1692-1694].

Примечательно, что к тому времени Запорожский Кош научился парировать претензии русского правительства, мотивируя тем, что оно, санкционируя передачу давних запорожских промысловых угодий другим ведомствам империи (Войску Донскому в 1746 г., позднее – Новосербии, Славяносербии, Новослободскому полку, Новороссийской губернии и др.), мало заботится об интересах Войска Запорожского. Одним из способов такого парирования были ходатайства об увеличении жалования. Например, 26 июня 1753 г. запорожцы жаловались гетману К. Разумовскому на тесноту, возникшую из-за ограничений промысловых угодий – «Запорожское Низовое Войско умножается, добичи же как рыбной, так и звериной отправлят[ь] з немалим против прежних от всех сторон утеснением, понеже ... с турецкой сторонни козаки запорожские согнати и никаких добичей не имеют, а Кальмиюские приморские коси Донскому Войску отдани» [7, с. 66]. Подобные «жалобы» сильно осложняли проблему управления степной периферией Российской империи. И руководство Коша пользовалось ими как инструментом не столько для увеличения получаемой от правительства платы за службу (она была несопоставимо мала, по сравнению с доходами Войска Запорожского от транзитной торговли, соляного и рыбного промыслов), сколько для блокировки нежелательных для себя решений верховной власти.

В 50-е годы XVIII в. острота проблемы использования рыболовецких угодий Восточного Приазовья, которая сильно повлияла на ухудшение отношения между запорожским и донским казачеством, заметно снижается. Руководство Войска Донского, по всей видимости, не смогло эффективно противодействовать активному проникновению запорожцев в Восточное Приазовье, хотя, по возможности, старалось ловить едущих на Ейские косы или возвращающихся оттуда запорожцев. Так случилось, например, в 1758 г. с тремя запорожскими казаками, «бывшими в

Кубанской стороне на Ейской косе», которых сначала отконвоировали в Черкасск, а затем – в Сечь [9, с. 268].

После ликвидации Еланецкой паланки, запорожские промыслы на Ейских косах перешли в ведомство кальмиусского полковника. О причастности его штата к делам, происходивших на этой территории, указывает случай, связанный с поиском беглого солдата Павловского гарнизонного полка крепости Св. Анны Афиногена Голикова, которого в 1756 г. обнаружили в курене запорожца Павла Сапетного. Последнего обвинили в укрывательстве дезертира и потребовали от него уплаты штрафа 20 рублей. Сапетный, отказываясь от штрафа, объяснил, что Голикова обнаружил в оставленном запорожцами курене на «косе Ейской» запорожец Батуриного куреня Иван Горкуша. Голиков был едва жив и питался тестом, оставшемся в курене от ржаного кваса. Горкуша привел дезертира в курень к Сапетному, состоявший на той же косе. Там же находился осавул (есаул) Кальмиусской паланки Савва Иванов, который учинил Голикову допрос и, руководствуясь актами империи о дезертирах, приказал содержать его «пока в чувство придет, а по освобождении от болезни прислать в ... Кальмиусскую паланку для допросу писменого и отсылки куда надлежит». Беглый солдат, пробыв у Сапетного 11 дней и «освобождаясь от реченого недуга», бежал [8, с. 474-475]. Трудно поверить в то, что Сапетный действительно собирался выполнять распоряжение кальмиусского осавула, как и в то, что последний всерьез рассчитывал на его исполнение: дезертиру просто дали возможность убежать. Запорожский Кош очень легко защитил своего казака от штрафной санкции, разыгрывая версию о бегстве неизвестного в неизвестность.

Тем временем, острое проблемной ситуации, возникшей вокруг эксплуатации рыболовных угодий региона, смещается с уровня отношений между двумя казачьими войсками Российской империи на уровень отношений между обществами, находящимися по разные стороны границы, что придало проблеме международное значение. Кочующие в Прикубанье ногайцы имели основания опасаться вооруженных запорожских промысловиков, которые, конечно же, занимались не только рыбалкой, но и не упускали случая пограбить находящихся поблизости кочевников. Анализируя жалобы, подававшиеся ногайцами на рассмотрение пограничных комиссий 1749 – 1768 гг., мы убедились, что запорожцы чаще всего отправлялись «промышлять» в ногайские кочевья на лодках и совершали нападения в непосредственной близости от реки, особенно в местах, удобных для водопоя ногайского скота [11]. Ногайцы же, будучи далеко не мирными пастухами, досаждали грабежами запорожцам и, если позволяли обстоятельства, забирали в плен любого, кто оказывался в безлюдной степи без достаточного вооружения и сопровождения.

В 1750 г. жертвами нападения ногайцев стали запорожцы Щербиновского куреня Кондрат Гнень и Хома Вичный, которые, с разрешения своего куренного атамана, поехали на промыслы в «урочище Еи». Они спустились каюком вниз по Кальмиусу, пересекли Азовское море, дошли до устья Еи, «где их невод ходил, и когда на море непогода встала, занесло их в урочище Горбатов». Там их пленили «кубанские татары», захватив и имущество стоимостью 120 рублей, причем их «лотки большой донской», порубленной ногайцами, составила значительную сумму – свыше 60 рублей [7, с. 550-551]. Примечателен случай с пленением на Ейских косах Ивана Сытенького, который вместе с другими запорожцами был в 1762 г. захвачен некоей «ордой», названною им «горска гуляе» из-за того, «будто она не кланяется никому». Сложно что-либо говорить об этнической принадлежности нападавших, но можем лишь предположить, что речь идет об одном из подразделений малых ногаев (касаи-улу, каспулат-улу, султан-улу), жившем в предгорьях по верхнему течению Кубани и Лаббе, а не о горцах, поскольку свидетель назвал этих «горских бродяг» также и «ордой», упоминая отдельно от них черкесов, которым они отдали добытых ясырей в обмен на скот. Обратим внимание, что в наезде этой «орды» также принимали участие казаки-некрасовцы. Участники набега подуванили свою добычу после того, как вернулись в свои кочевья за речку Лабу: «припало их по одному на шести человек, ис коих его, Ситенкого..., обменяли за раз на сорок животных рогатых черкесам да за трое лошадей вместо продажи». Спустя неделю Сытенький бежал и возле речки Маныч встретил разбезд донских казаков, которые передали его в запорожское ведомство – в Кальмиусскую паланку [2, л. 165-165 об.]. Об этом происшествии запорожское начальство сообщило русскому правительству, которое, основываясь на Белградском договоре, потребовало от крымского хана наказания для

нарушителей и возвращения пленных. Номинально эти «горска гултяе» были «под видением города Копил сераскер-султана», следовательно – подданными крымского хана [2, л. 166 об.]. Но последний имел резоны отказать в удовлетворении претензии, указав, что ему неизвестны те «татарские народы» [2, л. 182 об.].

В рассмотренных выше случаях усматривается не более, чем традиционное для степного порубежья наездничество. Совершенно другой мотив обнаруживается в нападении на «запорожцов, бивших у добычи рибной на косах при азовском море», кубанского Темир-мурзы, о котором сообщил в июне 1758 г. кальмиусский полковник Андрей Вербицкий. Его информатор явно преувеличивал, утверждая, будто этот мурза совершил нападение с ордой, «которой около шестнадцати тысяч, кроме жен и детей». Но, все-таки, и количество нападавших, и масштабы разрушений были внушительными: сожжены все «чуланы», уничтожены лодки, снасти и много другое [1, л. 129-130]. В данном случае речь идет не о грабеже, а о попытке одного из самых влиятельных ногайских мурз покончить с опасным соседством запорожцев, обосновавшихся на Ейских косах. Тем же мотивом, по всей видимости, руководствовались некрасовцы, захватившие вместе с «горскими гултями» группу запорожцев в 1762 г. Осевшие в низовьях Кубани после поражения Булавинского восстания и сохранявшие преданность крымскому хану, некрасовские казаки-староверы находились в состоянии постоянной вражды с запорожцами. На религиозные мотивы этого конфликта наслаивались и экономические противоречия. Кальмиусское начальство могло сколько угодно убеждать русские пограничные власти в том, что не имеет физической возможности проследить за всеми перемещениями своих подчиненных по Приазовью, однако показывало куда большую сноровку, когда речь шла о поимке некрасовцев. В октябре 1758 г. кальмиусский подъяесаул Клим Крут выследил и поймал в районе Кальмиуса некрасовцев Никиту Дубилина с тремя товарищами, которые приплыли на лодке «с села Хан-Тебе», что на Кубани. У них конфисковали имущество и выловленную красную рыбу – «белюжи балики» [8, с. 524-526].

На протяжении 1760-х годов запорожские казаки продолжали регулярно посещать Ейские косы, имея своим опорным пунктом Кальмиусскую паланку, чиновники которой совершали выезды на противоположный берег Азовского моря. В частности, в сентябре 1762 г. кошевой атаман Петр Калнышевский поручил именно кальмиусскому полковнику Кузме Чорному разузнать, «какими татари точно в Ейской косе добуваючихся на рибной ловле козаков забрато, и где они жителство, и по яких речках имеют, и под яким они султаном именно, тот же султан под чиим видением находится» [2, л. 165-165 об.].

С началом российско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. в Восточном Приазовье складывается ситуация, крайне неблагоприятная для эксплуатации его рыболовных угодий запорожцами. В 1769 г. в результате набегов крымских татар и ногайцев была уничтожена Кальмиусская слобода, разрушены казачьи рыбные станы по всему черноморскому и азовскому побережью, много запорожских рыбаков было убито и попало в плен. На последнем этапе войны запорожцы возобновили большую часть своих промыслов на северном побережье Черного и Азовского морей, но Ейские косы оказались для них закрытыми. В 1771 г. русское правительство расположило в междуречье Еи и Кубани ногайские орды, выведенные из Северного Причерноморья. В устье р. Ея было построено укрепление, в котором постоянно находился русский гарнизон, усиленный командой донских казаков, а также пристав, поставленный наблюдать за ногайцами [10].

В июне 1775 г. по решению правительства Екатерины II Запорожская Сечь была ликвидирована. Много запорожцев перешло на контролируемые Турцией территории и впоследствии основало в дельте Дуная новую Сечь. На основе той части запорожского казачества, что осталась в российском подданстве, в начале новой русско-турецкой войны было создано Черноморское казачье войско, которое в 1792 г. было переселено на Кубань и основало свои поселения вплоть до реки Еи. Вполне вероятно, что черноморский войсковой старшина М. С. Гулык, отправленный весной 1792 г. для обозрения выделяемой для поселения земли, мог еще застать тех запорожцев, которые с конца 1760-х проживали в ейско-кубанском междуречье. По крайней мере, к июлю того же года Гулык записал в черноморцы более 100 человек и еще насчитал 2013 бурлаков, не учитывая донских казаков и других «разных людей» [24, с. 87]. На множество вопросов рассмотренной темы мы можем отвечать, очерчивая лишь общие и далеко не четкие контуры вероятности и возможности, не имея надежной опоры в источниках. Но

изложенный выше материал дает все основания утверждать, что полученный на протяжении длительного периода хозяйственного освоения Восточного Приазовья опыт стал одним из важнейших условий для успешной адаптации «бывших запорожцев» к новым политическим и географическим условиям, которая открыла новую страницу в истории региона.

Библиографический список и примечания

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 229: Архив Коша Новой Запорожской Сечи. Оп. 1. Д. 90. Л. 129-130.
2. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 120.
3. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 121.
4. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 122.
5. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. II. Ч. I. Новочеркасск, 1894. 389 с.
6. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. II. Ч. II. Новочеркасск, 1894. 845 с.
7. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734 – 1775. Т. 2. Київ. 2000. 749 с.
8. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734 – 1775. Т. 3. Київ. 2003. 951 с.
9. Голобуцький В. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734–1775 рр.). Дніпропетровськ. «Січ». 2004. 421 с.
10. Грибовский В. В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770–1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). Краснодар. ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. С. 446-473.
11. Грибовський В. В. Запорозьці і ногайці в контексті Великого Кордону // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. – Вип. 1. – Нікополь-Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 2005. – С. 95-131.
12. Грибовський В. В. Територія розселення і характер відносин причорноморських ногайців із землеробським населенням українського степового порубіжжя у період 1739-1768 років // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. Вип. 2. Нікополь–Дніпропетровськ. «Пороги». 2005. С. 60-76.
13. Мільчев В. І. Запорозьке козацтво у підданстві Гіреїв (1709/1711 – 1734 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Вип. XXVI. Запоріжжя. «Просвіта». 2009. С. 170-178.
14. Олійник О. Л. Про локалізацію запорізьких зимівників // Український історичний журнал. 1992. № 10. С. 123-126.
15. Остапчук В., Галенко О. Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // Марра Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів–Київ–Нью-Йорк. 1996. С. 341-426.
16. Пірко В. О. До питання про адміністративний устрій східних окраїн Нової Січі // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при Інституті історії України НАН України. Вип. 2. Нікополь–Дніпропетровськ. «Пороги». 2005. С. 85-88.
17. Пірко В. О. Заселення і господарське освоєння Степової України в XVI – XVIII ст. Донецьк. «Східний видавничий дім». 2004. 224 с.
18. Пірко В. О. Матеріали Архіву Коша Нової Запорозької Січі як джерело з історії Донбасу // Донецький вісник НТШ. Донецьк. 2001. Т. 1. С. 60-61.
19. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. X. СПб. 1830.
20. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XI. СПб., 1830.

21. Полторац В. Василь Максимович Кишенський – постать-легенда та реальність // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при Інституті історії України НАН України. Вип 3. Дніпропетровськ. «Пороги». 2006. С. 182-186.
22. Полторац В. Слідчі комісії з розгляду взаємних претензій запорозьких і донських козаків як засіб вирішення між козацьких конфліктів // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 8. Київ. 2008. С. 126-138.
23. Скальковський А. О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ. «Січ». 1994. 678 с.
24. Фролов Б. Атаман Захарий Чепига. Краснодар. «Диапазон -В». 2006. 160 с.
25. Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских козаков. Т. II. Владимир. 1903. С. 1073-2107.

История Ейска и поселений Восточного Приазовья

Н.Б.Родионова

ПОРТ И ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА КАК ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕЙСКА С 1848 ПО 1914 ГГ.

Город - уникальное явление в истории человечества. Эта форма территориальной организации вбирает в себя все черты, присущие обществу, поэтому город является моделью создавшего его общества. Город как объект исследования привлекает в последнее время все большее число ученых различных специальностей: историков, социологов, политологов, философов, экономистов и др. В этой связи особенно важным представляется наметившийся в нашей науке комплексный подход к изучению городов. Целостное видение города, позволяет понять его в глубокой ретроспективе как организма несущего жизненно важные структуры и традиции.

Исторический процесс повышения роли городов в развитии общества ученые называют урбанизацией. Будучи весьма многообразным, имея социально-экономические, демографические, этнокультурные и географические составляющие, этот процесс отражает и выражает изменения в территориальной организации жизни общества, его производительных силах, расселении. Он разветвляется на основе углубления общественного разделения труда, в том числе территориального или географического. В более узком понимании урбанизация - рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране. Уровень развития урбанизации обозначается термином "урбанизированность" и выражается показателями удельного веса городского населения, удельного веса крупногородского населения, степени охвата территории зонами непосредственного влияния крупных городов.

В ходе урбанизации происходит последовательное и многостороннее усложнение городов как своеобразных социально-экономических организмов и градостроительных систем. Возрастает роль и значение больших городов, из их среды выделяются крупнейшие города, далее города - миллионеры и многомиллионные города. При этом важно подчеркивать качественный характер изменений. Города не просто увеличиваются в размерах, но приобретают более высокий уровень своей организации - функциональной и планировочной; меняется их место в территориальной организации общества. Таким образом, большой город не есть увеличившийся в размерах малый или средний. Города в процессе своего роста (а рост обычно сопровождается развитием) как бы поднимаются по ступеням городской иерархии.

Урбанизация - процесс пространственный. Он происходит, развивается, меняет темпы и направления под сильным воздействием территориально - дифференцированных факторов. Город - объект, для возникновения и формирования которого важнейшее значение имеет географическое или экономико-географическое положение. Географическое положение важнейший ресурс развития города.

Социологи определяют урбанизацию как всемирно-исторический процесс развития, концентрации, интенсификации общения, интеграции все более разнообразных форм практической жизнедеятельности. Это довольно широкое определение, "растворяющее" урбанизацию в общем процессе развития цивилизации акцентирует внимание на главном - на концентрации многообразной деятельности, что является основой урбанизации. В процессе углубления общественного разделения труда происходит все большее расщепление деятельности, многообразные виды которой затем собираются в пунктах, наиболее для них удобных. Таким образом, города, агломерации, мегаполисы представляют особую форму территориальной концентрации - урбанистическую. Ее можно определить как концентрацию разнообразия.

В процессе изучения истории городов ученые зачастую останавливаются на крупных административно-территориальных единицах. При этом, несомненно, теряется представление об облике провинциальной России. А ведь именно она зачастую является кузницей истории, хранильницей старых традиций. Кроме того, нередко небольшой город в глубинке или на окраине России имеет ряд таких особенностей в своем развитии, которые делают его уникальным

явлением. Такие страницы нашей истории, безусловно, заслуживают отдельного и всестороннего исследования. К таким провинциальным городам относится и г. Ейск. Среди Кубанских городов Ейск выделяется рядом своих особенностей. Во-первых, в отличие от большинства городов края, выраставших из сел (Армавир и др.), крепостей (Геленджик, Анапа и др.) Ейск сразу основывался как город для привлечения коммерческого населения к учреждаемому порту. Во-вторых, с первых дней существования к городу разрешено было приписываться иногородним без вступления в казачество. Новопоселенцам был дарован ряд льгот, которые способствовали быстрому развитию коммерческой деятельности в городе и порте. В-третьих, для управления городом была учреждена особая должность - начальника портового города Ейска (подобная была лишь в Темрюке), просуществовавшая до 1865г. Рассмотрение отдельных проблем урбанизации отмечается в трудах отечественных историков с к. XIX - н. XX в. При этом самым сложным являлся основополагающий вопрос - какое поселение можно считать городом, обозначенная еще в XVIIIв.

Так, В.П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что к городам можно относить только те поселения, которые обладали определенной “бойкостью торгово-промышленной жизни”. При этом ученый выделяет селения в качестве “истинных” и “будущих” городов[1]. Г.И. Шрейдер под городом понимал населенный пункт, коренным образом отличающийся от деревни “численностью населения”[2]. В 20-е годы XXв. проблема изучения урбанизации поднималась на качественно новую ступень. Это было связано с деятельностью представителей петербургской школы медиевистики: Л.П. Карсавиным, Г.П.Федотовым, Н.А.Вильфиусом, О.А. Добиаш-Рождественской, И.М.Гревсом. Начавшие свою научную деятельность с изучения европейской средневековой культуры и религиозности, эти ученые, имевшие своих последователей, среди которых особое место занимает Н.П.Анциферов, внесли огромный теоретический и практический вклад в развитие целостного подхода к изучению городской среды, ее духовной атмосферы, заложили фундамент отечественной урбанистики и краеведческого движения [3]. Предложенный Л.П.Карсавиным метод изучения исторического процесса в единстве социально-политических, экономических и культурных факторов, приложенный к исследованию городской среды, нашел отражение в “экскурсионном методе” профессора И.М.Гревса. Исходя из того, что город представляет собой “цельный социальный и духовный организм”, Гревс настаивал на необходимости привлекать к его изучению “все стороны и явления, какие могут выяснить происхождение и развитие города: как природу, среду в которой он возник, и почву на которой он развертывался, так и памятники, в которых он воплотился, так и совершающиеся внутри его труд и деятельность его жителей и их плоды, вещественные и духовные”. Изучение естественного ландшафта, внутри которого рос город, его плана (топографии), монументальной физиономии, всего содержания жизни, последовательно, “от рождения через весь его рост до современного состояния”, вело, по мысли Гревса, “к построению образа города как результата всего его прошлого развития”[4].

Теория создания “образа города” получила свое дальнейшее развитие в работах Н.П.Анциферова, посвященных образу северной столицы, который выдвинул идею “гения (души) места” [5]. Принципы комплексного исторического изучения легли в основу “исторического градоведения”, развивавшегося в русле краеведческого движения (на базе академической науки) 1920-х г.г. [6]. Разработка такой актуальной для отечественного краеведения 1920-х годов темы, как история города, сопровождалась выявлением и изучением самых разнообразных источников: изобразительных, письменных, картографических археологических, архивных и т. д. [7].

Однако разгром краеведческого движения в конце 20-х начале 30-х годов не дал впоследствии развиваться в полной мере богатейшему теоретическому наследию русских ученых начала века. При достаточно интенсивном развитии кубанского краеведения, представленного деятельностью ОЛИКО в период 20-х годов, значительных работ по истории городов Кубано-Черноморской области не было, если не считать некоторые общие экономико-географические очерки, методические руководства и неопубликованные статьи краеведческого характера [8]. Общим веянием всей советской историографии было изучение социально-экономических вопросов. В этой связи необходимо отметить фундаментальное исследование А.Г.Рашина “Население России за 100 лет (1811-1913гг.): Статистические очерки”, которое содержит

специальный раздел “Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX и начале XXвв.” С анализом фактов в основном по столицам и крупным городам, а также специальную главу “К характеристике социально-профессионального состава населения крупных городов капиталистической России” [9].

В 90-е годы XXв с проведением демократизации в стране были реабилитированы И.М.Гревс и Н.П.Анциферов. Значительно расширился спектр изучаемых проблем. Вновь стал появляться комплексный подход в изучении истории городов. С 1976 года в МГУ началось издание сборника статей “Русский город”, в которых помещались материалы как общероссийского, так и узколокального содержания (последние касались в основном Московского региона). Усилиями отдельных ученых получили освещение такие стороны городской жизни, как приток крестьян в города, городское самоуправление, влияние железных дорог на развитие городов и др.

Важнейшие проблемы общероссийского характера поднимает монография Б.Н. Миронова “Русский город в 1740-е-1860-е годы”, в которой прослежены изменения в населении и экономике в городах России с итоговым выводом, что “превращение большинства городов из аграрных в промышленные и торговые ознаменовало решительный шаг в отделении города от деревни, которое в главных чертах завершилось к середине XIXв.”. При этом подчеркивается остающаяся к 1870 году “экономическая слабость города, его аграрные черты, незавершенность отделения от деревни” [10, с. 233-234, 247].

В общей характеристике города исследователь предложил рассматривать его “как поселение многофункционального назначения со значительным (по крайней мере, в несколько сотен человек) населением (его торгово-промышленная часть составляет посадскую общину), которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует во всех отношениях (в хозяйственном, политико-административном, культурном) тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм”, чтобы “избежать как недооценки общего значения русского города, что получилось у большинства русских дореволюционных и современных западных историков, так и переоценки значения промышленно-торговых функций и соответствующей недооценки роли административных, военных, культурных и других функций города, что наблюдается у некоторых советских историков” [10, с. 267-268].

В контексте анализа работ современных авторов следует также отметить Н.Б. Лебину. В своей работе “Повседневная жизнь советского города (1920-1930-е года)” она рассмотрела советскую повседневность с позиции концепции девиантного поведения, предприняла комплексное исследование быта ленинградцев [11].

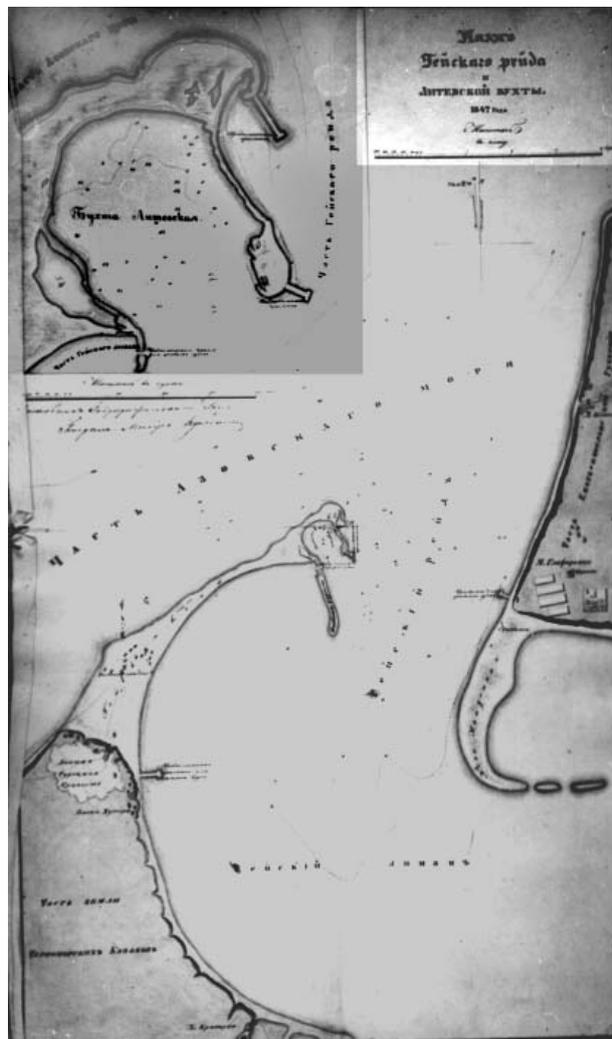
В последнее время к данной проблеме обратились зарубежные исследователи. Наибольший интерес представляет монография американского ученого Д.Р.Броуэра “Русский город между традицией и современностью, 1850-1900”, в которой изложение событий доводится до революции 1905года. Основное внимание историк уделил формированию социальной конфликтности среди городских слоев населения, обусловленные притоком в города крестьянства. Анализ пореформенной урбанизации России приводит автора к выводу об огромном разрыве в уровне развития столичных мегаполисов и провинциальных городов, причем исследователь изучил состояние лишь крупных центров (с числом жителей не менее 20 тыс. чел.), т.е. за рамками монографии осталось подавляющее число городов [12].

В последнее время выполнено много диссертационных работ регионального характера, посвященных проблемам социально-экономического развития провинциального города. Это кандидатские диссертации Р.Н. Пуллата “Социальный состав населения города Таллина в 1871-1917года” [13], в которой предпринят скрупулезный анализ статистического материала; П.П.Петрова “Города северо-востока Азии, 1861-1917гг.”, в которой проанализированы малонаселенные города Якутской области [14]. Наибольший интерес в этом контексте представляют работы О.М.Кравцовой и А.А. Терещенко. Труд О.М.Кравцовой “Социально-экономическое развитие городов Могилевской губернии во второй половине XIXв.”. Это обобщающая работа по белорусскому городу с заключением, что “городам второй половины XIXв. принадлежала ведущая роль в формировании индустриального общества тогдашней Беларуси. По своему социально-экономическому и культурному уровню развития они, по

мнению автора, превосходили все иные населенные пункты [15]. А.А.Терещенко в 1999г. выполнил работу “Социально-экономическое развитие городов России второй половины XIX-началаXXв. (на примере Курской губернии) [16]. В этой работе наряду с фактологическим материалом присутствует осмысление и теоретических вопросов.

Все выше названные работы отличает рассмотрение лишь отдельных вопросов развития городов. Комплексный подход в изучении истории городов отмечается в работах В.В. Бондаря, А.А.Федулина, С.К. Дмитриева [17]. Определенное место в перечне работ, посвященных исследованию городов, занимают региональные исследования. Если ранее в них зачастую преобладал рассказ об экономике города, его социальной структуре или его революционном прошлом [18], то в последнее десятилетие здесь ярко прослеживается комплексный подход [19].

Ейск основывался, прежде всего, как город-порт. Поэтому обустройство порта в истории города занимает одно из центральных мест. В 1846-1847 годах, когда шло исследование побережья Азовского моря и Ейской косы, все сходились на мнении о том, что пристани порта нужно размещать на оконечности косы у бухты Литевского. Причин тому несколько. Во-первых, там более глубокое место, что обеспечивало бы наиболее близкое подхождение судов к берегу, следовательно, пристань могла бы стать короткой. Во-вторых, бухту Литевского знали уже многие поколения мореходов как надежное укрытие от штормовых ветров и зимнюю стоянку.

Ейская коса 1847 г.

В императорском указе от 6 марта 1848года об основании г.Ейска пункт 8 гласил: “С открытием Ейского порта учредить при оном по прилагаемому штату особую таможенную заставу... дозволить ей очищать пошлиною Российские произведения, перевозимые в другие Российские и иностранные порты, а из иностранных товаров принимать только те, которые очищены пошлиною в других таможах” [20].

31 марта 1848 года по высочайшему повелению министерство финансов испрашивало наместника Кавказского о том, что следует ли причислить Ейскую таможенную заставу к Таганрогскому таможенному округу. Наместник дал 22 апреля отрицательный ответ. Мотивировал отказ тем, что г.Ейск находится в пределах Кавказского края и управление городом поручено начальнику портового города Ейска, подчиненного наказному атаману Черноморского казачьего войска. Из выше сказанного князь М.С.Воронцов сделал вывод, о том, что более полезным будет до какого-то срока подчинить Ейскую таможенную заставу наказному атаману Черноморского казачьего войска. Министр финансов Ф.П.Вронченко согласился с доводами наместника Кавказского. В соответствии с именным указом от 5 июня 1848г. Ейская таможенная застава подчинилась наказному атаману Черноморского кавказского войска на правах начальника таможенного округа под главным ведением наместника Кавказского [21]. 16 июня 1849г. надзирателем Ейской таможенной заставы стал титулярный советник А.Д.Трандафилов из Бердянска. 26 февраля 1850г. он личным рапортом доложил

наместнику Кавказскому о готовности заставы к работе.

В 1848г. пристаней еще не было, но уже 28 рейсов совершил пароход “Таганрог” [22]. В 1849г. остро встал вопрос о скорейшей постройке пристаней. К городу подходили торговые суда, а причала не было. Князь М.С.Воронцов поручил начальнику портового города Ейска своим предписанием от 26 марта 1849г. за № 1285 обязать городского архитектора И.Жуковского составить на постройку пристаней проект и смету. Наместник Кавказский предложил на первых порах возвести две деревянные пристани. Это подтвердил и командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенант Н.С. Заводовский. Поручено было заняться вопросом постройки пристаней начальнику портового города Ейска есаулу Е.И.Литевскому. 21 апреля 1849г. он представил наказному атаману Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанту и кавалеру Г.А. Рашпилю проект и смету на сооружение пристани, составленные И.Жуковским.

По проекту архитектора И.Жуковского первую временную пристань предполагалось сделать на 36 козлах длиной в 15 сажень, шириной в 1 сажень. Общая стоимость пристани составила бы 308 руб. 41 коп. сер. Установить ее предполагалось на лимане возле рыболовных заводов. Вторую временную пристань предполагалось установить в бухте длиной в 10 сажень, шириной - 4 сажени. Стоимость этой пристани составила бы 199 руб. 59 коп. сер. [23,л.32]. Наместник Кавказский после детального рассмотрения утвердил проекты и смету на постройку пристаней.

Доходов у города Ейска в 1849г. еще не было, поэтому расходы по постройке пристаней отнесли на счет войсковых сумм Черноморского казачьего войска. Эти деньги город должен был вернуть по мере пополнения своих доходов. Войсковое правление утвердило выделение средств городу Ейску предписанием от 19 июня 1850г. за № 1769. Наказной атаман Г.А.Рашпиль, понимая всю важность и экономическую выгоду нового порта просил немедленно выделить суммы для постройки пристаней.

В это время, не дожидаясь официального строительства пристаней в городе Ейске и желая, получить хорошую прибыль, управляющий и доверенное лицо рыболовной конторы откупщика Посполитаки просил у начальника портового города Ейска есаула Е.И.Литевского разрешение на постройку в лимане деревянной на козлах пристани. Для постройки частной пристани следовало получить разрешение наказного атамана, выяснить цель ее устройства, условия, на которых она будет содержаться в отношении гражданских прав. Не дожидаясь разрешения на строительство, пристань все же начали сооружать на том месте, где предполагалось устроить городскую. Полиция об этом инциденте доложила начальнику портового города Ейска. По поручению есаула Е.И.Литевского строительство пристани полиция приостановила. 22 июня 1850г. Посполитаки в докладной записке на имя Г.А.Рашпиля сообщил, что он желает построить временную пристань на столбах за свой счет. Городу Посполитаки обещал уплачивать сбор за погрузку товаров так, как бы это делалось через городскую пристань. Построить пристань требовалось срочно для избежания издержек в работе торговли и промышленных заведений. Наказной атаман разрешил строительство частной пристани с условием, что от нее не будет вреда для торговли и города Ейска. Посполитаки построил свою пристань [23,л.23].

Городскую пристань построили осенью 1850г. Вместо предполагаемых двух пристаней построили одну длиной 37 сажень, т.е. почти в 4 раза длиннее, чем проектируемая. Строительство новой удлиненной пристани уложилось в смету первой. Установлена пристань была в лимане. Значительных торговых оборотов порт еще не набрал, поэтому начальник портового города Ейска князь А.С.Голицын решил не строить вторую пристань в 1850г. При необходимости ее предполагалось возвести к лету 1851г.

В 1850г. в порт заходил пароход “Таганрог”. Он сделал за навигационный период 133 рейса, перевез пассажиров и товаров на сумму 880 руб. [24]. Не имея еще четких представлений о строительстве и содержании пристаней в море, природно-климатических условиях местности, состоянии дна моря первая построенная пристань на зиму разобрана не была. Вследствие чего зимой 1850-1851гг. пристань была повреждена сильным наносом льда из моря и снесена чуть позже в лиман в период вскрытия моря. Для возврата к берегу оторвавшейся с 10 на 11 марта 1851г. части пристани были приглашены жители, имеющие свои баркасы. Понимая всю важность

данного мероприятия, никто из приглашенных не отказался и все выполнили работу бесплатно. Материал, из которого построили пристань, за исключением нескольких козел, сломанных льдом, был спасен. Уцелевшую пристань разобрали и сложили на берегу.

Принимая во внимание случившееся, наказной атаман Г.А.Рашпиль предложил усилить конструкцию пристани. Он посчитал, что ее нужно построить на сваях. Начальник портового города Ейска князь А.С.Голицын считал это нецелесообразным. Доводов он привел несколько. Во-первых, дороговизна проекта, низкие доходы города в ближайшие годы не смогут покрыть такие расходы. Во-вторых, не было уверенности, что в мягком, илистом дне сваи будут прочно стоять и выдержат наносы льда. А.С.Голицын, таким образом, сделал вывод о том, что пристань следует строить на козлах, на зиму ее нужно будет разбирать, а весной вновь собирать. Мнение начальника портового города Ейска одобрил наместник Кавказский. Теперь каждый год на зиму пристань разбирали, а весной вновь собирали, для этих целей была сделана особая статья в городском бюджете. Восстановить же поломанную в 1851 году пристань было решено за счет сумм на строительство второй пристани. Князь А.С.Голицын предложил не строить вторую пристань, а удлинить первую на 23 сажени. Общая длина пристани в таком случае составила бы 60 сажений. В конце удлиненной пристани предложено было сделать поперечник до 7 сажений. Что и было сделано.

Для оживления каботажного судоходства при Ейском порте был необходим пакетботный пароход. Он должен был совершать постоянные рейсы в другие порты Азовского моря, перевозить товары, буксировать лодки и плоты с лесом, доставлять из Ростова-на-Дону строевой лес, из Мариуполя - дикий камень. Князь А.С.Голицын просил содействия в этом вопросе у Г.А.Рашпиля. Однако, такой пароход в Ейском порту так и не появился. Как и в прежние годы, в 1851 году, в порт г.Ейска заходил пароход "Таганрог". Совершил он в течение навигации 22 рейса, позволившие 91 человеку совершить поездки [25]. Со строительством и введением в эксплуатацию пристани встал вопрос о надзоре за соблюдением порядка на ней. В связи с этим, начальник портового города Ейска просил наказного атамана Черноморского казачьего войска назначить двух сторожей. Что и было сделано. Необходимо было также усилить и береговой надзор. До 1850г. вблизи Ейского порта находился береговой надзор, подчиненный Таганрогскому градоначальнику. Состоял он из трех нижних чинов, которые имели свою стражу на протяжении 24 верст берега у залива. Начиналась охраняемая надзором территория у бывшего рыбного завода Морквина, заканчивалась - у Широкой балки, захватывая при этом Ейскую косу. Такой состав берегового надзора на таком большом расстоянии и в условиях начала функционирования порта был явно недостаточен. Следствием этого явились нападения рыболовных ватаг и бродяг, обитавших у берегов Азовского моря на мореходов. На этот счет князь А.С.Голицын беседовал с наместником Кавказским в Кисловодске. Еще в 1850г. князь А.С.Голицын просил наказного атамана генерал-лейтенанта и кавалера Г.А.Рашпиля обратиться к Таганрогскому градоначальнику с просьбой усилить береговой надзор до 10 стражников и дать им в команду офицера. Принимая во внимание все замечания в 1852г. был назначен следующий состав берегового надзора: на Ейской и Долгой косах по 4 чиновника, на Ахтарской - 2 чиновника, в Ачуге - 3 чиновника. Все они были нижними, рядовыми чиновниками, которые подчинялись старшему из них. Поручик Хрущев управлял ими из Таганрога [26]. В 1852 г. наряду с уже существующей деревянной пристанью на козлах по разрешению наместника Кавказского была построена еще одна пристань из дерева с 3 отделениями. Кроме того, в это время в порту была сооружена будка для досмотра пассажиров, помещение для досмотрщиков при Ейской таможенной заставе [27].

С самого начала работы порта и таможни вырисовывалась острая необходимость в разрешении таможне очищать пошлиною иностранные товары. Переписка по этому вопросу длилась очень долго, помогал Ейску добиться разрешения князь М.С.Воронцов. К большой радости Ейского руководства в апреле 1853г. повелением императора было разрешено Ейской таможенной заставе до 15 декабря 1855 г. очищать пошлиною иностранные товары, исключение составляли табак, прованское масло, сахар, кофе [28]. Несмотря на постановку пристани в 1850г., работы по исследованию дна и поиску лучшего места для нее не прекратились. По поручению князя М.С.Воронцова в 1851 году капитан-лейтенант Савинич занялся исследованием морского дна, глубины моря около города.

18 января 1852г. Савинич представил наместнику Кавказскому записку о результатах проведенных исследований и свои выводы. Савинич предложил построить пристань на сваях длиной 60 саж., шириной 7 саж., с крыльями по обеим сторонам для больших судов 20 саж., а для выгрузки лодок и баркасов - 10 саж. Глубина воды возле оконечности пристани должна быть 6 футов [23, л. 70]. Пристань, таким образом, получилась бы в виде буквы Т. В ходе развития торговли можно будет, по мнению Савинича, построить другую пристань в виде буквы Г, параллельно Т-образной. Обе пристани образуют гавань столь необходимую и удобную для Ейского порта. В кругах городского управления план Савинича одобрения не получил. Тогда он сделал наместнику Кавказскому еще один доклад. В нем Савинич сообщил, что городская пристань длиной 32 1/2 саж. имеет единственное неудобство - разборка зимой и сборка весной. До более интенсивного развития торговли город другую, более дорогую, пристань построить не сможет. Видя очень неудобный проезд для повозок на пристань, Савинич предложил расширить пристань до 4 саж и сделать сверху площадку 10 кв. саж. При наличии средств было бы удобным расширенную пристань удлинить до 100 саж., тогда возле ее оконечности глубина была бы 4,5-5 футов. Это дало бы возможность подходить к пристани большим судам и пакетботному пароходу. Для углубления фарватера до 8-9 футов от Глафиrowsкого прохода в Ейский залив Савинич предложил приобрести для Ейского порта очистительную паровую машину. Вместо таможенной пристани на козлах необходимо было, по мнению Савинича, сделать небольшую огороженную гавань с длиной стен 130 саж., шириной 7 саж., расстоянием между загибами 100 саж., с глубиной фарватера 9 футов. Сделать стены гавани нужно из бетона. Наместник Кавказский одобрил предложение Савинича. Однако, денег на его воплощение не было.

В 1853г. князь М.С.Воронцов утвердил план, составленный городским архитектором на постройку напротив Глафировки деревянной на сваях пристани и смету на ее постройку. План этот не осуществился из-за значительной удаленности пристани от города (около 7 верст) и начавшейся Крымской войны. Построен был еще в 1851г. (по смете за 7 руб. 57коп.) для погрузки экипажей наместника Кавказского на пароход "Эльбрус" небольшой мост. Городскому управлению и наместнику представилось, что удобным было бы здесь построить пристань. В 1853г. ее построили на козлах длиной 100 саж., шириной 4 саж., с первой площадкой сверху - в 10 саж., второй внизу - 10 саж. по плану Савинича [23, л. 145]. После окончания строительства пристань освидетельствовал войсковой архитектор и признал ее в наилучшем состоянии. Вслед за этим в ноябре 1853г. начальник портового города Ейска распорядился сделать вызов желающих для разборки пристани на зиму и постановки ее весной.

Постановка и разборка пристани в ходе ее содержания были самыми сложными вопросами. Причины тому: износ материала, дороговизна мероприятия, нежелание жителей брать подряд на эти работы. Необходимо было как-то так укрепить пристань, чтобы она стояла круглогодично. Городское управление обратилось за консультацией по этому вопросу в 1853г. во временный строительный комитет в Екатеринодаре. Там предложили забить сваи вокруг пристани и поставить ледорезы. Составлена была смета расходов, которая составила 478 руб. 11 коп. [29]. Наказной атаман генерал-майор Я.Г.Кухаренко решил, что сваи не помогут сохранить пристань, нужно как и раньше ее собирать и разбирать.

17 апреля 1853г. наместник Кавказский предложил построить пристань на оконечности Ейской косы (ранее ее предлагал там построить вице-адмирал Серебряков) длиной 12 саж. Начальник портового города Ейска согласился с наместником. Строительство пристани было доверено бердянскому купцу 2 гильдии Г.Гушарий. Он не оправдал возложенных надежд, пристань не была построена. Купец не нашел соснового леса, а из елового запретила строить строительная комиссия Войска. В 1855г. из-за боевых действий строительство пристаней было приостановлено по распоряжению наказного атамана генерал-майора Я.Г. Кухаренко. Причина тому блокада Азовских портов в ходе Крымской войны. Во время бомбардировок города неприятелем материал для пристани частично сгорел. После завершения войны пристань у бухты Литевского строить не стали. Разрешение о постановке пристани в лимане поступило в Ейск 19 августа 1856г. В октябре 1856г. начальник портового города Ейска полковник И.В.Чередеев просил наказного атамана разрешить ему уменьшить в 1857г. пристань со 100 до 50 сажень, а из оставшегося материала сделать пристань длиной 30 саж. в море напротив пристани в лимане. Я.Г.Кухаренко

разрешил строить пристани длиной 50 саж. и 30 саж., но не экономическим образом, а с подряда под попечительством городской ратуши. Допущен к подряду на строительство пристани длиной 30 саж. был ейский мещанин Г. Головатый, но отказался из-за дороговизны рабочей силы в период полевых работ. В 1857г. постройка и разборка пристани была отдана на подряд с торгов. Мещанин Г. Головатый взял подряд на строительство пристани длиной 50 саж., купец 3 гильдии Е. Редовский - на строительство пристани длиной 30 саж. С возложенными на них задачами ейчане справились. Пристани были построены.

Городской бюджет с трудом справлялся с содержанием пристаней. Для молодого Ейска ежегодно тратить около 1000 руб. на пристани было очень дорого. В такой ситуации желая помочь развивающемуся порту наказной атаман подал прошение наместнику Кавказскому, который в свою очередь вышел с ходатайством к председателю Кавказского комитета о необходимости установления в г. Ейске на 10 лет 0,5коп. сбора с пуда товаров, погружаемых и выгружаемых на пристанях. Кроме того, наместник просил управляющего делами Комитета о высочайшем разрешении на этот счет. Император утвердил этот сбор, доходы от которого пошли на содержание пристаней и мостовых, ведущих к ним.

В 1857г. ярко обозначилась ситуация, при которой иностранные суда, подходящие к Ейску, не могли производить погрузку в лимане из-за его мелководности и состояния дна. Частные лица из-за названных причин вынуждены были устраивать свои собственные пристани. Тогда в сентябре 1857г. часть городской пристани в виде опыта переведена была с лимана в море (длиной 130 саж.) Этот вариант оказался удачным. Пристань не разбирали до наступления морозов. Уверенности в том, что она выдержит движение льдов при сильном юго-западном ветре не было, поэтому ее как и ранее разобрали [30].

Расширялся порт, быстрыми темпами шло развитие торговли, росло число купцов и умножалось их благосостояние. Препятствием на этом пути было отсутствие в Ейске таможни 1 класса. 28 мая 1858г. ейский купец 1 гильдии Г.Капараки подал прошение наместнику Кавказскому генералу от кавалерии, генерал-адъютанту и кавалеру А.И.Барятинскому. В нем он указал на то, что многие купцы стали выписывать такие выгодные в торговле товары из-за границы как вино, масло, кофе, сахар. Получить в Ейске этот груз купцы не могут из-за отсутствия таможни 1 класса, могущей очищать пошлиною все иностранные товары. Несмотря на все прошения и ходатайства, Кавказский комитет не разрешил открыть при Ейском порте таможню 1 класса. Невзирая ни на что значение Ейского порта возрастало. Так, с марта 1858 года открылось сообщение Керчи с Азовскими портами, в том числе и Ейским.

К 1865г. часть материала для городских пристаней испортилась. На своем заседании в феврале 1865г. Ейская городская дума решила все материалы для пристани поставить новые и несколько изменить длину морской пристани. По предложению и чертежам городского архитектора и начальника портового города Ейска было послано прошение начальнику Кубанской области о продлении пристани со стороны Азовского моря на 8 саж. Генерал-лейтенант и кавалер Ф.Н.Сумароков-Эльстон разрешил удлинить пристань, но при этом заметил, что исходную длину пристани следует считать не 30 саж. как показано думой в росписи, а 35 3/4 саж. каковой длины она действительно является по акту освидетельствования 1864г. [31, л.12]. На поставку материала, постройку и разборку двух пристаней в 1865г. полковником Э.А.Сальстетом были назначены торги. Подряд был отдан ейскому мещанину В. Ефоснову. Со взятыми на себя обязательствами он справился, и в первых числах апреля 1865г. обе пристани были поставлены. Однако, 15 апреля и 16 апреля 1865г. был сильный шторм при западном ветре и пристани были значительно повреждены, но в скором времени восстановлены. 23 августа 1865г. вновь разыгрался сильный шторм при юго-западном ветре, во время которого была сломана и выброшена на берег значительная часть морской пристани. Восстановление ее было произведено за счет средств городского бюджета, выделенных на экстренные расходы [31, л.16].

До строительства в 70-е годы XIXв. железнодорожной ветви Тихорецк-Новороссийск и Ростово-Владикавказской железной дороги, Ейск являлся фактически основным центром сбыта хлебопродуктов, производимых в северной части Кубанской области и Ставропольской губернии. К порту все чаще подходили большие иностранные суда, необходимо было незамедлительно думать об углублении фарватера и обустройстве порта.

В 1871г. Ейская городская дума ходатайствовала перед областным правлением о разрешении на постройку пристани на сваях с ледорезами для того, чтобы пристань на зиму не разбирать. Иностранцы и русские купцы, торгующие в Ейском порту, тоже подавали свои предложения об его улучшении. Так в областное правление были представлены бумаги турецко-поданного С.Палалани и почетного гражданина г.Ейска К.Кушнарева с проектами устройства постоянной пристани со стороны лимана с углублением возле нее дна до 9 футов. По мнению авторов такая пристань была бы защищена от наносов льда Ейской косой. Решение дела затягивалось. Только 23 марта 1875г. гласные думы вынесли предложение о необходимости ходатайствовать перед областным правлением об устройстве в г. Ейске постоянной пристани и проведении железнодорожной ветви. Отсутствие железной дороги, подходящей к порту, приводило к оторванности от основных поставщиков хлеба и других товаров, и как, следствие снижению грузоперевозок по Ейскому порту. В 1875г. агент по постройкам железнодорожных мостов Смитт из Таганрога предложил Ейску свои услуги по постройке постоянной железной пристани на море. Он был приглашен на обсуждение этого вопроса в Ейскую городскую думу, где работала особая комиссия по постройке железнодорожной ветви и порта. 10 октября 1875г. комиссия закончила свою работу и вынесла решение о немедленном ходатайстве по вопросу строительства железной дороги и устройству постоянной гавани. Проект Смитта был признан несоответствующим нуждам города из-за дороговизны и отсутствия гарантии его прочности в зимний период. Более приемлемым посчитали строительство пристани в лимане с расчисткой дна до 9 футов глубины. Расход на проведение работ предложено было покрыть облигационными займами или учреждением акционерного общества. Страх перед таким предприятием был очень велик, уверенности в абсолютной правильности решения не было и решение вопроса затянулось. Пристань как и прежде продолжали строить деревянные, разбирать на зиму и собирать весной [32].

Наряду с городскими пристанями существовали частные. Так, в 1875г. ейский купец 1 гильдии К. Вандергхт по случаю наступления весны намеревался немедленно приступить к устройству пристани на Ейской косе со стороны Азовского моря для погрузки собственных товаров. Он просил распоряжения городской управы об отводе ему места, которое он занимал в 1874г. и о сообщении ему размера городского акциза. Такое же прошение подал в 1875г. греческо-подданный Г.Травло. 1 февраля 1875г. Ейская городская дума постановила, что плата в пользу города за право нагрузки и выгрузки товаров на городских и частных пристанях составляет по 1/4 копейки с пуда. Строить частные пристани было разрешено, однако, за это взимался налог в размере 1332 руб. в год. Купцы посчитали, что это решение необоснованно и подали жалобу начальнику Кубанской области. До полного погашения налога Ейская городская дума строить пристани не разрешила.

26 апреля 1875г. Кубанское областное по городским делам присутствие постановило, что городские земли, занятые купцами под пристани должны быть предоставлены им в безвозмездное пользование. Пристань при этом должны находиться в общем пользовании бесплатно и без разрешения этих купцов. Ейская городская дума, не удовлетворенная ответом, подала жалобу в правительствующий Сенат. Последний постановил, что Ейская городская дума права, налог за постройку на городской земле частных пристаней платить необходимо. Купцы согласились с решением Сената и оплатили налог.

В 1878г. разборка и сборка пристаней последний раз отдавалась с торгов. В 1879г. работы были осуществлены специальной комиссией, назначенной городской думой, разборка вновь была осуществлена подрядчиком. Для постановки пристани в 1881г. была назначена особая комиссия из гласных думы Ф. Рябкина, К.Пересады, Ф. Макарова, И.Ефимова, И. Киченко [33].

Исследования морского дна и других природных условий для наилучшего расположения пристаней и обустройства порта продолжались. В 1880г. свои соображения по поводу Ейского порта высказал Савицкий. Он отметил, что положительными чертами порта является его защищенность от ветра и волн и как следствие- возможность производить погрузку в любую погоду. К отрицательным он отнес мелководность бассейна и как следствие - вынужденная остановка больших кораблей на Таганрогском рейде. Савицкий в заключении сделал вывод о том, что если бы на Азовском море были бы еще порты и не такая бы близость населенных

пунктов к Ейскому, последний с самого начала своего существования принял бы второстепенное значение. Со строительством Владикавказской железной дороги торговля при Ейском порте уменьшилась наполовину и при таком низком благоустройстве порта это будет продолжаться [34]. Тем временем сообщение между портами Азовского моря улучшалось. Так, с начала июня 1880г. пароходы А.Кривошеева стали делать более частые рейсы, до минимума были удешевлены билеты. Эта, впрочем, как и некоторые другие пароходные конторы, имели при Ейском порту свои агентства.

Вопрос о правильности выбора места для постройки пристаней нередко поднимался вновь, каждый вариант изучался, после чего выносилось соответствующее решение. В феврале 1882г. в Ейскую городскую думу поступило предложение мещанина В. Гайдарова на постройку пристани возле его шерстомойни. По причине мелководья этот вариант расположения пристани был признан нецелесообразным [35,л.22].

После долгого и безрезультатного ходатайства о строительстве железнодорожной ветви купцы негоцианты, занимающиеся в городе Ейске покупкой зернового хлеба, 6 марта 1880 г. подали городскому голове Г.Капараки просьбу. В этом документе они указали значение пристани с углублением с фарватера до 9 футов и обосновали необходимость строительства железнодорожной ветви. Купцы заявили, что согласны уплачивать при погрузке хлеба по 30 коп. с четверти с тем условием, чтобы эти деньги были направлены на обустройство порта и строительство железной дороги. 11 марта 1880г. этот вопрос был рассмотрен на заседании Ейской городской думы. На этот счет было вынесено постановление о возобновлении ходатайства по строительству железной дороги и устройству удобной пристани. Деньги на проведение работ было предложено взять из названного сбора, других средств у думы не было.

Послано было ходатайство думы, с заключением местных властей, управляющему делами Кавказского комитета. Последний сообщил главному управляющему наместника Кавказского следующее: министр финансов в своем отзыве от 14 июня 1880г. сообщил, что не возражает против сбора в пользу Ейска, но только в размере не 3 коп. с пуда, а 0,5 коп.; министр внутренних дел в отзыве от 5 августа 1880г. заявил о своем согласии с мнением министра финансов [36]. Ейская городская дума в своем заседании от 14 октября 1880г. выслушала эти отзывы и постановила, что необходимо возобновить ходатайство о разрешении взимания 3 коп. попудного сбора. Налог 0,5 коп. с пуда признан недостаточным для обустройства гавани в г.Ейске и проведении к нему железнодорожной ветви. В итоге, усилия Ейской думы, начальника Кубанской области, наместника Кавказского не принесли желаемого результата. Госсовет не согласился на утверждение 3 коп. попудного сбора. Было указано, что подобный налог в городах Николаеве, Севастополе, Бердянске, Мариуполе, Таганроге составляет 0,5 коп. с пуда. повысить размер налога в городе Ейске может только очень уважительная причина.

26 января 1882г. Ейская городская дума вновь постановила, что для Ейска сбор в 0,5 коп. с пуда недостаточен. В городах, указанных Госсоветом портовые сооружения уже построены, в Ейске - нет. Кроме того, строительные материалы в Ейске дороже, чем в названных городах. После представления этих замечаний наместником Кавказским Госсовет 25 января 1883г. постановил разрешить общественному управлению в городе Ейске установить с целью возведения новых и улучшения существующих портовых сооружений и для устройства мостовых сбор, равный все тем же 0,5 коп. с пуда. Ейская городская дума, определила в 1883г. размер узаконенного сбора в 1/4 коп. с пуда. Установив такой сбор, дума вообще отказалась от идеи строительства порта и железной дороги.

До 1891г. никаких попыток по обустройству порта и строительству железной дороги в г.Ейске не предпринималось. Город выше означенным сбором не воспользовался, он весь был отправлен в областное правление. Исключением в “бездействии” думы было решение в 1889г. о строительстве постоянного земляного моста в Ейском лимане. Устроенная до этого пристань получила прозвище “бычковой”. Поглотив более 40 000 руб. государственных денег, она оказалась непригодной для приема судов. Причиной этого явилось то, что несмотря на длину 120 сажень, глубина возле края пристани была всего 2-3 фута, что явно недостаточно даже для небольших судов. После устройства такой неудачной пристани в Ейскую городскую думу явились несколько предпринимателей с предложением провести от пристани по лиману канал глубиной 7 футов.

Однако, эти мероприятия были признаны нерентабельными и воплощены в жизнь не были. В 1890 г. постановлением министерства путей сообщения на устройство мостовых, ведущих к пристаням, был установлен налог в размере 1/4 коп. с пуда.

К концу 80-х годов XIX в. поток грузов к Ейскому порту резко сократился. Причиной тому было строительство Владикавказской железной дороги. Понимая острую необходимость в скорейшем решении вопроса о подведении к Ейску железнодорожной ветви и модернизации порта, дума в 1891г. перешла к более решительным действиям. Была создана особая комиссия для обсуждения и решения вопроса о строительстве железной дороги и устройстве порта. 7 декабря 1891г. дума выслушала заключение этой комиссии и постановила: “уполномочить городского голову и одного из гласных ходатайствовать о 0,5 коп. сборе на устройство порта и предоставлении дополнительных средств на строительство железной дороги” [35, л.32].

Начальник Кубанской области уведомил Ейское городское управление, что весной 1893г. министерство путей сообщения приступит к изучению положения в некоторых приморских пунктах Черного и Азовского морей, в том числе и в городе Ейске. Цель этих исследований - подробное ознакомление с судоходными условиями мест для устройства каботажных портов. Намеченные изыскания были проведены в 1893-1894г.г. инженером В.Руммелем и его помощниками Сахаровым и Ельским. В отношении Ейска было указано, что здесь целесообразно со стороны моря в порту сделать углубление до 12 футов. В настоящее время, отметил В.Руммель, глубокосидящие иностранные пароходы, приходящие к Ейскому порту за зерновым хлебом, останавливаются на Ейском и Таганрогском рейдах.

Во время работы комиссии по устройству коммерческих портов в нее поступила копия ходатайства Ейской городской думы от 1892г. об устройстве за счет 0,5 коп. сбора пристани согласно проекту инженера Корчинского. Суть предлагаемого варианта заключалась в следующем: устроить со стороны лимана пристань длиной 125 сажень с глубиной 7 футов у ее оконечности. У этой пристани целесообразно вдоль берега сделать набережную. Устроить длиной в 135 сажень набережную вдоль существующей пристани в море; сделать ковш вдоль набережной; устроить канал в лимане длиной 2 версты, глубиной 7 футов. Стоимость всех сооружений по смете составляла 368 000 руб. Комиссия в своем заседании от 9 апреля 1893г. признала эти преобразования нецелесообразными. Было отмечено, что лучше обустроить морской каботажный порт с глубиной фарватера в 12 футов. В лимане устраивать порт было признано нерациональным [37].

При выборе места для обустройства порта было обращено внимание на благоприятное расположение для этого Ейской косы. Отрицательной чертой была лишь ее значительная удаленность от города. Учитывая все “за” и “против” был составлен проект обустройства порта в г.Ейске. Основные идеи плана заключались в следующем: порт устроить на косе, вблизи существующей пристани на море, но на 200 сажень ближе к городу; гавань ограничить двумя молами, выведенными до глубины 9-12 футов. На берегу между молами по длине канала вырыть бассейн длиной 155 сажень, шириной 40 сажень, устроить длиной 300 сажень деревянные набережные и торговые площадки шириной в 30 сажень вдоль берега. Эти мероприятия позволяли устроить открытый морской канал с шириной по дну 40 сажень, длиной 512 сажень, расстоянием между молами - 400 сажень. Стоимость всех работ была оценена в 1 002 000 руб. сер. Покрыть расходы намечалось за счет 0,5 коп. попудного сбора. К 1895г. на эти цели было накоплено в Ейске 390 000 руб. [38].

Исследованием вопроса о расположении порта в г.Ейске и его обустройстве занимался и выдающийся кубанский историк, статист А. Щербина. Он заметил, что для улучшения развития экономики края, порт необходимо сделать, как это предлагают инженеры, таможенная застава в Ейске должна быть 1 класса.

К концу XIX в. экономическое развитие России потребовало совершенствования технологии переработки грузов. Нужно было повысить конкурентоспособность российских товаров, снизив их себестоимость. Ейский порт имел в этом плане значительные недостатки: удаленность пристани от городских амбаров, что порождало большое количество посредников; малая глубина возле оконечной пристани, что вело к необходимости крупным судам останавливаться на рейдах; отсутствие безопасной гавани для зимовки судов; отсутствие световых знаков. Это создавало

сложности захода в лиман судов в ночное время и шторм. Все это выливалось в дополнительные расходы судовладельцев и товароправителей и как следствие рост цен на товары [35, л. 28об.].

90-е годы XIX в. в России ознаменовались экономическим подъемом, одним из проявлений которого был рост внешней торговли, особенно экспорта зерновых хлебов. К концу XIX в. юг России стал основным поставщиком пшеницы на экспорт. Так, в период с 1888г. по 1892г. только через Ейский порт из России было вывезено 8,3 млн. пуд. зерна [35, л.30]. К началу XX в. стоимость экспорта сельхозпродуктов равнялась 450-500 млн. руб. в год, в том числе экспорта зерновых хлебов 300-350 млн. руб. [39]. С 1903 по 1905г. из Ейска вывезено 16.684 тыс. пудов зерна [40]. Россия в начале XX века заняла первое место среди стран, поставлявших зерновой хлеб на мировой рынок.

Если в дореформенный период первенство в морской торговле России принадлежало портам Балтийского моря, то в пореформенный - их оттеснили черноморско-азовские порты. Причина такой ситуации заключается в том, что: основным потребителем пшеницы к этому времени вместо Англии стали Франция и Италия; быстро развивающийся внутренний рынок оттягивал хлебные грузы центральных районов от Балтики [41].

Железнодорожное строительство 60-70-х годов, особенно 90-х годов XIX в. оказало заметное влияние на развитие внешней торговли России. Оно подорвало значение гужевых перевозок, речных перевозок, приблизило порты к внутренним производственным районам. В 80-90-е годы XIX в. внешний рынок стал занимать все большую долю в сельскохозяйственном товарообороте, что вызвало необходимость улучшения и расширения строительства морских судов и торговых портов.

Несмотря на все недостатки порта к 80-90г. XIX в.- нач. XX в. пароходное сообщение с Ейском было налажено. Так обществом пароходства по Дону, Азовскому и Черному морей был организован рейс Ростов-Мариуполь. Пароход заходил в г.Ейск. По дороге из Ростова он приходил сюда по средам и воскресеньям в полдень, в Мариуполе был вечером. Из Мариуполя в Ейск заходил по понедельникам и субботам, выходил ночью, приходил утром в Ростов. Каждому пассажиру разрешалось при себе иметь не более 1 пуда багажа. Дети до 2 лет ездили бесплатно, от 2-х до 10 лет- за 1/2 цены билета. Пассажиры, которые желали провезти с собой собаку, должны были платить за нее как за 2 пуда багажа. Животное должно было находиться на палубе под наблюдением хозяина. Пассажиры, невзавшие билеты в агентствах покупали их на пароходе, но на 10% дороже, чем установленной таксы. На всех пароходах имелись буфеты. Данный маршрут обслуживали пароходы: “Санкт-Петербург”, “Дон”, “Донец”, “Аксот” [42, л.84].

Пароходство по Азовскому и Черному морям А.М.Стороженко предлагало населению воспользоваться рейсами Ростов-Мариуполь, Ростов-Геническ, Ростов-Ейск. Права и обязанности пассажиров этого пароходства были такими же как и предыдущего, за исключением детских билетов. Здесь детям до 4 лет был разрешен бесплатный проезд, с 4-х до 10-лет 1/2 цены билета. Данные рейсы обслуживали пароходы “Балтик”, “Апполон”, “Новосельский”, “Рысак”, “Генерал Гурко”, “Дагмара” [42, л.85]. К концу 90-х годов XIX в. для Ейска самой острой проблемой была модернизация порта. Несмотря на явную в этом необходимость, процесс решения вопроса шел очень медленно.

После исследований порта министерством путей сообщения в 1893г. никаких конкретных действий предпринято не было. Городское самоуправление в 1898г. вошло в соглашение с правлением общества Владикавказской железной дороги. Предметом договора была постройка железной дороги и порта в Ейске. Условием такой сделки должно было явиться согласие города на передачу в распоряжение общества 320 000 руб. из сумм 0,5 коп. сбора и увеличения до 1 коп. с пуда сбора, установленного для портовых грузов в порту. Окончательное соглашение достигнуто не было, вопрос как и прежде оставался открытым.

7 августа 1900г. на заседании Ейской городской думы был вновь поднят вопрос о переустройстве порта. Предполагалось изменить тип набережной, расширить бассейн. Было решено возбудить ходатайство перед главным управлением торгового мореплавания и портов о соответствующих изменениях по усмотрению самого управления. Расходы предполагалось покрыть за счет сумм из займа разрешенного императором на сооружение порта. На основании утвержденного Николаем II положения кабинета министров городу Ейску был разрешен заем

в 900000 руб. на постройку порта. Уплата процентов по нему и его погашение предполагалось производить из сумм ежегодно отпускаемых для этого городскому управлению портовым комитетом.

Ейский порт начала XX в.

Разрешенный городу заем в 900000 руб. не восполнял полностью расходы на устройство порта. Недостающие суммы восполнялись за счет городского бюджета. Последний в свою очередь черпал средства из налогов, взимаемых в порту с отвозимых и провозимых товаров, с 0,5 коп. попудного сбора. Только в 1904г. на постройку порта в г.Ейске, его переустройство было выделено городским самоуправлением 1 003 494 руб. 02 коп [43, л.11]. В ходе проведения торгов подряд на проведение работ получил инженер Бучче. К 1905г. строительство всех сооружений в порту было завершено. Ейский порт стал современным для того времени, хорошо обустроенным, готовым принять суда большего, чем ранее водоизмещения. Все расходы, связанные с дальнейшим благоустройством порта производились за счет городской управы, которая получала и доходы от его работы.

Проведенная реконструкция все же не позволяла заходить в Ейский порт кораблям большого водоизмещения. Они по-прежнему останавливались на Таганрогском рейде. В 1911г. заинтересованные учреждения, в частности общество Ейской железной дороги вновь стали возбуждать ходатайства о необходимости улучшения судоходных качеств порта. Правление общества спрашивало разрешение у министерства торговли и промышленности на предмет обустройства глубоких набережных в порту и приобретения каравана для производства работ по устройству глубокого подхода к нему. Разрешение было получено. Медленно, но начали проводиться работы.

После переустройства порт стал более привлекательным для окружающего его района в отношении товаро-перевозок. В 1904г. в этой связи Ейская городская дума возбудила вопрос о

постройке городских амбаров вдоль всей восточной набережной бассейна на расстоянии 10-12 сажень от края. К этому времени подобные амбары уже существовали возле морского порта, но с увеличивающимся потоком зернового хлеба их стало недостаточно. В 1914г. часть территории порта была передана из ведения Ейской городской управы таможенному ведомству для постройки там корабельной таможенной конторы.

Несмотря на значительное благоустройство порта, беспорядков там, в движении грузов и людей было еще много. По донесению в 1914г. техника порта инженера Г. Лебедева между агентствами пассажирских пароходств постоянно происходили конфликты. Причиной тому были очередность и место причала судов. Суть дела заключалась в том, что набережная была очень тесной, вдоль агентств на деревянной ее части подолгу лежали грузы, на восточной стороне все участки были заарендованы. Инженер Г. Лебедев просил думу, вынести постановление чтобы: свободной частью причальной линии напротив заарендованных участков могли пользоваться все желающие. При этом необходимо, чтобы арендаторы не терпели неудобств при погрузке и выгрузке своих товаров; грузы необходимо убирать с деревянной набережной в день погрузки (выгрузки) или в крайнем случае не позднее следующего дня; напротив заарендованных участков необходимо оставить для общего пользования хотя бы 25 саж. западной набережной. Городская дума рассмотрела все эти предложения, вынесла соответствующее решение. Однако, контроль за его выполнением налажен не был. Поэтому положение дел в Ейском порту больших изменений не претерпело.

В 1915г. у Ейской косы был построен большой каботажный порт. Он состоял из врезанного в берег портового бассейна, вход в который был защищен двумя молами, образующими обширный рейд. Глубина в бассейне поддерживалась постоянным землечерпанием и достигала 12 футов, в подходном канале - 13 футов. В бассейне с северной и восточной сторон были расположены деревянные набережные, общей длиной 310 саж. Кроме того, в бассейн вдавалась небольшая деревянная пристань длиной 13 саж., шириной - 5 саж. Теперь Ейский порт мог принимать суда различного водоизмещения [43, л.14].

Функциональный подход к классификации городов позволяет охватить все исторически и географически многообразные типы городов, всю их разнообразную деятельность, избегая при этом переоценки одних и недооценки других видов деятельности. Такой подход позволяет правильно оценить роль городов, понять специфику городской жизни, конкретно-исторический смысл существования городов в каждую эпоху. Структура городских функций – важнейший показатель уровня и характера развития страны в определенную историческую эпоху.

Ейск основывался как торговый город - порт. С первых лет своего существования Ейск стал оживленным экономическим и торгово-распределительным центром на берегу Азовского моря. В городе была открыта лесная биржа, налаживалось производство кирпича и черепицы, возникали кустарного типа кожевенные, салотопильные, свечные, крупяные и другие предприятия. Видное место заняло мукомольное производство. Более трех десятков мельниц появилось в северной части города, занимая большую территорию, прилегающую к лиману. Особенно оживленным стало основание косы, где открылись пристани на море и лимане. Сотни подвод приходило летом и осенью в Ейск из станиц Кавказской линии, Черноморья, Ставропольской и южной части Ростовского уезда, нагруженные пшеницей, льняным семенем, шерстью, кожей и другими сельскохозяйственными товарами. Затем эти товары отправлялись за границу и во внутренние районы страны. В свою очередь на иностранных судах стали поступать из стран Западной Европы различные бакалейные товары, которые частично реализовались на месте, а частично направлялись в Харьков, Елец, Нижний Новгород и в другие торгово-распределительные центры европейской части России. Во внутренней привозной торговле молодого города видное место занимали железные товары, мануфактура и другие фабричные изделия, крайне необходимые для всевозрастающего населения Северного Кавказа, где промышленность в то время отсутствовала. Особенно большое место во ввозе занял строевой лес, который необходим был городу Ейску, а также направлялся в Черноморье и многие станицы Кавказской линии. Лес поступал с верховий Волги.

Торговые связи Ейска с внутренними районами Северного Кавказа с каждым годом все более возрастали, поэтому в городе был учрежден постоянный рынок с Гостиным двором,

открылись лавки и магазины. С падением крепостного права и ростом капитализма в России товарное земледелие получает большое развитие на Северном Кавказе. Наличие свободных земель привлекло сюда громадный поток переселенцев из центральных, давно заселенных губерний страны. Портовый город Ейск приобретал в это время, особенно важное значение, отражая в своем развитии все более крепнувшие связи Северного Кавказа с внутренними районами страны и с границей.

Развитие зернового хозяйства приводило к быстрому росту грузооборота Ейского порта. В вывозе ведущее место заняла кубанская пшеница сорта "гарновка". Она лучше других выдерживала дальние перевозки и имела хорошие хлебопекарные качества. Только за период с 1853 по 1870 год вывоз пшеницы на экспорт увеличился через Ейский порт в 20,3 раза. Однако в дальнейшем положение города сильно изменилось. Это связано с началом строительства железных дорог, особенно интенсивно развернувшимся на юге России в последнюю четверть XIX в. До начала строительства Владикавказской железной дороги Ейск играл роль главного порта на Северном Кавказе. По окончании ее строительства в 1875 году из сферы торгового влияния Ейска вышла большая территория от Владикавказа до станицы Кущевской. Из всех этих мест сельскохозяйственное сырье, главным образом зерновой хлеб, пошло по железной дороге на Ростов вместо Ейска. Второй удар экономике Ейска нанесен железной дорогой Тихорецкая - Новороссийск, строительство которой закончилось в 1888 году. Эта дорога еще более сузила торговый район Ейска. Из станиц центральной зоны Кубанской области стало удобнее направлять свой хлеб в Новороссийск.

Первый поезд. Июль 1911 г.

Таким образом, с проведением железных дорог портовый город оказался вне сферы новых транспортно-экономических связей, складывающихся на Северном Кавказе. Последнее усугублялось и тем, что Ейск располагался на северо-западной окраине Кубанской области. Он всегда был отдаленным пунктом для многих районов Северного Кавказа и особенно для Терской области и Ставропольской губернии. Доставка сельскохозяйственных товаров стала производиться только из ближайших мест, находящихся в зоне гужевого транспорта, а также из приморских станиц. Однако и в них в конце XIX и в начале XX вв. стали появляться местные пристани по вывозу хлеба. Так в 90-х годах возник и стал развиваться новый порт Ахтари, позднее возникли пристани Глафиrowsкая, Шабельская. Но, несмотря на все это, в конце XIX в. и в начале XX в. количество грузов, отправляемых через Ейский порт, было все еще значительным. Так за период с 1869 по 1880 годы было вывезено разного хлеба 14728 тыс. пудов, с 1880 по 1890

годы - 50674 тыс. пудов, в 1910 году - 14 110 тыс. пудов. Ейский порт продолжал занимать первое место по грузообороту среди азовских портов Кубанской области, но конкурировать с двумя крупными портами - Ростовским и Новороссийским - он уже не мог. В своем развитии Ейск стал быстро отставать от них. Немалую роль здесь играло и то обстоятельство, что участок моря в районе города был мелководным. С развитием пароходного сообщения суда не могли заходить непосредственно в порт, а погрузка и разгрузка их производилась на рейде, что повышало стоимость ввозимой и вывозимой продукции и снижало интерес к Ейскому порту.

Ейская городская дума, отражая интересы местного купечества, еще в мае 1875 года создала особую комиссию для изыскания способов проведения к Ейску железнодорожной ветки и улучшению условий порта. Но только через 36 лет, в 1911 году, железнодорожная ветка подошла к городу, а в 1905, 1915 годах был модернизирован и сам порт. Ейск начала XX века во многом напоминал большую станицу и все более выступал в роли местного торгово-распределительного центра далекой аграрной окраины России. Относительно благоустроенной была только центральная часть города с улицей Черноморской, где проживала купеческая знать. Остальная часть была либо совсем не заощена, либо заощена непригодным для этого гранитным осколком. Только в 1912 году была построена электростанция. Промышленность в Ейске не получила большого развития и была связана с сельским хозяйством, частично с портом, рыболовством и производством кирпича. Кузницы и небольшие чугунолитейные мастерские, возникшие в начале этого столетия, обеспечивали потребности колесного транспорта, давали поковки и отдельные детали для плугов, веялок и некоторых других сельскохозяйственных орудий.

Таким образом, идея создания коммерческого порта на берегу Азовского моря у Ейской косы себя оправдала. В первые 30 лет своего существования Ейск был первостепенным пунктом торговли в Черномории и Ставропольской губернии. Вырисовывались и главные недостатки порта – мелководность бассейна и необходимость разбирать пристани на зиму. Особенно явно это проявилось во в/п 70-х годов со строительством Владикавказкой железной дороги. Начался отток грузов от Ейского порта. Городская дума не предпринимала никаких решительных действий до начала XXв. Только к 1905г. закончилась реконструкция в порту, а в 1915г. построен большой каботажный порт. Это несколько улучшило ситуацию, но былой товарооборот Ейский порт так себе и не вернул. С начала XX века порт, а вместе с ним и город Ейск все больше приобретал второстепенное значение. В дальнейшем это был небольшой провинциальный город со слабо развитой инфраструктурой, органически с которым был связан второстепенный на Азовском море порт.

Библиографический список и примечания

1. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. СПб., 1910. С.55.
2. Шрейдер Г.И. Город и городское положение 1870г // История России XIXв. СПб., б/г. Т.4. С.12.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993; Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII- XIIIвв. Пг., 1915; Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Краеведение, 1924. № 3. С. 254-258.
4. Гревс И.М. История краеведения // Краеведение. 1926. № 4 С. 31-32.
5. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1922.
6. Бондарь В.В. Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1998. № 1-2. С.4.
7. Филимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917-1929). М., 1991. С. 109-119.
8. Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край. Современное состояние. Краснодар, 1924; Городецкий Б. Наш край: источники изучения Кубани и Черноморья. Краснодар, 1924; Бенкен А. Жизнь как источник знаний. Экскурсионное руководство. Краснодар, 1923 и др.
9. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 151, 350.

10. Миронов Н.Б. Русский город в 1740-е 1860-е годы. Л., 1990.
11. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города (1920-1930 года). М., 1999.
- Броуэр Д.Р. Русский город между традицией и современностью, 1850- 1900. М., 1990. С. 19-23, 157.
12. Пуллат Р.Н. Социальный состав населения города Таллина 1871-1987 годах. Таллин, 1964.
13. Петров П.П. Города северо-востока Азии, 1861-1917гг. Якутск, 1986.
14. Кравцова О.М. Социально-экономическое развитие городов Могилевской губернии во второй половине XIXв. Минск, 1988. С. 189.
15. Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие городов России второй половины XIX- начала XXв. (на примере Курской губернии). Курск, 1999г.
16. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар (1793-1867гг.): историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Дис. канд. ист. наук. Краснодар, 1999; Федулina А.А. Население Москвы 1917-1923гг. (Численность, динамика, социальная структура). Дис. канд. ист. наук. М., 1987; Дмитриев С.К. Городское население Чувашии в XIX-нач. XXв.в. Опыт регионального анализа. Дис. канд. ист. наук. СПб., 1997.
17. Мерхалев Д. Города Кубанского края. Екатеринодар, 1919; Меркурьев В.П. Ейск, Краснодар, 1972; Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIXвека. М., 1981; Александрова В. Курорт Ессентуки. / Александрова В. Александров И. Курорт Ессентуки. Ставрополь, 1973 и др.
18. Виноградов В.Б. Новое прочтение некоторых страниц истории Армавира и его ближайших окрестностей / В.Б.Виноградов С.Н. Ктиторов Новое прочтение некоторых страниц истории Армавира и его ближайших окрестностей. Армавир, 1992; Бондарь В.В. Екатеринодар - войсковой город (1793-1867г.г.) // Вопросы отечественной истории. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1995 и др.
19. ПСЗ. Собр.-2-е. Т.23 (1848). № 22058
20. ПСЗ. Собр.-2-е. Т. 23 (1848). № 22328.
21. ГАКК. Ф. 638. Оп.1. Д.5. Л.11.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2872.
23. ГАКК. Ф. 636. Оп.1. Д.3. Л.2.
24. ГАКК. Ф. 574. Оп.1. Д.215. Л.72об.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.1942. Л.77-80об.
26. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д.2026. Л. 4.
27. ГАКК. Ф. 452. Оп.1. Д.115. Л.26.
28. ГАКК. Ф. 638. Оп. 1. Д.230. Л.34-35.
28. ГАКК. Ф. 636. Оп. 1. Д.5. Л.12.
29. ГАКК. Ф. 452. Оп.1. Д.420.
30. Кубанские областные ведомости. 1898. 5 июля.
31. ГАКК. Ф. 637. Оп. 1. Д. 2. Л.46.
32. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1725. Л.118.
33. ГАКК. Ф. 460. Оп.1. Д.85.
34. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1861. Л.20.
35. Кубанские областные ведомости. 1898. 7 декабря.
36. Кубанские областные ведомости. 1898. 8 июля.
37. Лешенко П.И. История народного хозяйства СССР. М. 1950. Т.2. С. 139-140.
38. ГАКК. Ф. 637. Оп. 1. Д. 12. Л.75.
39. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа. М., 1981. С. 107-109.
40. Кубанская справочная книжка на 1891г. Екатеринодар , 1891.
41. ГАКК. Ф. Р-692. Оп.1 Д.46.

*И.А. Найденова***ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА В.В. НЕНАШЕВ**

В последней четверти позапрошлого века Ейск еще имел очень мало городского, скорее представлял большое приморское село. Из своего захолустного состояния он стал выходить, только когда во главе Ейского городского управления стал Василий Васильевич Ненашев, человек исключительной энергии и настойчивости. Именно с ним связан подлинный экономический расцвет города. Благодаря строительству порта, железной дороги, открытию биржи и отделений крупнейших банков, Ейск превратился в крупный экономический центр юга России.

Василий Васильевич Ненашев родился 11 июля 1862 года. Окончил Борисоглебское уездное училище Тамбовской губернии в 1876 году. По окончании юридического факультета Московского университета¹ 19 февраля 1882 года начал служебную карьеру. Постановлением Съезда Мировых судей Серпуховского Округа Ненашев был назначен помощником секретаря этого съезда. Затем служил секретарем при прокуроре Тифлисского окружного суда, после чего занимал должность секретаря Тифлисской судебной палаты. В 1892 г. был назначен мировым судьей первого участка в Ейске. Он был избран гласным Ейской городской думы, а в 1898 году утвержден в должности городского головы на трехлетний срок. На этом посту Ненашев пробыл и с 1902 по 1910 год. В 1912 году он был назначен почетным Мировым судьей Ейского Судебного Мирового Округа. Позже он стал председателем съезда мировых судей. Наконец, 22 февраля 1914 года снова утвержден в должности ейского городского головы на четырехлетие - 1914-1918 годы². Имел чин коллежского секретаря, затем коллежского советника.³

Образ деятелей органов самоуправления в провинции эпохи поздней империи часто достаточно стереотипен – малообразованные, недалекovidные представители «верхов», использующие свое положение в личных целях, далеких от нужд горожан. Многие исследователи считают, что купеческо-мещанский характер общественных учреждений пореформенной России вообще не способствовал успешному решению муниципальных задач. Однако при изучении источников возникает более сложная картина. Отчетливо прослеживается зависимость состояния городского хозяйства, социокультурного облика города от качеств, которыми обладал глава города.

Анализ деятельности руководителей муниципалитетов показывает, что в случае понимания им сущности институтов городского самоуправления муниципальные задачи решались успешнее, невзирая на узость рамок, в которые были поставлены все провинциальные города действующим законодательством. В начале каждого четырехлетия гласные приносили присягу, давая обещание избирать в должности по общественному управлению тех, кто по личным качествам окажется «способнейшим и достойнейшим» для попечения «о пользе общественной». При выборе гласными думы городского головы учитывались определенные критерии. Возглавить управление города могли только люди благопристойного поведения – законопослушные, непьющие, общественно активные. Немалую роль играли умственные способности, нравственные качества. Учитывались положение дел в семье, увлечения кандидата, характер досуга. Весомым аргументом был успех человека в предпринимательстве, на службе, наличие деловой хватки. При обсуждении ценили такие качества, как полную занятость делами городского управления, инициативность, умение отстаивать идеи самоуправления перед администрацией. Вклад в развитие институтов общественного управления могли внести лишь мыслящие и деятельные руководители управ.

Ненашев несомненно отвечал всем перечисленным требованиям и был крупнейшим организатором, чье имя прочно вошло в историю Ейска. Василия Васильевича отличали широкий

кругозор, деловая хватка, способность «пробивать» свои идеи и неиссякаемая энергия, которую он употребил во благо ставшего для него родным города. Благодаря исключительной энергии и настойчивости, умению доводить до конца все задуманное он создал целый ряд предприятий, имеющих существенное значение для жизни города. Решая те или иные вопросы, он с легкостью входил в двери любого министерского кабинета. Ему удавалось то, что было не под силу многим из его коллег из более крупных и известных городов. Именно это и породило невероятные слухи о его родстве с князем Воронцовым-Дашковым (Наместником Кавказа в тот период времени).

В то время по Городовым положениям голова избирался на 4 года из двух кандидатов, достигших 30-ти лет и владевших собственностью на сумму не менее 15000 рублей. Конечно, Ненашев был человеком обеспеченным. Хотя сведений о его большой недвижимости в Ейске нет. Есть упоминание о принадлежащей ему лавке в Гостином дворе по улице Черноморской (Ленина), где помещался книжный магазин Н. Александрова.

В дореволюционной России городской голова, как глава городского общественного управления, представитель городской думы и городской управы, вёл заседания Думы, контролировал выполнение думских решений. А в её компетенцию входили вопросы: «о назначении выборных должностных лиц, установлении городских сборов, сложении недоимок, о приобретении городской недвижимости, о займах». Думе было «вверено попечение о нуждах и пользе города: забота о чистоте и оздоровлении местности, безопасности и продовольствии, противопожарных мерах, снабжении города водой, обучении малолетних граждан грамотности, призрении бедных, устройстве военного постоя и многое другое».

За время его деятельности в качестве городского головы значительные успехи были достигнуты в социальной сфере. Была построена больница, новое здание для богадельни, открыто 10 начальных школ, Ксенинская женская гимназия (ныне средняя школа № 2), мужская гимназия, казенное реальное училище, высшее начальное училище, ремесленное училище. Они, по словам современников, «по своим помещениям могли бы сделать честь любому губернскому городу». Большая часть учебных заведений Ейска были открыты благодаря активной деятельности городского самоуправления, сумевшего изыскивать местные источники финансирования или брать кредиты. Городские думы учреждали стипендии, которые выплачивались наиболее одаренным ученикам, находившимся в затруднительном финансовом положении.

Ненашев лично посещал уроки в школах, проверял качество знаний учащихся, всемерно поощрял талантливых юных ейчан. Городской голова был почетным попечителем нескольких учебных заведений. По традиции он занимался Александровским четырехклассным городским училищем.⁴ Почетный попечитель Ейской прогимназии В.В. Ненашев был награжден орденом Святого Владимира IV степени.⁵

В эти годы в Ейске складывается «культурный микроклимат», который позволил развиваться талантам многих известных в последствии деятелей культуры, науки и искусства. По ходатайству городского головы в Ейске в 1905 году создается с разрешения начальника области «Общество любителей изящных искусств», ставившее спектакли, проводившее концерты и вечера. В эти же годы создается и общество «Просвещение», объединявшее учительство и интеллигенцию, пожизненным членом которого состоял В.В.Ненашев. Бюджет его составлял 18 тыс. рублей. Обществом организованы курсы по программе первых классов гимназии для малоимущих, В последствии оно стало издавать свой печатный орган «Ейский листок». Было образовано и «Общество дошкольного воспитания детей», организовавшее первую на Юге России летнюю детскую площадку, и «Детский клуб» (прообраз современного детско-юношеского центра). В Ейске стала выходить собственная газета «Ейский телеграф». В 1910 году в городе был создан музей учебных наглядных пособий, для которого было выделено место в здании городской управы. При нем в городе был построен Народный дом с театральным залом на 600 мест и библиотекой. В Народном доме часто выступали гастролирующие труппы, давались любительские спектакли. Декорации к одному из них сделал Казимир Малевич. Имелось 2 клуба: общественный и купеческий. По словам современника этих событий В.Пласкова: «До войны⁶ в летнем помещении ... клуба постоянно играл симфонический оркестр».

Особую заботу проявлял городской голова В.В.Ненашев о здоровье ейчан. Первый ейский историк Тимофей Стефанов в своей работе «Город Ейск в историческом и географическом

отношениях» отмечал неудовлетворительный санитарный уровень города, следствием чего была высокая смертность, в особенности детская, эпидемии дизентерии и холеры. Первая городская больница появилась в Ейске в 1868 году, однако, по количеству мест (до 40 коек) она не могла удовлетворить потребности растущего города. Особое внимание деятельности думы и управы при Ненашеве уделялось благотворительным заведениям и больнице, санитарному состоянию города.

Ненашев ставит перед городской думой вопрос о строительстве нового больничного комплекса. Место для него он присмотрел на окраине города, на территории городского «Загородного сада». Дума полностью поддержала инициативу своего председателя, и вскоре был выстроен больничный городок с тремя больничными зданиями, амбулаторией. Контроль над строительством и оборудованием больницы вел Городовой врач Семен Аркадьевич Гинцберг, приглашенный городским головой Ненашевым. Он же возглавил больницу и организовал ее работу в первые годы.

В центре этих зданий было построено двухэтажное здание для медицинского персонала.⁷ Больница была оборудована центральным отоплением, водопроводом и канализацией. Были построены комплексные каменные здания прачечной, кухни, сараев и кладовых. Первых пациентов больница приняла в 1907 году. Кроме этого уже в 1910 г. планировалось место под постройку особого здания для душевнобольных. Больница обслуживалась двумя врачами, один из которых проживал в административном доме, на территории больницы. В 1910 году персонал больницы состоял из 3 фельдшеров, 1 фельдшерицы-акушерки и 28 человек служащих. Ейская больница была рассчитана на 60 мест, но фактически их могло быть вдвое больше. Полностью комплекс был отстроен к 1915 году. Стоимость строительства составила около 150000 рублей.⁸ Жителям города все лекарства в больнице отпускались бесплатно, бесплатным было и пользование услугами амбулатории. С приезжих брали плату в городскую казну. Лечение в стационаре (за исключением помощи при эпидемиях) было платным, однако жители города платили в два раза меньше, чем приезжие. Средства от медицинского сбора реинвестировались в развитие здравоохранения. Ежегодно на содержание Ейской городской больницы расходовалось около 30 000 рублей.⁹

В начале 20 века Ейск превратился в крупный культурный центр не только в масштабах Кубани, но и всего юга России. «Ейск – хороший город, напоминает губернский город в России» - оценивали его приезжающие сюда впервые.¹⁰

Изменялся и облик города. При Ненашеве началось его планомерное благоустройство: мостились улицы, построена первая электростанция, проводилось электрическое освещение, телефон, водопровод. В проекте был запуск трамвая. При этом городской голова проявлял незаурядные коммерческие и организаторские способности.

В области городского благоустройства местное самоуправление всегда заботили две главные проблемы. Первая из них – мощение городских улиц. Долговременного материала для мощения улиц в Ейске не было, стоил он дорого, и для городского бюджета такие расходы были неподъемными. Для решения этой проблемы Ненашев нашел простое и эффективное решение. Портовые сборы с приходящих в Ейский порт за пшеницей кораблей стали взимать гранитом. Это было весьма выгодно судовладельцам, так как корабли в Ейск под погрузку шли порожняком, и камень выполнял функции балласта. Если корабли не привозили камень, то пшеницу им отпускать было запрещено. Мало того, возчики, возившие грузы в порт, были обязаны на обратном пути загружаться камнем и доставлять его к месту строительства. О выгодах города от этого проекта говорят сохранившиеся до сих пор гранитные мостовые, бывшие в начале прошлого века гордостью Ейска. В период с 1891 по 1898 год были замощены улицы, окружающие Гостиный двор. Это стоило городскому бюджету огромную по тем временам сумму в 244 тысячи рублей. За 1900 по 1910 год в камень оделись практически все улицы современного исторического центра города.¹¹

Второй проблемой было освещение городских улиц. Ейск регулярно начал освещаться с 1875 года. Для этого было поставлено 63 фонаря на деревянных столбах. В период с 1888 по 1897 год их количество увеличилось до 600. Ежегодно городская казна тратила на освещение более 6 тысяч рублей. Ненашевым было принято решение производить установку фонарей «хозяйственным способом». Весь город был разбит на участки, приблизительно равные по

площади и числу фонарей. Жители каждого участка материально участвовали в устройстве уличного освещения. Расходы по освещению брала на себя городская казна. В 1910 год в штате управы было 17 фонарщиков и «контролер за освещением», в должностные обязанности которого входил не только контроль за своевременным освещением, но и выдача фонарщикам всех необходимых материалов. С 1902 года простые фонари заменялись керосиново-копильными. С открытием городской электростанции планировалось освещение улиц дугowymi фонарями, которые и появились в центре города. Становился более реальным задуманный в 1909 г. водопровод с электрической подкачкой воды.

Возрастающий объем хлебной торговли требовал оперативной связи между конторами хлеботорговцев, находившимися в центре города, и складами в порту. Неоднократные ходатайства перед почтовым управлением об устройстве телефонных линий результата не дали. В 1905 году городская управа получила от Министерства почт и телеграфа концессию сроком на 18 лет на устройство в городе телефона. Под руководством специально приглашенного в город инженера Щелкунова, к осени 1906 года телефонная станция на 63 номера была смонтирована на верхнем этаже здания управы. Телефоны установили в городском полицейском управлении, больнице, тюрьме, пожарном депо, в гостиницах, конторах, магазинах. Квартирными абонентами были наиболее богатые жители. Абонентская плата составляла 75 рублей в год. К 1910 года в связи со строительством железной дороги телефонная сеть расширилась до 200 номеров. В 1910 году её обслуживали один заведующий с окладом - 700 рублей в год, один рабочий с зарплатой 360 рублей в год и пять телефонисток, получавших по 360 рублей в год. Длина телефонной сети равнялась 20 верстам, а длина проводов - 117 верстам.¹² Протяженность линий составила 117 верст. Городская казна не только покрыла все затраты на телефонизацию, но и стала получать доход в размере 3,5 тысяч рублей в год. Стоимость имущества городского телефона в 1911г. составила 30 000 рублей.¹³ В марте 1913г. открыты телефонные связи по линии Ростов-на-Дону – Таганрог – Азов – Ейск – Екатеринодар - Новороссийск. В этот период времени город приобретает свой специфический градостроительный облик, сохранивший до настоящего времени и придающий ему неповторимый колорит. Архитекторы Ейска в конце XIX – начале XX века продолжают традиции, заложенные первыми градостроителями в местной архитектуре. В Ейске впервые на Кубани было применено строительство по типовым или как тогда называли - «образцовым проектам», которое пришло в Россию в начале XVIII века, с началом строительства Петербурга.

Особое значение имело типовое проектирование для формирования архитектурного облика массовой жилой застройки. Архитектурно-планировочная система Ейска строилась на принципе соподчинения массовой «фоновой» застройки с уникальными опорными зданиями. Индивидуальные проекты давались лишь для таких значительных сооружений, как соборы, гостиные дворы, крупнейшие административные здания и жилые здания дворцового типа. Для массовой жилой застройки создавались типовые проекты. Увеличение числа типовых проектов к концу века можно объяснить стремлением возможно больше удовлетворить запросы частных застройщиков.

Формирование современной городской застройки Ейска развивалось во второй половине XIX – начале XX века, в городе сохранилось немало замечательных образцов русской эклектики, которые отражают вкусы и настроения не одного поколения людей, это целая эпоха в нашей истории. Сохранилась в городе и застройка так называемого «кирпичного стиля», который возник в 1870-х годах на волне поиска национального стиля и взгляда на строительный материал как на стилиобразующий фактор. Особое внимание уделялось неоштукатуренным зданиям с облицовкой из кирпича. Кирпичный стиль стал символом практических устремлений века, материалом и стилем массового, дешевого строительства. На первый план выступает ковровый рисунок фасада, воспринимаемый как единое орнаментальное панно. Дома строили в основном одноэтажные, полуторозэтажные и двухэтажные. Большинство из них - деревянные, обложенные кирпичом. Были и просто деревянные; деревянные, обмазанные; саманные; каменные; кирпичные (из сырцового кирпича). Кровля большинства городских домов была черепичная, производства местных заводов Марасина, Кичина, Сафонова, Ольховского и других. Дома богатых горожан и общественные здания были покрыты железом.

В 1890-х годах в европейской архитектуре начинается формироваться особое течение,

получившее наименование, «стиля модерн», влияние этого стиля было велико вплоть до 1910-20-х годов прошлого века. Развитию модерна способствовало появление железобетона, что позволяло придавать конструкциям любую форму. Глубокий индивидуализм композиций - наиболее характерная черта этого стиля. Многие здания города Ейска содержат элементы стиля модерн в оформлении фасадов.

Ненашев как городской голова хорошо понимал, что развитие городской экономики было единственным путем подъема благосостояния города и его населения. Оно давало стабильный рост городского бюджета и обеспечивало работой население. Главной проблемой на пути к стабильному развитию города было состояние порта.

Портовые проблемы всегда были в центре внимания городского самоуправления. Мелководность акватории вызывала большие проблемы с разгрузкой приходящих в порт кораблей. Все попытки строительства пристаней к положительному результату не привели. Единственным выходом был строительство нового каботажного порта со стороны Таганрогского залива, с углублением фарватера и созданием системы защитных портовых сооружений. Изыскательские работы были проведены в 1892 году. Сметная стоимость работ составила около одного миллиона рублей золотом. Таких средств у города не было. Неоднократные просьбы выделить средства из государственного бюджета правительство не удовлетворяло. И это при том, что через Ейский порт вывозились все хлебные грузы из северо-западной части Кубанской области. Только в 1894 году через порт было отгружено 12,8 млн. пудов пшеницы. В Ейске работали агентства «Азово-Черноморского пароходства», «Русского общества пароходства и торговли», «Северного общества», было даже отделение знаменитой французской фирмы «Луи Дрейфус». 2/3 всего вывоза отправлялись в Англию, остальная часть шла в Италию, Грецию, Францию, Испанию и Данию. Его средний грузооборот 1888-1892гг. составлял 1470158 пудов в год.

Объем перевозок, со строительством нового порта мог бы значительно увеличиться. Необходимо было строительство со стороны Таганрогского залива, с углублением фарватера и созданием системы защитных портовых сооружений. Изыскательские работы проведены в 1893-1894 гг. под руководством начальника изысканий азово-черноморских портов инженера В. Руммеля. Смета составила около одного миллиона рублей золотом. Таких средств у города не было. Ситуация в корне изменилась с приходом Ненашева. Уже в 1902 году ему удалось добиться у правительства разрешения на 5% заем в 900 тысяч рублей золотом под гарантию портовых сборов. Будущее порта и во многом самого Ейска зависело от модернизации порта и сооружения железнодорожного пути к нему. Для реализации этих планов потребовалось время. 18 февраля 1903 года Ненашев от имени городской управы подписал контракт на строительство порта. 20 марта 1903 г. председатель Совета по делам торгового мореплавания великий князь Александр Михайлович утвердил контракт на постройку порта с инженером А. А. Бунге. Руководил строительством, приглашенный городским головой, талантливый инженер Сергей Егорович Палашковский. В.В.Ненашеву удалось это только потому, что в столице он нашел единомышленника. Им стал известный экономист и государственный деятель С.И.Тимашев. С 1909 г. Сергей Иванович возглавил Министерство торговли и промышленности. Тимашев проявил себя как талантливый руководитель и организатор. Он имел свою точку зрения на приоритетные направления экономического развития и способы укрепления государственного бюджета. Тимашев видел острую необходимость развития экспортной торговли и, прежде всего хлебного экспорта. Первоочередной задачей, которую необходимо решить в этой связи – всемерно развивать и реконструировать существующие и строить новые морские порты. Именно поэтому обращение к нему Ненашева имело успех. В лице Ейского Городского головы министр увидел единомышленника. Он поверил в «инициативу снизу», нашел в предложениях провинциала живое подтверждение своим идеям. С.И.Тимашев, он включил Ейский морской порт в свою программу портового строительства и способствовал в выделении государственного финансирования в размере 3,4 млн. рублей.¹⁴ Благодаря протекции и рекомендациям Тимашева для строительства ейского порта были привлечены столь известные в тогдашней России специалисты и предприниматели.

Умел Ненашев подбирать талантливые руководящие кадры для воплощения проектов в жизнь. Следует отметить, что именно в это время появился новый тип чиновника,

руководителя, державшего в своих руках главные рычаги экономики. Интерес чиновничества к предпринимательской деятельности стал проявляться с самого начала акционерного учредительства, но особенно усилился после вступления России на путь капиталистического развития. В первые пореформенные десятилетия XX века наблюдался своеобразный «взрыв» участия представителей аппарата в учреждении и деятельности капиталистических компаний, особенно железнодорожных, что неизбежно приводило к использованию чиновниками своего служебного положения в неслужебных целях. Благодаря коммерческому и инженерному таланту, личным связям Андрея Андреевича Бунге (он был племянником министра финансов) и не меньшим возможностям С.Е. Палашковского (он с Бунге были многолетними компаньонами) строительство стало весьма успешным проектом В.В. Ненашева. Санкт-Петербургская строительная фирма «Бунге и Палашковский» на Кавказе проделала много работ, среди которых следует отметить строительство закавказской железной дороги Баку - Батуми, Самтредиа - Батуми, Батумских и Новороссийских портов, подъездной дороги к Сурамской тоннели, укрепление берегов р. Риони.¹⁵ Руководители фирмы имели деловые и дружественные отношения с главами городского самоуправления городов, где находились строящиеся объекты.

Строительные работы были закончены 15 июля 1905 года. Заем в 320 000, накопившихся портовых сборов, дали возможность Ейску построить каботажный порт глубиной 12 футов. Общая стоимость работ составила 1,3 млн. рублей. Портовые сооружения были рассчитаны на грузооборот в 300 тысяч тонн. Уже до конца 1905 года через Ейский порт прошло 202,3 тысячи тонн грузов, т.е. столько же, сколько было и при максимуме перевалки старого порта. Одновременно здесь могли стоять под погрузкой до 10 паровых судов, что позволило увеличить вывоз хлеба, в том числе и за границу. В 1909 г. на экспорт через Ейский порт было отправлено 7604205 пудов хлебных грузов, все расходы на развитие порта производились городской управой. Доходы от эксплуатации порта направлялись городу. В 1912 году С.И.Тимашев во время министерской проверки портов Азовского побережья посетил Ейск. Он с удовлетворением отметил успехи экономического развития города, внес предложения по углублению фарватера Ейского порта.

К 1910 году глубина порта была доведена до 15 футов. Но Городское Управление, не ограничившись этим углублением, совместно с Правлением Общества строящейся Ейской железной дороги, вновь ходатайствовало об углублении Ейского порта до 21 фута. Это было необходимо для того, чтобы заграничные суда производили погрузку зерна не, на Таганрогском рейде, находящемся в 25 верстах от Ейского порта, а непосредственно у набережных порта. Такое обустройство Ейского порта оценивалось в 4.500.000 рублей.

В 1913 году Ненашев добился выделения Министерством торговли и промышленности значительных средств на углубление и обустройство порта. Война и революционные бури помешали осуществлению до конца этого нового проекта городского головы.

Большим недостатком для города было отсутствие удобных подъездных путей. Все грузы перевозились гужевым транспортом. Со строительством Владикавказской железной дороги (1875 г.) и особенно ветки на Новороссийск (1888 г.) значение Ейского порта стало падать. В решении этой проблемы были заинтересованы и бывшие «черноморские» станции северо-запада Кубани. Из-за удаленности от транспортных сетей они ежегодно теряли при продаже хлеба миллионы рублей, поскольку продать хлеб нужно было как можно скорее до наступления распутицы и длительного бездорожья. Дать возможность для экономического развития этих станиц могла только железная дорога, обеспечивавшая их продукции выход к Ейскому порту.

В течение 30 лет городские власти пытались решить этот насущный для города вопрос. Уже в 1893 г. правительство дало принципиальное согласие на сооружение ветви, соединяющей Ейск с Владикавказской дорогой. Начались долгие переговоры города с правлением последней. Были проведены технические и экономические изыскания ветви, которые проводил Ф. А. Щербина.¹⁶ Ейская городская дума дала согласие на удовлетворение фактически всех требований правления дороги; был принят новый устав дороги, предусматривавший сооружение ветви Ейск – Кушевка.¹⁷ ВлКЖД так и не приступила к ее строительству. Найти решение проблемы удалось только Ненашеву.

Городские власти Ейска решили обратиться к инициативе частных лиц и к поддержке населения Ейского отдела. В 1907 г. инженер путей сообщения С. Е. Палашковский предложил

создать акционерное общество для сооружения Ейской железной дороги по новому направлению – от Ейска до ст. Сосыка ВлкЖД. Ненашев считал, что контрольный пакет акций должен принадлежать городу Ейску. На протяжении с 1908 по 1912 г. в Кубанской области и в Черноморской губернии было создано четыре железнодорожных акционерных общества. Акционерное общество Ейской железной дороги стало первым в России опытом такого помещения городских денег. После долгих ходатайств и обсуждения вопроса в правительственных комиссиях в июле 1908 г. был утвержден Устав Ейской железной дороги.¹⁸ Успешному продвижению проект был в немалой степени обязан лично Ненашеву. В качестве акционеров выступили и казацкие общества 5 станиц, через которые планировали провести железную дорогу. В 1908 году было получено разрешение Государственного Совета на образование акционерного общества для строительства железной дороги Ейск-Сосыка с уставным капиталом 120 тысяч рублей. 9/10 акций принадлежало городскому муниципалитету и станичным обществам. Облигаций, подлежащих свободному распространению, было выпущено на 7 млн. 570 тыс. рублей. По условиям договора с правительством, акционерное общество должно было самостоятельно эксплуатировать дорогу до 1992 года, выдавая дивиденды акционерам и держателям облигаций. После этого срока дорога становилась собственностью государства с правом выкупа ее через 25 лет. Таким образом, получал развитие порт, а город приобретал железнодорожное сообщение с Россией, доходы от железной дороги и торговли через порт. И все это фактически было обеспечено обязательствами государства. Практика показала, что в финансовом отношении этот проект был весьма выгоден. Только в 1913 году по акциям дороги было получено 10% дивиденда.

Одновременно Ненашев пытался соединить предполагаемую дорогу с центром Кубани. 28-29 июня 1909 года на съезде представителей кубанских станиц и городов в Брюховецкой, который по приказу Начальника Кубанской области генерала М.П. Бабыча должен был решить вопрос о создании новой Кубано-Черноморской железной дороги, он активно продвигал идею о прокладке линии Екатеринодар – Брюховецкая – Старошербиновская – Ейск. В случае утверждения этого проекта, весь кубанский хлеб пошел бы в Ейский порт. Однако, здесь интересы города столкнулись с интересами крупнейших екатеринодарских предпринимателей и станиц Прикубанья. Для них путь на Новороссийск был ближе, да и главным перевалочным пунктом стал бы не Ейск, а Екатеринодар. Ненашев не смог противостоять столь мощному натиску. Делегаты съезда проголосовали за направления Крымская-Степная («Черноморская» линия), Тимашевская-Екатеринодар («Кубанская» линия). Неудача не смутила Ненашева. Строительство ейской дороги развернулось полным ходом. Большую роль в успешной реализации проекта сыграл подбор руководящих кадров. Здесь проявился весь организаторский и предпринимательский талант городского головы. Для руководства строительством был приглашен уже упоминавшийся нами Сергей Егорович Палашковский, один из крупнейших российских предпринимателей. По-видимому, не без помощи Палашковского подрядчиком был выбран инженер путей сообщения М.В.Брайкевич.

После смерти С.Е. Палашковского его сменил сын Сергей Сергеевич. Он был совладельцем и распорядителем торгового дома в Петербурге в форме товарищества на вере «С. Палашковский. Посредническая контора», директором Черноморского строительного общества, Ферганского общества для добывания редких металлов, Русского паровозостроительного и механического общества.

На личности подрядчика при строительстве дороги хотелось бы остановиться более подробно. Михаил Васильевич Брайкевич родился в Одессе. Один из лучших выпускников Института инженеров путей сообщения он спроектировал и построил порт в Либаве, дредноут на Николаевской судостроительной верфи. Брайкевич был членом (в последствии - председателем Императорского технического общества), директором Общества Семиреченской железной дороги, «Всеобщей строительной компании». В начале XX века он был очень популярен в России. И особенно в Одессе, городе, где позднее несколько лет будет городским головой, в том числе и в период Гражданской войны. В 1917 году он был товарищем министра промышленности и торговли Временного правительства, участником знаменитой Яской встречи, когда представители политических партий России и глав местного самоуправления российских регионов, не занятых большевиками, вели переговоры с союзниками о будущем России. Прославился Брайкевич как

один из крупнейших меценатов, которому принадлежала одна из лучших коллекций живописи и графики «Серебряного века». Он был вице-председателем Одесского общества изящных искусств, учредил именную стипендию в 5 тысяч рублей для студентов Одесского художественного училища, покровительствовал Одесскому художественному музею, где и сейчас экспонируется его портрет работы П.Г.Волокидина. Брайкевич был другом Сомова, Бенуа, Врубеля, Рахманинова. Дом Брайкевича в Одессе на улице Черноморской, построенный по собственному проекту, и сейчас является украшением этого города. В 1920 году Брайкевич с семьей эмигрирует в Англию.

Благодаря такому руководителю строительство дороги велось рекордно быстрыми темпами. Укладка 133 верст пути была закончена уже в марте 1910 года. Строительство не обошлось и без потерь. Ракушечник на насыпи дороги брали в карьерах, устроенных на Ейской косе. Это привело к тому, что во время небывалого урагана, коса была размыва и приняла современные очертания. Так город пережил первую техногенную экологическую катастрофу. 11 июля 1911 года состоялось торжественное открытие дороги. Это был большой городской праздник, на который съехались многие важные персоны. Ленточку, протянутую через полотно дороги, перерезала госпожа Ненашева. Затем был молебен, торжественный обед и катание на пароходе.

Ейская дорога вошла в список российских железных дорог. С 24 октября того же года она была включена в единое расписание пассажирского движения Российской империи. Ежедневно, помимо товарных поездов, на станцию Ейск прибывали из Сосыки почтовый и товарно-пассажирский поезда. Только на второй год своей работы дорога перевезла 130,5 тысяч пассажиров, более 8 млн. пудов грузов и дала 133393 рубля чистой прибыли, большая часть которой пополнила городской бюджет.

Ненашев контролировал мельчайшие детали строительства: например, строительство железнодорожной больницы, приглашение врача. Все годы строительства дороги врачом стройки, так же приглашенным им, был Давид Иосифович Зимонт, выпускник медицинского факультета Лозаннского университета, впоследствии известнейший советский хирург-отоларинголог. Уделено было внимание даже разбитию парка перед вокзалом.

В 1913 году Ненашеву, стремившемуся связать Ейскую дорогу с общероссийской сетью, пришлось вступить в ожесточенную борьбу с «Обществом Владикавказской железной дороги», не хотевшим терпеть конкурентов. Ейский городской голова с честью выиграл в долгой и упорной борьбе.

С именем Ненашева связано и начало превращения Ейска в курортный город. Проблема хорошей питьевой воды всегда была в центре внимания местного самоуправления. В 1892-1893 годах на средства городской казны на территории города было начато бурение артезианских скважин для поиска пригодной для питья воды. Работы закончились неудачей, ввиду того, что вырвавшийся из скважины фонтан природного газа привел к пожару, который сумели потушить с большим трудом. Работы по поиску воды были возобновлены Ненашевым в 1910 году. Поиски воды увенчались успехом только через 2 года. 17 августа 1912 года из очередной пробуренной скважины хлынул фонтан воды. Но она оказалась непригодной для питья. По указанию Ненашева были проведены исследования этой воды, давшие поразительные результаты. По своему химическому составу ейская сероводородная вода не уступала знаменитым горячключевским и пятигорским источникам, а по набору минеральных солей – превосходила их. После детального обследования Ейского серного источника, инженер горного департамента Л.Конюшевский составил подробное заключение и сделал вывод о ее «благонадежности в смысле эксплуатации».¹⁹ Эти исследования натолкнули городского голову на мысль об открытии в Ейске курорта с использованием не только открытой воды, но и целебных грязей Ханского озера. 30 апреля 1914 года он добился правительственного разрешения на использование ейского источника в лечебных целях. Через думу прошел одобренный ею доклад, составленный доктором Пласковым, а так же и план лечебницы, составленный инженером Газенко. Городской голова В.В. Ненашев принял участие в заседаниях съезда об улучшении отечественных курортов в Петрограде. Вопрос о курорте и водолечебнице (с серным источником) в это время имел теперь особенное значение, так как военные действия давали больший процент нуждающихся в лечении как нашим, так и другими аналогичными источниками.²⁰

Городское самоуправление планировало создать лечебный курорт и наметило план отчуждения территорий для парка, гостиниц, здания серных ванн, грязелечебницы, электро-водолечебницы и санатория. Стоимость реализации этого проекта составляла примерно полтора миллиона рублей. К 1917 году курорт уже полностью функционировал. Для отдыхающих в 1915 году была открыта специальная «пляжная» железнодорожная ветка, соединяющая вокзал с Ейской косой. По этой ветке ходили открытые вагоны. За курортный сезон ее услугами воспользовалось почти 60 тысяч человек, а в 1916 году – уже более 123 тысяч.

Экономическое развитие Ейска в начале XX века способствует его превращению и в крупный финансовый центр Юга России. Развитие торговли требовало крупных денежных кредитов. Еще в октябре 1880 года городская дума ходатайствовала через начальника области об открытии в Ейске отделения Государственного банка. Министерство финансов просьбу не удовлетворило «ввиду недостатка лиц, хорошо знакомых с банковским делом». Необходимые наличные деньги для осуществления сделок перевозились доверенными лицами ейских купцов из Таганрога, Бердянска, Ростова-на-Дону. Повторное ходатайство было возбуждено думой в 1889 году. Необходимость открытия отделения Госбанка была мотивирована быстрым ростом денежного оборота города. В просьбе городского самоуправления вновь было отказано.

Отсутствие отделения госбанка (как самого надежного) привело городскую думу к решению об учреждении городского общественного банка. Это было разрешено законом. Уставной капитал банка образовывался из отчислений городского бюджета и вкладов частных лиц. Наибольшего расцвета банк достигает в начале XX века, когда его возглавил крупный хлеботорговец купец Лопата. В 1916 году он строит собственное здание, ныне занимаемое администрацией города.

В 1887 году в Ейске открывается отделение Азово-Донского коммерческого банка, который разместился в специально построенном здании по ул. Керченской (ныне Советов, 87). Азово-Донской банк активно привлекал к сотрудничеству местных предпринимателей, которые становились проводниками его влияния.

Ненашеву удалось добиться открытия в Ейске отделения Госбанка. В конце 1898 года в городе открывается филиал его Екатеринодарского отделения. Управляющим был назначен Красовский. К 1911 году в Ейске действует отделение Русско-Азиатского банка. Оно занимало здание на пересечении ул. Черноморской (Ленина) и Таганрогской (Свердлова) (здание не сохранилось). По имеющимся сведениям в Ейске работало и отделение Русского банка для внешней торговли. В 1911 году в Ейске открывается товарная биржа.

Два городских займа, проведенных Ненашевым позволили обеспечить денежными средствами строительство порта и железной дороги, значительно укрепили финансовое положение города. Показательна динамика городского бюджета тех лет. Согласно «Ведомости о доходах и расходах города Ейска за 1910 год» доходы городской казны составили 382441 рубль (за 20 лет они увеличились в 7,4 раза). Только на здравоохранение истрачено 47 тысяч рублей -12,3% бюджета по сравнению с 2,9% в 1879 году. Чуть больше (49,5 тысяч рублей) было израсходовано на содержание полиции. Более 9 тысяч рублей выделено на санитарную очистку города. В декабре 1915 году расходы на содержание городского общественного самоуправления составляли 3833 рубля 54 копейки. В штате состояло 67 человек. В это число включались работники городской электростанции (5 человек), телефонной станции (11 человек), городской скотобойни, базара, пристани, архитектуры, фонарщики, техслужащие. Помимо указанных учреждений и организаций за счет городского бюджета содержался городской сад (ныне Никольский парк). Им руководил городской садовник Павел Вальковский. Собственно аппарат управы состоял из 19 человек: городского головы (с окладом 416,74 рубля в месяц), 3 членов управы (оклад от 125 до 200 рублей), городского секретаря (125 рублей), бухгалтера (125 рублей), 2 столоначальников (начальников отделов, с окладом от 85 до 96 рублей) и 1111 писцов (оклад от 40 до 85 рублей).²¹

Как следствие экономического и культурного развития города стремительно росло городское население. За годы пребывания в должности городского головы В.В.Ненашева население Ейска выросло 35445 человек в 1897 году до 50022 человек в 1912 году. Из них: Дворян – 594; Духовенства – 167; Купцов всех гильдий – 763; Мещан – 35449; Казаков – 3064; Крестьян - 9291. «Коренными» ейчанами считалось 32714 человек. Остальные относились

к «иногородним». К 1913 году в городе было 12070 зданий, из них каменных – 5230.оборот торговых заведений в 1915 году составил 7,4 млн. рублей. В город поступило 36 тысяч пудов различных грузов, а вывезено на экспорт 1,48 млн. пудов зерна.

По своим политическим взглядам Василий Васильевич был монархистом, любил порядок, был чужд либеральных идей. Показательна в этом плане заметка «Как в Ейской думе чествовали Л.Н.Толстого», опубликованная в ростовской газете «Приазовский край» 21 ноября 1910 года. Она столь полно характеризует политические взгляды Ненашева, да и большинства городской думы того периода времени, что мы приведем ее полностью.

«В Ейске при открытии очередного заседания гласный думы В.К.Бондарев попросил слово для очередного заявления: Господа, - начал было г-н Бондарев, 7 ноября скончался великий мыслитель...Я не позволю делать подобное заявление, - перебил оратора городской голова, - к делу оно не относится. На что другой гласный господин Пересада заявил, что почтить память Л.Н.Толстого желает вся Ейская управа. Если так, - возразил г-н Ненашев, - то позволительно мне сказать несколько слов. Пусть Толстой великий художник и писатель, но последние произведения его проникнуты таким растлевающим духом и так губительно отзываются на русском обществе, что мы, как учреждение общественное, не можем и не должны возбуждать здесь вопросы о почитании его памяти. Граф Толстой с презрением относился к нашему обществу. Толстой не признает ни властей, ни церкви и, самое главное, умер без святого покаяния. Предложение г-на Бондарева о чествовании Л.Н.Толстого было поставлено на баллотировку и большинством в 14 голосов против 7 отвергнуто».

Даже имея столь «немодные» в то время консервативные взгляды, Ненашев по праву завоевал неслыханную до этого популярность у всех жителей города. Как следствие - его избрание городским головой на 4 срока подряд. И это, не смотря на то, что период его пребывания городским головой приходится на период первых крупных социальных потрясений начала века, не обошедших стороной и Ейск. Был пройден большой путь. Много сделано. Василий Васильевич на 53-м году жизни уже не чувствовал в себе сил занимать столь ответственный пост. Все чаще беспокоило сердце... Ненашев решил подать прошение о снятии с себя полномочий городского головы. 26 октября 1915 года оно было удовлетворено. Начальник Кубанской области принес Ненашеву сердечную благодарность «за неустанную и полезную деятельность по благоустройству г. Ейска».

После продолжительной болезни 23 марта 1916 года Василий Васильевич Ненашев скончался. Это был шок не только для всех жителей города, но и для многих из близлежащих станиц и даже городов. 29 марта в ограде Михайло-Архангельского собора в присутствии громадной толпы, представителей власти и разных ведомств был предан земле прах известного деятеля, бывшего Ейского городского головы Василия Васильевича Ненашева. Могила его, как и сам собор, и соборное кладбище, до наших дней не сохранились.

В непростых условиях дореволюционной России был востребован особый тип городского деятеля – самостоятельного во взглядах и действиях, обладающего стратегическим мышлением. Личностный фактор существенно влиял на развитие города как хозяйствующего субъекта, социальной единицы и культурного организма. Именно таким неординарным и нужным человеком для Ейска был Василий Васильевич Ненашев.

Библиографический список и примечания

1. Русский торгово-промышленный мир. С.-Петербург. 1910.
2. Биографические сведения были опубликованы в некрологе на смерть Ненашева в 1916 году в газете «Ейский Листок» членом ейского общества «Просвещение» М. Н. Гольбергом.
3. Коллежский секретарь — гражданский чин X класса. Коллежский советник — гражданский чин VI класса.
4. Вся Донская область и Северный Кавказ. Книга администрации, торговли и промышленности на 1911г. Издатель А.И.Тер-Абрамиан. Ростов-на-Дону. 1911.
5. Приазовская Речь. 4 января 1915 г.
6. 1914 г.

7. Фонды Ейского историко-краеведческого музея. ЕМ 8643/2
8. ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 13, л.42
9. ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 13, л. 37.
10. Фонды Ейского историко-краеведческого музея. ЕМ 8643/2
11. ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 13, л.41
12. ГАКК, ф.1547, оп.1., д.13,л.36
13. Научный архив Ейского историко-краеведческого музея № 2061/4
14. Иванов А.Ф.Почетный гражданин Ейска. Год 1912. Справочник «Товары и услуги Ейска» 2008№ 11 (40)
15. Намичеишвили Р.Л. Развитие предпринимательства в Кутаисской губернии. Тбилиси. 2009.
16. Щербина Ф. А. Ейский порт и подъездные к нему пути. СПб., 1894.
17. Ермилов Н. Е. Состоящая при Министерстве финансов Комиссия о новых железных дорогах и ее деятельность. Ч. I. 1896–1902 //Труды Высочайше учрежденной Особой Высшей Комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. В. XLIX. СПб., 1910. С. 157–158.
18. ПСЗ 3. Т. XXVIII. СПб., 1908. Ст. 30838.
19. ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 13, л. 29
20. Приазовская речь. 1 января 1915 г.
21. Фонды Ейского историко-краеведческого музея. ЕМ 10293.

Н.Б.Родионова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДА ЕЙСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.

Во второй половине XIX в. все явственнее было превращение городов из преимущественно аграрных в промышленно-торговые центры. Это сопровождалось изменением их застройки, которая утрачивала свою одноэтажность. Путанность улиц и переулков, приобретала регулярность, становилась более плотной. Отрыв городского населения от земледелия и приобщение его к промышленным и торговым занятиям способствовали формированию особого городского быта. Для последнего было характерно уменьшение зависимости от природных явления, снижение традиционности, замкнутости. Следствием этих процессов стало формирование особого городского типа личности, отличавшегося большей мобильностью, инициативностью, предприимчивостью, кругозором, грамотностью.

Неотъемлемой частью общественной жизни любого города является периодическая печать. На газетных страницах люди выражали свое мнение о происходящем, давали ему оценку, составляли прогнозы на будущее. Нередко на газетных полосах разгорались споры, как на городские, так и на общероссийские темы. Для Ейска значение периодической печати поднималось еще и тем обстоятельством, что город располагался на окраине Кубанской области. При плохом состоянии дорог и дороговизне сообщения это выливалось в слабое снабжение ейчан областными газетами. Малотиражные Ейские газеты в своем содержании обладали существенными недостатками. Они зачастую превращались в сборник местных сплетней и клеуз, печатались в них материалы, порочащие недругов редактора газеты. К тому же они существовали небольшой отрезок времени.

Газета "Ейский вестник" издавалась с марта по июнь 1907г. (редактор и издатель - Л.И. Мельников). 7 февраля 1907г. отставной канцелярский служащий Л.И. Мельников, проживавший в г.Ейске, просил начальника Кубанской области Я.Г.Кухаренко разрешить ему издавать в своем городе газету "Ейский вестник". По мнению заявителя, она могла выходить от 1 до 6 раз в неделю в зависимости от количества собранного материала. Направление предполагалось у газеты общественно-политическое и литературное. Подписная цена определялась в 5 руб. в год. Печатать газету намеревалась типография Ф.П. Кириллова в г.Ейске. После детального рассмотрения вопроса Я.Г.Кухаренко разрешил издавать Л.И.Мельникову газету "Ейский вестник" на его условиях. Следить за деятельностью редактора и содержанием его газеты поручалось полицмейстеру г.Ейска. Параллельно с этим был сделан запрос о благонадежности учредителя газеты. Выяснилось что в 1886г. Л.И.Мельников в течение 4 месяцев отбывал наказание в тюрьме за принадлежность к обществу "Немирова лига" и был признан неблагонадежным. 1 июня 1907г. газета была закрыта. С 1 ноября 1909г. по 27 июля 1910г. ейчане имели возможность читать газету "Ейский телеграф". В ней помещались все последние новости городской жизни. С 23 апреля по 6 августа 1911г. в Ейске издавалась газета "Приазовье". Это было ежедневное издание с очень широким спектром издаваемых материалов. Читатель мог прочесть здесь заметки на политические, торгово-промышленные, культурные темы, ознакомиться с литературными произведениями местных и российских авторов.

С 25 декабря 1913г. по 14 февраля 1914г. выходила газета "Приазовская жизнь". Во многом она продолжала традиции "Приазовья". По сравнению с предыдущим изданием эта газета большое внимание уделяла общегородским проблемам, в частности, состоянию дорог и санитарному состоянию дворов ейчан, харчевен, лавок. С 9 марта по 15 мая 1914г. издавалась газета "Ейские новости". Здесь печатались материалы на общественные и экономические темы. С 5 июня 1914г. по 7 июля 1915г. выходила газета "Приазовская речь". Это была ежедневная политическая, общественно-экономическая и литературная газета. Ее материалы по своей содержательной направленности были схожи с газетой "Приазовская жизнь".

К числу газет с сомнительным содержанием статей можно отнести "Кубанскую речь", она издавалась с 1911 по 1913г. Примечателен тот факт, что когда газета перестала выходить из-за финансовых проблем учредителя, ейчане даже обрадовались этому обстоятельству. Суть дела

заклучалась в том, что местный коммерсант Тохов разбогател, получив наследство. Затем он поссорился с мещанами, объединившимися вокруг “Ейского телеграфа” и решил свести с ними счеты. Для этого он решил организовать свой печатный орган. Начала выходить газета с 1911 года. Заведовал редакцией у Тохова молодой мужчина, который желал обзавестись первоначальным капиталом. Для реализации своих целей и боясь потерять работу, редактор во всем творил волю хозяина, ругал тех, кого ненавидел Тохов. Дело дошло даже до оскорблений городского головы В.В.Ненашева [1].

Значительную роль в общественной жизни Кубани играли различные учебные заведения. Они были очагами культуры, подчас единственными, в них сосредоточивалась общественная жизнь, шло становление духовного мира молодых людей. С 1843 по 1860 год на Кубани отмечалась стабилизация в системе просвещения. Медленно, но шло открытие новых школ. Значительную роль в этом сыграл и.о. наказного атамана Г.А.Рашпиль. В 1853г. в Ейске открылось 2-х классное приходское училище для начального обучения юношей. В нем значилось учителей – 2 чел., учащихся – 105 [2]. В 1864г. царское правительство утвердило положение о начальных народных училищах. К 1905г. в Кубанской области насчитывалось 504 школы, в 1913г. функционировало 4 мужских, 7 женских гимназий, 3 реальных училища, 1 коммерческое училище, 4 мужских прогимназии [3]. Для ликвидации безграмотности среди взрослых стали открываться воскресные школы.

В 1851г. в Екатеринодаре была открыта войсковая 7 классная гимназия. 22 июля 1860г. император Александр II утвердил положение Военного совета о переводе войсковой гимназии Черноморского казачьего войска из Екатеринодара в Ейск и о найме там дома для нее [4]. Причиной перевода послужило отсутствие удобного места в Екатеринодаре. В Ейск перешел также находящийся при гимназии благородный пансион. Разместилась гимназия в Ейске в нанятых для этого домах купцов Василия и Вавила Федюниных. Гимназия имела в своем составе: наставников - 22человека, воспитанников: казенно-коштных - 63 чел., своекоштных -22 чел. вольнопришедших - 162 чел., из них 48 учеников перешло из Ейского уездного училища после перевода его в Екатеринодар. После перевода в Ейск площадь учебного заведения позволила принять еще 25 полуказеннокоштных войсковых воспитанников. На место войсковой гимназии в Екатеринодар переведено Ейское уездное училище, состоящее из 3-х низших классов гимназии. Учителями в нем значились Назаренко (преподавал немецкий язык), Лисевцкий (читал латинский язык и естественную историю), Кордые (обучал французскому языку). Программа данного училища была составлена так, чтобы по окончании 3-х классов молодые люди могли переводиться в 4 класс войсковой гимназии. До перевода в Екатеринодар в Ейском уездном училище преподавались все предметы, которые полагались по штату, утвержденному в 1853г. К ним относились: по закону Божьему – история Ветхого и Нового заветов, весь пространный Катехизис; по русскому языку – вся грамматика; по арифметике – 1 и 2 часть арифметики; по алгебре – до уравнений 1-й степени с одним неизвестным; по геометрии – лонгиметрия, планиметрия, стереометрия; по географии - вся всеобщая и русская география; по истории – вся всеобщая и русская история; понятие о счетоводстве; чистописание [5]. После перевода училища в Екатеринодар к уже упомянутым предметам добавились французский язык и естественная история. До 1863г. их читал Шинкаренко, затем отказался, т.к. не был специалистом в этих областях. После чего эти предметы упразднили.

Разница в программах между Ейским училищем и Екатеринодарской гимназией была огромна. После 1863г. в уездном училище перестали преподавать французский, немецкий и латинский языки, естественную историю. Теперь после окончания училища невозможно было перейти не только в 4-й, но и во 2-й класс гимназии. В 1861 г. директор училищ земли войска Черноморского находился в г. Ейске, где осмотрел находящиеся там учебные заведения. После посещения училищ проверяющие сделали вывод об их удовлетворительном состоянии. За благотворительные пожертвования в пользу организации образования в г.Ейске были предоставлены к наградам купцы И. Семенов и Ф. Корвин [6].

Развитию системы образования в г.Ейске способствовали не только светские, но и духовные лица. Так в марте 1863г. настоятель Михайло-Архангельского собора протоирей Николай Белюстин заявил о готовности духовенства заняться обучением детей закону Божьему, грамоте,

чистописанию и основам других предметов. Гражданское общество признало это полезным и приговором постановило на содержание народного приходского училища выделять из остатков средств, собираемых за аренду войсковой земли сумму, в размере 700 руб. в год. Контроль за расходом средств возлагался на городского голову. Распоряжаться деньгами назначался смотритель из среды городского общества. Для того чтобы сумма обратно возвращалась в поземельный сбор с каждого ученика взималась ежемесячную плату в размере 2 руб. [7].

Сеть учебных заведений в г.Ейске хотя и медленно, но расширялась. Так в 1871г. функционировали следующие учебные заведения: мужское учебное заведение, содержащееся частными лицами; училище евангельско - лютеранского исповедания. В нем значилось учителей – 1, классов – 1, учеников – 16 (все были латышами); 3 училища православного исповедания для преподавания первоначальной грамотности. В нем значилось учителей – 3, классов – 1, учеников - 46; 1 женское училище, которое содержалось Ейским городским обществом. В нем числилось учителей – 5, классов – 2, учеников – 107. Кубанская войсковая гимназия и при ней Ейское приходское училище; Ейское уездное училище, содержалось за счет Войска. В нем значилось учителей – 1, классов – 3, учеников 108 [8]. Таким образом, в Ейске можно было получить только начальное образование. При этом программы учебных заведений и уровень преподавания не позволяли выпускникам поступить даже в реальные училища. Для исправления сложившейся ситуации городская дума в 1877г. постановила ввести с 1 сентября 1877г. в 3-м классе уездного училища программу реального училища, чтобы дети имели возможность продолжать обучение в последнем учебном заведении [9].

Обращали внимание городские власти и на состояние зданий, в которых располагались учебные заведения. Так городская дума в 1877г. постановила выделить 600 руб. на реконструкцию дома, занимаемого Ейским женским училищем [10]. Это здание в свое время было нанято у наследников умершего купца В.Федюнина для женской прогимназии. В связи с изменениями в статусе учебного заведения требовалось расширение площадей. В том же, 1877г. дума вынесла постановление о выделении денег на реконструкцию еще одного учебного заведения – уездного училища с целью устранения в нем тесноты. Заботясь о состоянии уровня образования в г.Ейске городская дума долгое время ходатайствовала о преобразовании уездного училища в реальное. 11 сентября 1889г. императором Александром II утвердил мнение Госсовета об открытии в г.Ейске вместо существовавшего уездного училища реальное (6 классное). На содержание учебного заведения ежегодно из казны надлежало выплачивать 13 600 руб. Оставшиеся 8000 руб., как и раньше, выделяло городское общество. Возможные остатки от штатных сумм делились на 2 части: передавались в государственное казначейств или оставлялись в распоряжении местного общества для расходов на нужды училища [11].

С 1894г. в г.Ейске ожидали открытия школы ремесленных учеников. В 1896г. намечалось открыть ее 1 отделение - столярное. Для размещения учебного заведения городом строилось в то время большое здание. К означенному сроку оно еще полностью не было готово к приему учащихся. Пока работы окончательно не завершены, наняли дом у частного лица. После рассмотрения всех предложенных вариантов, остановились на семиоконном доме госпожи Бронниковой, расположенном на Сенной площади. Однако в нем не хватало места для проведения практических занятий по столярному делу. Для этих целей нашли другое помещение.

Школа ремесленных учеников. Начало XX в.

Началось преподавание в школе ремесленных учеников с 1 октября 1896г [12].

В городе Ейске в конце XIXв. многим девочкам не хватало мест в женских школах. Более 100 родителей в 1896г. обратились к городскому голове П.А. Болгову с просьбой помочь им в обучении детей. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, городская дума ассигновала 1000 руб. на открытие временных параллельных классов в женском начальном училище[13]. Все девочки, чьи родители желали, чтобы они обучались в школе, получили эту возможность.

Многие из желающих получить образование не имели для этого достаточного количества денег. Для помощи нуждающимся в Ейске в конце XIXв. были созданы благотворительные общества. Так, в 1896г. их насчитывалось два. Одно имелось при реальном училище, второе помогало всем учащимся. Число членов общества в 1895г. было 59, в 1896г. – 68 человек. Финансовое положение общества отличалось стабильностью, к 1 января 1896г. оно имело 4676 руб. 63 коп. Члены общества вносили ежегодно не менее, чем по 3 руб. в его капитал. Управляло обществом правление, состоящее из 7 человек: 3-х обязательных от реального училища (из них председатель - директор училища) и 4-х выбранных из состава общества. Для пополнения доходов общества в 1896г. устроены 2 концерта и 3 спектакля, что дало 395 руб. 57 коп. дохода [14]. Слабым звеном в системе образования г.Ейска являлся контроль за деятельностью учебных заведений. Для более тщательного наблюдения за работой начальных училищ в декабре 1896г. попечитель Кавказского учебного округа учредил новую должность инспектора начальных училищ г.Ейска. Первым занял этот пост инспектор Ейского 4-х классного училища Л.М. Сакваремидзе [15].

Старания властей различного уровня по расширению сети образовательных учреждений в стране оказались не напрасны. Так, в 1898г. даже в таком небольшом провинциальном городке как Ейск их насчитывалось 13. К ним относились: Ейское реальное училище (директор – действительный статский советник В.В. Чечелев), Ейская женская гимназия (председатель педсовета – действительный статский советник – В.В. Чечелев, начальник гимназии – З.И. Богаевская), Общественные училища: Ейское Александровское училище (почетный смотритель - городской голова П.А. Болгов, учитель – инспектор - колледжский советник Л.М. Сакваремидзе), Ейская школа ремесленников (учитель-инспектор-инженер - механик – П.П. Розанов), Ейское одноклассное 1-е мужское училище (попечитель – купец Л.П.Подушка), Ейское одноклассное 2-е мужское училище (попечитель-Ф.Н. Лопата), Ейское одноклассное 1-е женское училище (попечитель-купец П.Г.Муковник), Ейское одноклассное 2-е женское училище (должность попечителя в 1898г. здесь была свободной). Одноклассные церковно-приходские школы: Николаевская (заведующий и законодатель – священник А. Власов), Пантелемоновская (заведующий и законодатель – священник Белозор), Соборная (заведующий и законоучитель – священник Федотов). Школы грамоты: Новопокровская (заведующий и законоучитель священник А. Безклубов), Старопокровская (заведующий и законоучитель И. Мельников).

В начале XXв. среди взрослого населения г.Ейска насчитывалось много безграмотных или малограмотных, особенно среди женщин. Для ликвидации такого положения дел по инициативе местного общества взаимопомощи учащихся в октябре 1912г. открылась женская воскресная школа. В ней насчитывалось 30 учителей и 250 учащихся. Нехватка помещений привела к тому, что учеников разделили на 7 групп неравных по знанию. В связи с этим качество знаний учениц отличалось низким уровнем. Поэтому через некоторое время школа была закрыта [16].

В первые десятилетия XXв. отмечается рост числа учебных заведений по всей Российской империи. Несмотря на это неудовлетворенная потребность в них оставалась еще большой, особенно в технических и ремесленных. 15 ноября 1913 г. вышло распоряжение министерства народного просвещения о расширении сети технических и ремесленных учебных заведений. В соответствии с ним попечители округов обязывались детально рассмотреть ситуацию в своих регионах и до 1 апреля 1914г. сообщить в каких населенных пунктах, какие необходимо открыть учебные заведения. При этом требовалось отметить тип и специальность упомянутых заведений. Незначительность ассигнований регионов или полное их отсутствие не могли служить причиной для отмены решения об открытии того или иного учебного заведения. Попечитель Кавказского учебного округа предложил учредить в Ейске 2 ремесленных училища, одно женское и одно мужское. На содержание женского ремесленного училища ежегодно предполагалось затрачивать 7500 руб., одновременно на закупку оборудования - 800 руб., на постройку здания

– 40 000 руб. Участок земли под постройку и усадьбу намеревались изыскать в размере 1000 кв. сажень [17]. В предписании определялось, что чем больше будет вложений от местных обществ, тем быстрее начнет функционировать училище. Заботясь о расширении сети учебных заведений во вверенном ему округе, попечитель Кавказского учебного округа просил думу в срок до 15 марта 1914г. выслать постановление о размерах ее возможной помощи, чтобы училище вошло в разрабатываемую сеть, иначе дело могло затянуться на долгие годы. На содержание мужского ремесленного училища для подготовки ремесленников, изготавливающих и ремонтирующих земледельческие орудия, в год требовалось 13 760 руб., одновременно на закупку оборудования – 10 000 руб., на постройку здания – 50 000 руб.[18]. Сведения о возможности профинансировать мероприятие от местных властей следовало подать до 15 февраля 1914г.

Городские власти с пониманием отнеслись к возможной организации в городе столь нужных новых учебных заведений. Однако свободной крупной суммы у города не оказалось. На городском содержании находилось женское рукодельное училище с 3-х летним курсом обучения. Оно помещалось в здании города, на его содержание ежегодно расходовалось 5000 рублей. Существующее помещение из-за своей тесноты не отвечало требованиям учебного заведения. Местные власти изыскивали средства для постройки нового здания. В г.Ейске на городском балансе находилась и школа ремесленных учеников, которая также располагалась в городском здании. В 1910г. на обустройство в этом учебном заведении местного отделения затратили из городского бюджета 2100 руб.[19]. Желая помочь местной молодежи в получении хорошего образования, Ейская городская дума постановила в случае преобразования женского рукодельного училища и школы ремесленных учеников в соответственно женское и мужское ремесленные училище увеличить ассигнования на их содержание.

Большое значение в формировании личности ребенка играет семейное или как раньше говорили домашнее воспитание. Ейское общество в своем большинстве смотрело на воспитание своих детей, как на тяжелую повинность, которая вменялась им за грехи отцов, и при всяком удобном случае сваливало ее с себя. Зачастую с определением сына или дочери в школу заканчивалась воспитательная роль родителей, которые рассуждали приблизительно так: “я родила его, я кормила, одевала до 8-9 лет, не отказываюсь и далее кормить и одевать, а сделать из моего ребенка человека - это обязанность школы”[20]. До времени поступления ребенка в школу, редко когда родители заботились о том, чтобы разумно организовать жизнь детей, подготовить их к школе. Заниматься воспитанием детей в Ейске зачастую родители не только не хотели, но и не могли. Они сами были необразованны. Библиотеки, читальни, книжные магазины появились в Ейске только в конце XIXв. До этого времени книги продавались в городе в 2-3 небольших лавочках вместе с канцелярскими товарами, мылом, свечами, табаком. Иногда книги или журналы религиозно-нравственного содержания продавались на базаре.

В лучшую сторону ситуация стала меняться с конца XIXв. В 1881г. в г.Ейске возникло благотворительное общество, именуемое Пушкинским. Такое название оно получило из-за того, что возникло в память об А.С. Пушкине, в год постановки ему памятника в Москве. Оно намеревалось в начале своей деятельности помогать средствами всем учащимся. По мере развития общества сфера его деятельности расширилась, оно стало помогать всем нуждающимся учащимся местных училищ, лицам, окончившим курсы местных учебных заведений и желающим поступать в другие. В 1895г. числилось 112 членов общества, из них – 8 пожизненных (внесли одновременно по 100 руб.), 4 - почетных (внесли по 15 руб.), 99 - действительных (внесли по 3 руб.) [21]. Во главе общества находился распорядительный комитет, состоящий из 15 заседателей. Общество помогало в приобретении одежды, обуви, учебников, плате за обучение. Общество имело стабильное финансовое положение. Так, в 1895г. его доход составил 1 047 руб. 97 коп., расход - 793 руб. 96 коп. [22].

В 1895г. в память о коронации императора Николая II городская дума постановила открыть городскую публичную библиотеку и ассигновала для этих целей 3000 руб. [23]. Открытие предполагалось в 1896г., из-за отсутствия средств было перенесено на 1897г.

В 1895г. директор реального училища ходатайствовал перед высшим начальством о получении разрешения на проведение народных чтений в здании данного учебного заведения. Разрешение было получено и с октября 1896г. чтения начались. Всего их прошло 5. Касались

они тем: “О свободной земле”, провел законоучитель Т. Стефанов; “О Петре I”, прочитал учитель русского языка Харламов; “О Суворове”, провел преподаватель черчения и рисования Щелкунов; “Об уходе за малыми детьми”, прочитал доктор Зенкевич. Чтения проходили по окончании богослужения в училищной церкви. Народ посещал обедню натошак, поэтому к началу чтений все были очень голодны. Это обстоятельство вызывало недовольство людей. Кроме того, в зале, где проходили чтения, было тесно и душно. Несмотря на все неудобства, слушателей насчитывалось более 200 человек. Пришедшие с вниманием слушали все сообщения, кроме чтения Зенкевича. Вопрос ухода за детьми волновал в то время немногих. Поэтому, к окончанию 5 чтения в зале осталась лишь 1/3 из тех, кто был в начале [24]. С расширением сети учебных заведений, повышением уровня образованности населения стал изменяться и перечень изданий, выписываемых городской читальней. Так с 1913г. расширили перечень выписываемых газет и журналов. С этого года перестали выписывать бездарные, по мнению ейчан, “Киевскую почту” и “Голоса Москвы”. Зато начали получать “Кубанский край”, “День” (из Петербурга), “Театр и искусство”. В читальне при Народном доме ейчане могли прочитать такие популярные газеты как: “Казачий листок” и “Кубанские областные ведомости” [25].

Чтение книг, газет, журналов побуждало самих ейчан заниматься литературным творчеством. Они писали стихи, небольшие поэмы, прозаические произведения, которые опубликовывали в местных газетах. В конце 90-х гг. XIXв. страсть к сочинительству овладела жителями г.Ейска. Писали в газеты все сословия и возраста, восхваляя себя и город.

Для проведения досуга в Ейске на всем протяжении рассматриваемого периода имелось значительное число общественных клубов. Порядка и чистоты в них никогда не было, там зачастую отмечались драки и сквернословие. Не члены клуба не имели право туда заходить. Являться членом общественного клуба, именуемого в простонародье “дворянским” в к. XIXв. становилось просто опасно, т.к. там зачастую вспыхивали драки. В других клубах таких инцидентов отмечалось меньше. В первом из названных клубов на Рождество 1 января 1894г. городской ветеринарный врач Айдаров учинил драку, через месяц 2 февраля он же напал в клубе на господина С. и избил его. Вообще в этом, как и в других клубах, Новый год ознаменовывался мордобитием. Причем, зачастую сильнее всего дрались выходцы из интеллигенции. В этом они, вероятнее всего, находили отдушину от своей скучной и однообразной жизни [26].

Одной из самых сложных проблем в истории г.Ейска было развитие художественной культуры. Картинных галерей и выставок в городе никогда не было. Удаленность от крупных городов, плохое состояние дорог, очень дорогое сообщение приводили к тому, что в течение 5-6 месяцев в году с октября по май ейчане оказывались оторванными от внешнего мира. В остальные месяцы, когда дороги были сухие, творческие коллективы в Ейске тоже были большой редкостью. Так, в городе проходили гастроли профессиональных актеров в 1873г. (товарищество актеров под управлением Багровых) и в 1898г. (товарищество актеров под управлением И.И. Якоминского).

Желание оживить скучную жизнь обывателей привело к созданию в 60-е гг. XIXв. в г.Ейске труппы самодеятельных актеров. Среди них были О.П.Чумакова, Е.И. Фидюкин, А.М. Маринкович, М.Г. Садлецкая, В.Д. Ясина. Выступления проводились в городском общественном клубе. Для постановки спектаклей использовались средства от взносов членов клуба и часть сборов со спектаклей. Последние шли, в основном, на благотворительные цели. Ложа в зрительном зале стояла 6 руб., кресло - 1,50р. остальные места по 1 руб. [27].

Несколько нормализовавшись в 60-е начало 70-х гг. XIXв. ситуация обострилась в конце XIX- начале XXв. На гастроли в город артисты приезжали крайне редко, местных творческих коллективов не существовало. Люди талантливые и желающие устраивать любительские спектакли, концерты в Ейске были. Находились в городе и коммерсанты, которые имели желание и возможности помочь артистам. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию ейчане, в 1903г. подали прошение начальнику Кубанской области Я.Д. Маламу о разрешении открыть в городе общество любителей изящных искусств по образцу общества, существовавшего в Екатеринодаре. Просьба жителей г.Ейска была удовлетворена, общество с его уставом учредили. В уставе определялись цели общества- 1) служить сближению местных деятелей в области изящных искусств и лиц, содействующих им; 2) содействовать распространению и развитию искусств в г.Ейске. Сферой деятельности общества являлись музыка, драматическое

искусство, поэзия, художественное чтение, живопись, пластика. Для достижения целей общество обязывалось устраивать лекции, концерты, спектакли. В зависимости от направленности работы, общество делилось на 4 отдела: музыкальный, литературный, драматический, художественный. Членами общества могли стать лица обоего пола, неограниченным числом. Годовой взнос членов общества составлял 3 рубля.

В соответствии со своим уставом общество любителей изящных искусств просуществовало до начала 1908г. Самодеятельные артисты устраивали концерты, спектакли, общественные чтения, лекции. В начале своего существования деятельность общества носила чисто художественную направленность. В дальнейшем в связи с ростом революционного движения в стране интеллигенция Ейска стала интересоваться запрещенной литературой. Об этом стало известно областному начальству. Принимая во внимание, что с 3 января 1906г. в Кубанской области вводилось военное положение, чтение общественно-политической литературы антиправительственного толка, “могущей возбудить умы граждан города”, было недопустимо [28]. 17 марта 1908г. временный генерал-губернатор Кубанской области принял решение закрыть общество на все время действия военного положения. Больше Ейское общество любителей изящных искусств так никогда и не открылось.

Творческая инициатива ейчан нуждалась в воплощении. В августе 1910г. возникло в городе по инициативе местного историка, краеведа Г.А. Лекторского музыкальное певческое общество, принят его устав, избрано правление. В рамках этого общества был организован хор в составе 40 певцов и 15 музыкантов (дирижер - был В.И.Петров) [29].

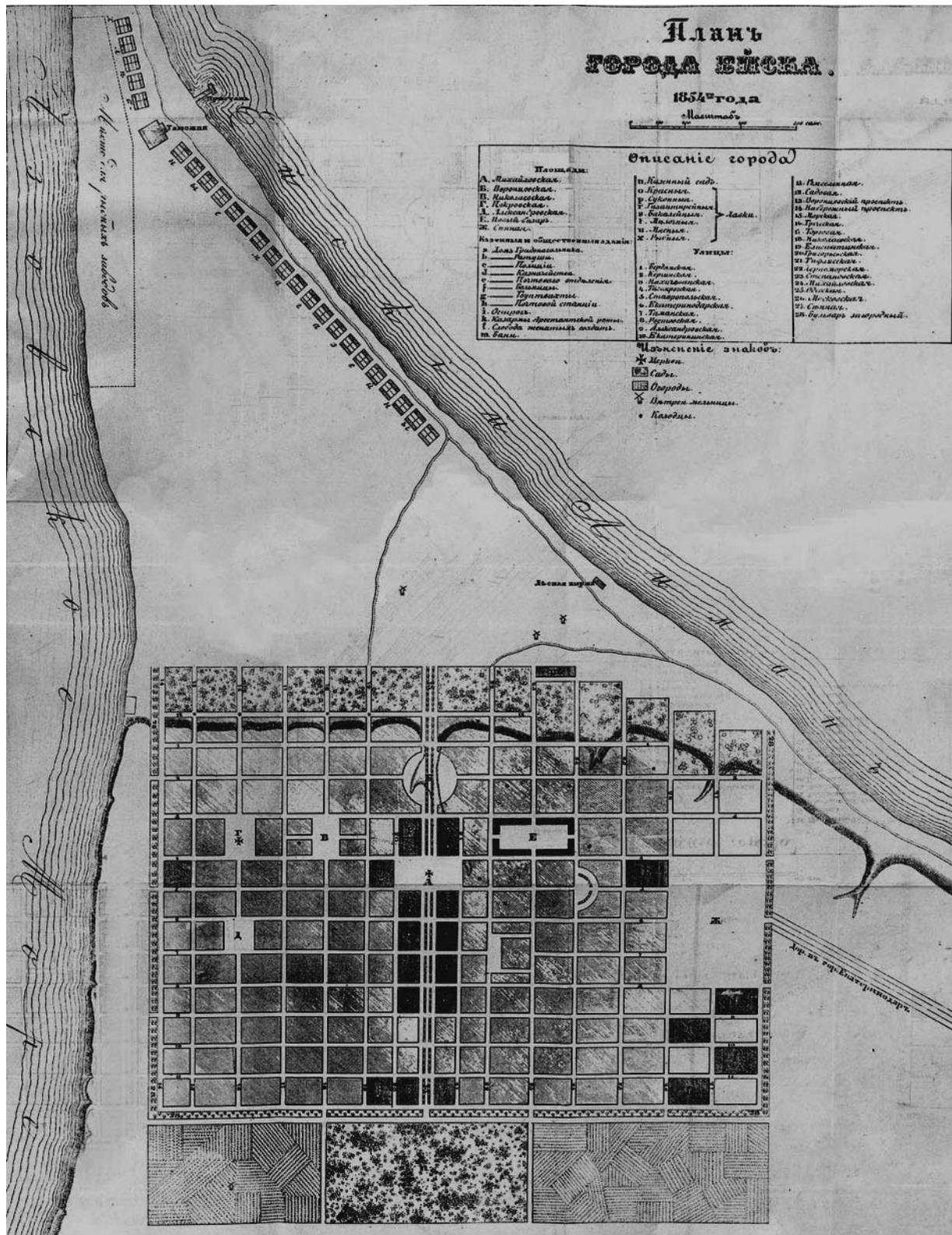
В целом, общественная и культурная жизнь ейчан за исключением некоторых эпизодов протекала довольно вяло. Значимых культурных событий в Ейске в период революции 1905-1907гг. не было. Уровень образованности и воспитанности ейчан до конца XIXв. остался низким. С ростом числа учебных заведений, появлением библиотек, читален он несколько возрос. Однако культура межличностных отношений оставляла желать лучшего. Художественная культура в городе так и не получила должного развития. Исключением является деятельность общества любителей изящных искусств и музыкального певческого общества.

На первых порах существования г.Ейска большое значение его благоустройству не уделялось. Исключением являлись лишь строгая перпендикулярность улиц, устройство городского сада и озеленение Воронцовского проспекта.

Обустройство сада началось в 1853 году. Тогда была размечена территория, подготовлена земля, начата посадка деревьев. Семена для цветов выписывались из императорского Никитинского сада, Риги, Кизляра. К 1853 г. все семена получили, на Воронцовском проспекте посадили деревья, кустарники, розы, сирень [30]. В 1854 г. в городском саду перекопали 951 сажень земли под виноградную плантацию, посадили 12 тысяч единиц виноградных лоз, деревьев, кустарников. На территории сада в том же году построили небольшой дом для цветоводства и землянку для сторожа [31]. Через несколько лет деревья в саду подросли, и там поставили скамейки, позже организовали ротонду. Городской сад стал одним из любимых мест отдыха ейчан.

Содержание городского сада, бульвара было весьма непростым делом для городского управления. Поэтому с 1877г. они ежегодно стали отдаваться в оброчное содержание. В 1882г. городской общественный сад с городским бульваром по решению думы были отданы в арендное содержание сроком сразу на 6 лет, с ежегодной оплатой по 50 рублей [32].

Греческоподданный П.Ксандопуло в своем заявлении думе от 14 февраля 1881г. объяснил, что как житель г.Ейска на протяжении многих лет он убедился, что состояние городских бульваров не удовлетворяет потребностям населения в развлечениях. Большинство граждан, которые не являются членами клубов, не могут войти даже в его помещение. В других городах России таких порядков нет. Члены клуба не берут на себя обязательства содержать там музыку. П.Ксандопуло предложил на собственные средства сделать пристройку к ротонде с двух сторон по предложенному фасаду общей длиной 13 аршин, прилично обставить это заведение и разрешить туда вход всем желающим. За такие услуги для города П. Ксандопуло просил разрешить ему вести там розничную торговлю пищей без налогов. Через 3 года он обязывался все передать городу безвозмездно, а пока ежегодная плата его в городской бюджет составила бы 500 рублей. Ейская городская дума не возражала против этих предложений, если их поддержит клуб. Клуб согласия не дал [33].

План г. Ейска 1854 г.

В особо праздничные и высокотожественные дни в городе зажигались огни иллюминаций. Организация этого мероприятия отдавалась городской думой в оброчное содержание. В некоторые годы (1880, 1881, 1884), когда подрядчиков не находилось, иллюминирование проводилось хозяйственным способом.

В конце 50-х годов после выхода в 1857г. устава о медицинской полиции в городе стали больше внимания уделять санитарному состоянию. Так, в частности, в 1860 году Ейское городское полицейское управление, заботясь о содержании в чистоте городских площадей, ходатайствовало о снабжении его метлами, лопатами и другими принадлежностями. По уставу полиция обязывалась наблюдать за тем, чтобы городские площади в любое время года оставались чистыми [34].

В феврале 1880г. по заключению полиции дума составила проект обязательных для жителей г.Ейска постановлений по санитарной части. В соответствии с ними жителям города разрешалось оставлять навоз во дворах, где перерабатывать его на кизяк. Городской врач Лонгинов опротестовал это решение, дума провела решение по журналу, и его одобрил начальник Кубанской области [35].

После неоднократных опротестований и жалоб городского врача эти правила были отменены. В 1881г. городская дума издала новые положения по санитарной части, которые одобрил начальник Кубанской области Н.Н. Кармалин. В соответствии с ними жители города Ейска обязывались заботиться, чтобы помойные ямы, водосточные канавы, хлева содержались в чистоте. Помои на улицу выливать не разрешалось. Все нечистоты жители самостоятельно обязывались вывозить за город; во дворах не разрешалось складывать навоз домашних животных, его следовало с 15 апреля по 1 ноября вывозить в указанное за городом место; внутри города запрещалось сушить шкуры овец, устраивать маслобойни, кузницы, кожевенные и дубильные заводы, красильни; убой скота за городом разрешался только с соблюдением чистоты [36]. В 1882г. постановлением городской думы было разрешено оставить в черте города уже построенные кузницы и маслобойни.

По идее после принятия таких положений в городе должны были значительно улучшиться санитарная обстановка. Однако пункты правил оставались на бумаге, а в городе царила антисанитария. Нечистоты за город вывозили только очень немногие. Во дворах лежали годами кучи навоза. Зачастую пока не видят соседи, домохозяева выливали на улицу помои. Газета “Приазовская жизнь” в 1914г. писала, что для обывателей г.Ейска вылить нечистоты на улицу – это дело привычное и вовсе незастойное. Летом на улицах города стоял зловонный запах [37].

Важным вопросом жизнедеятельности любого населенного пункта является его связь с внешним миром. Особенно актуально это для города, который еще только читает свою историю. Осенью 1848г. начальник портового г.Ейска Е.И.Литевский уведомил наказного атамана Черноморского казачьего войска Г.А.Рашпиля, что в городе необходимо как можно быстрее открыть почтовое отделение. С начала истории города люди ездили одноконно и на валовых фурах. Почтовые станции предлагалось устроить 2, одну в Ейске, другую на середине дороги между Ейском и ст. Щербиновской, в последней предполагалось увеличить число лошадиных троек [38]. В 1849г. в Ейске появилось почтовое отделение. Главной сухопутной магистралью в регионе была дорога Ейск-Ростов-Екатеринодар-Ставрополь. Для движения почты и проезжающих уже к 1853г. в Ейске была организована почтовая станция с 15 лошадьми [39]. В целом на протяжении всего рассматриваемого периода почтовое сообщение Ейска с другими городами развивалось слабо. Почта приходила в Ейск из Екатеринодара до конца 90-х гг. XIXв. всего 2 раза в неделю. Так, в 1881 почтовая контора 2-го класса осуществляла прием корреспонденции ежедневно до 12ч. дня. Отправление в Уманскую осуществлялось по воскресеньям и четвергам в 14 часов. Получали почту из Уманской по средам и воскресеньям в 12 ч. 30 мин [40]. Такое положение дел не устраивало местное купечество. В 1881г. ейский купец 1 гильдии Григорий Капараки во время пребывания в г.Ейске начальника почтового ведомства на Кавказе и за Кавказом Томича сообщил ему о недостаточности почтового сообщения. Купец заявил, что в интересах торговли и вообще населения города необходимо почту привозить не 2, а 3 раза в неделю и организовать работу срочных почтовых дилижансов из Ейска до ст. Кисляковской, для удобства сообщения с Владикавказской железной дорогой [41]. Ситуация изменилась лишь середине 90-х гг. XIXв.

Тогда, когда Ейску необходимо было получать и отправлять почту 4 раза в неделю, организовали 3-х разовое сообщение. В эти дни в почтово-железнодорожной конторе толпился народ. Все с нетерпением ждали, когда чиновники разберут огромные пост-пакеты и рассортируют их содержимое. Для некоторых людей корреспонденция была единственным лучом света в серой и скучной жизни. Они чуть свет шли на почту и очень огорчались, если им ничего не приходило [42].

С весны 1896г. главное управление почт и телеграфов издало распоряжение о том, чтобы вся корреспонденция кроме страховой, следующая в Ейск, направлялась на Ростов. Из последнего на пароходах Волго-Донского общества ежедневно (кроме вторника) доставлялась бы в Ейск. Страховая корреспонденция по - прежнему поступала в Ейск через ст. Кисляковскую 3 раза в неделю. Такие меры объяснялись необходимостью упорядочить доставку в Ейск почты из Екатеринодара и наладить сообщение с административным центром. Ейчане хотели получать "Кубанские областные ведомости" ежедневно. В период завершения навигации доставка нестраховой корреспонденции намеревалась производиться одноколками. Кроме того в различных частях города предполагалось выставить 4 ящика для сбора писем, раньше их носили их на почту [43]. Проблемы ейчан с почтовым сообщением разрешились только с введением в эксплуатацию железной дороги Ейск-Сосыка. С этого момента они стали регулярно получать корреспонденцию и читать свежие газеты.

Почтовые отношения между Ейском и Ростовом отличались медлительностью в основном из-за плохого состояния дорог. Для ускорения коммерческих дел люди вынуждены были пользоваться нарочными эстафетами, что являлось дорогим и неудобным мероприятием. Вырисовывалась острая необходимость организации телеграфного сообщения. В 1864г. купцы 1 гильдии Н. Мордовцев и К. Вандергюхт, имеющие в Ейске оседлость, подали прошение начальнику Кубанской области Ф.Н. Сумарокову - Эльстону с изложением в нем необходимости устроить телеграфное сообщение между Ейском и Ростовом-на-Дону. Главный штаб Кавказской армии рассмотрел запрос купцов. Телеграфное управление уведомило Главный штаб, что по существующему законодательству никакая телеграфная линия не может принадлежать частной компании или находиться в частном управлении. Она должна состоять в непосредственном ведении правительства. В то же время последовало заявление, что линия от Ейска до Ростова может быть построена безотлагательно, если местные жители внесут в телеграфное правление сумму в размере 10.000руб. для ее постройки с возвращением денег управлением в течение 20 лет [44]. Ейчане, получив ответ, решили выделить необходимую сумму из городских сумм для передачи ее телеграфному управлению с обязательством возратить деньги в течение 20 лет. Данное решение одобрил начальник Кубанской области и наместник Кавказский. Для решения полностью проблемы телеграфного сообщения требовалось 35000рублей [45]. На первых порах телеграфное управление взыскало с ейчан только означенные 10 000 руб. В дальнейшем управление затруднялось выделить недостающие 25 000 руб. Официальная переписка по данному вопросу длилась более 2,5 лет. Реальных действий не следовало. Тогда ейчане ассигновали необходимую сумму из телеграфных средств. После чего в течение 1868г. телеграфное сообщение между Ейском и Ростовом с промежуточной станцией в Азове открылось. В январе 1868г. станцию в Ейске освидетельствовал архитектор Хлебников и она начала свою работу.

Вопрос об устройстве телефона в г.Ейске встал на повестку дня в 1900 году. В телефонном сообщении испытывали особую необходимость прежде всего экспортеры зернового хлеба. Они ходатайствовали об устройстве телефона перед местным почтовым управлением, соглашаясь на обычную в то время казенную плату с телефонного аппарата по 75 руб. в год. Так как просьбы об устройстве в г. Ейске телефона средствами казны были практически не осуществимы, городское управление само начало работу в этом направлении. В 1905 году была получена от главного управления почты и телефонов концессия на телефонизацию Ейска на 18 лет. Завершились работы к осени 1906г. Постройка производилась хозяйственным способом под наблюдением специально приглашенного городом инженера-электрика Щелкунова. Центральная телефонная станция размещалась на верхнем этаже здания, где находилась городская управа. Первоначальное устройство телефона в г. Ейске потребовало расходов из городской казны в размере 12 067 руб. 24коп. С развитием телефонной сети, дополнительные расходы на устройство производились в

1907, 1908 и 1909 годах на сумму 10.266 руб. 76к. Таким образом, вся телефонная сеть стояла городу 22.234р. 95к. [46] В 1906 году, с началом работы телефонной станции число абонентов достигло всего 63, из них 8- бесплатных. К августу 1910 года, число аппаратов телефонной сети г.Ейска составило 175, из них 21- бесплатный. Не платили за телефоны городские учреждения. К 1912г. длина телефонной сети в городе составляла 22 версты, а проводов – 187 вест. Как и прежде находилась она в ведении городских властей [47].

Слабым местом благоустройства города было мощение улиц. В этом имелась настоятельная необходимость, так как осенью и весной повсюду стояла непролазная грязь, а летом было очень много пыли. Особенно актуально проблема состояния дорог в городе вырисовывалась в дни ярмарок, массового привоза фур с зерном к порту. Для пешеходов устраивались деревянные тротуары, но не по всему городу и не всегда удобные и безопасные для хождения по ним. Недостаток средств, слабая работа городской администрации-главные причины такого положения дел.

В целях выхода из создавшейся ситуации Ейская городская дума в заседании от 16 марта 1881г. постановила: для осушения и ремонта всех улиц каждый домовладелец обязан напротив своего дворового места отступить 2,5 аршина для тротуара и поставить там линией столбики (хотя бы деревянные). Отведенную территорию необходимо вымостить жженым кирпичом, камнем, досками или засыпать ракушкой. Запрещалось по улицам на тротуарах строить при входе в дом погреба или другие постройки. Строго запрещалось выпускать на улицу блуждающий скот, собак. Собак разрешалось иметь всем желающим, но они должны быть привязаны во дворе. Комнатных собак можно выпускать на улицу с ошейником. Свои дворы домовладельцы обязаны содержать в чистоте. Домовладельцы обязаны в порядке содержать тротуары и половинную часть улицы. Сено и солому нельзя складывать на открытых местах во дворе. Бедным горожанам, не имеющим сараев, разрешалось складывать во дворе (до постройки сараев) не более 2-х возов сена или соломы. В случае пожара частные колодцы предоставлялись пожарной команде [48].

Ейский 2-й гильдии купец М. Кравченко в своем заявлении городской думе от 30 июня 1881г. сообщил, что вследствие образовавшихся по Таганрогской улице (от Сенной площади и до Гостиного двора) больших выбоин проезд особенно во время дождя невозможен, а эта улица центральная. Дума постановила поручить городской управе немедленно распорядиться исправить улицу и ассигновала на это мероприятие 500 рублей. Положение было временно исправлено. До 1890г., мостовых в городе так и не появилось. В 1890г. впервые замощена Базарная площадь хозяйственным способом из городских сумм. Работы произведены непригодным для этих целей гранитным осколком из Мариупольского карьера. С 1891 года и по 1898 год произведено замощение всех улиц, окружающих Гостиный двор, а также улиц от Михайловской до Полукруглой площади, от Ставропольской до Сенной площади, от нее по Екатеринодарской улице до Щербиновской, улицы Михайловской от Нахичеванской до лимана, Тифлисской от Таганрогской до Нахичеванской, Таганрогской от Черноморской до Воронцовского проспекта, Нахичеванский от Черноморской до Воронцовского проспекта, Вороноцовского проспекта от Таганрогской улицы до конца города, Черноморской от Нахичеванской до Керченской и Керченской от Черноморской до сквера. Работы проводились подрядным способом, из городского бюджета. Площадь замощенных улиц к 1898 году составляла 17692 кв. саж. Мостовые вокруг Гостиного двора и на улицах от Щербиновской, Екатеринодарской, Ставропольской, Михайловской, Таганрогской, Черноморской, Керченской, вокруг сквера и Воронцовский проспект сделаны правильными кубиками из Коранского гранитного камня. Остальное мощение произведено частью неправильным осколком гранитного камня различных пород Мариупольских карьеров, частью смешанным камнем. Зачастую центральная часть улиц мостилась правильными кубиками, а обочины - неправильными осколками. После 1898 года мощение городских улиц производилось исключительно на специальные средства портовых сборов, отпускаявшихся городу. За период времени с 1900 по 1910 г. замощены следующие улицы города: Ростовская от Щербиновской до Черноморской, Ивановская от Верхней до Ясенской, Верхняя от Ивановской до Сенной, Сенная от Верхней до Нахичеванской, Таганрогская от Сенной до Михайловской, Михайловская от Полукруглой площади до Верхней улицы, Степановская от Таганрогской до Верхней, Черноморская от Верхней до Таганрогской и от Керченской до конца города к лиману. Таганрогская от Воронцовского проспекта до Греческой улицы, Греческая от Таганрогской до

портового ковша, Нахичеванская от Сенной до Михайловской и от Воронцовского проспекта до Греческой, подъезд к порту от Михайловской улицы, Николаевская до Нахичеванской, Тифлисская от Таганрогской до Екатеринодарской. Всего за указанный период на специальные средства портовых сборов замощено 276 680 кв. саж. на общую сумму 294 660 руб. 66 коп [49]. Все это мощение произведено подрядным способом из непригодного осколка гранитного камня Мариупольских карьеров.

План г. Ейска 1905-1907 гг.

Несмотря на видимое благополучие, обыватели отмечали, что даже в центре на мостовых весной и осенью была непролазная грязь. Причину такого положения дел называют сами ейчане в газете “Ейский телеграф”: “Непригодные для мощения осколки и плохо уложенный кирпич быстро вылетают” и образуются огромные выбоины [50]. Так до конца рассматриваемого периода окончательно вопрос с дорожным покрытием решен не был. На улицах города по-прежнему было очень грязно.

Немаловажным вопросом обустройства города является его освещение в вечернее время. Регулярное освещение города Ейска началось с 1875 года. В этом году было поставлено в различных частях города (преимущественно центральных) 63 фонаря на деревянных столбах. До 1887 года число городских фонарей по освещению не увеличивалось. Начиная с 1887 года городское управление ежегодно увеличивало число городских фонарей, доведя их количество к 1897 году до 600 штук. За все это время освещение производилось подрядным способом. С 1898 года освещение города производилось хозяйственным способом. Всю площадь города разбили на участки, приблизительно одинаковые по территории и количеству фонарей. Для зажигания, тушения фонарей и присмотра за ними на каждом участке имелся особый служитель. Надзор за всеми служителями, которых насчитывалось 17, возлагался на особого контролера по освещению. Последний выдавал служителям все необходимые для освещения материалы по особым нормам, выработанным городской управой. С 1902 года городское управление приступило к установке в центральных частях города керосинокалильных фонарей. К 1910 году число их доведено до 13 [51]. Соответственно этому в местах расположения керосинокалильных фонарей простые убрались. Работали керосинокалильные фонари не всегда хорошо. Они зачастую или не зажигались (что происходило, к примеру, в 1909г. на углу улиц Черноморской и Екатеринодарской), или же мерцали почти не давая света (что наблюдалось, к примеру, на углу Воронцовского проспекта напротив сквера в том же 1909г.) [52].

В начале XX века в России все чаще стали говорить о преимуществах электрической энергии. Вот и в Ейске в 1909 году, стали думать о водопроводе с электрической подкачкой воды и освещением улиц дуговыми фонарями. В среднем потребление воды в сутки в городе, не имеющем канализации, на 1 человека равнялось 2 ведрам. Следовательно, городу в сутки нужно 8 600 ведер воды. Для того, чтобы прокачать ее необходимо 410 КВТ энергии - в сутки, 147 600 КВТ. – в год. Для освещения улиц дуговыми фонарями требовалось в год 30 000 куч энергии в год, зданий - 9 000 КВТ. [53, л.6.]

Встал вопрос о выборе типа двигателя. Если бы для выработки электрической энергии приобрели газо-генераторный двигатель, то чистая прибыль от него составила бы 6 710 руб. Кроме того город имел бы возможность бесплатного освещения зданий и улиц 25 фонарями. Если поставить двигатели на электростанции нефтяной системы “Дизель”, то чистая прибыль составила бы 5 680 рублей в год. Представитель фирмы “Нобель” заявил, что если город купит двигатели системы “Дизель”, то он гарантирует приобретение нефти не по 55 коп., а по 33 коп за пуд. В таком случае чистая прибыль города возростала до 8060 руб. [53, л.8.] Причем двигатели “Дизель” были менее громоздки, чем газогенераторные.

По проекту электростанцию предполагали построить на углу улиц Степановской и Ставропольской. Место выбрали удачно, поскольку станция находилась бы почти в самом центре города. Станции кроме выработки энергии для электрического освещения города требовалось доставлять энергию для электродвигателей, установленных в различных местах города. Поэтому она должна была производить энергии в 2 раза больше, чем это необходимо для освещения города. Наиболее удобный способ передачи энергии был 3-х фазовый ток. Наладка такой системы требовала больших затрат. Более рациональной являлась система снабжения постоянным электрическим током по трехпроводной системе с напряжением 220 V. Руководство города должно было выбрать какой двигатель установить на электростанции. Для этого вначале собрали справки о работе электростанции на станциях Рязанско-Уральской железной дороге, Москва Уральская, Саратов, Ртищев. Весь материал был детально изучен. В связи с разницей нагрузок станции в различное время года признали наиболее рациональным поставить на электростанции в г.Ейске два газогенераторных двигателя или 2 двигателя “Дизель”. Помещение для электростанции спроектировали так, что конторы там не было, она находилась

в городской думе. При станции расположились мастерская, кладовая, лаборатория для проверки и регулирования приборов. Пол электростанции предполагалось сделать плиточный с бетонным основанием, в генераторной и кладовой из кирпича на ребро, в лаборатории и мастерской - плиточный. Потолки следовало сделать деревянными, окрашенными белой масляной краской, в лаборатории и кладовой - оштукатуренными.

Размеры станции были таковы, что могли поместиться 2 комплекта газогенераторных двигателей, каждый соединенный с динамомашинной либо 3 комплекта двигателя "Дизель", соединенные с динамомашинной; распределительная доска. Сеть проводов состояла из отдельных независимых друг от друга цепей, идущих в разные концы города. Проектируемая мощность станции составляла 143 кВт в сутки. Расходы на строительство, устройство станции предположительно равнялись 61 250 рублям, эксплуатацию - 13000 руб. ежегодно. Доход от абонентов ожидалось получать в размере 18 750 руб. ежегодно [53, л.16.].

В июле 1909 г. инженер-технолог Яков Фельдман подал в городскую управу заявление с предложением построить за свой счет в городе электростанцию и эксплуатировать ее. При этом он выдвигал условия:

1. городская управа безвозмездно на все время договора отводит место под станцию размером 780 кв. сажень;
2. городская управа предоставляет Я. Фельдману право расставлять по улицам, площадям деревянные столбы и вешать на них электрические провода;
3. городская управа должна предоставить Я.Фельдману право взимать плату с частных лиц - не дороже 30 коп. за киловаттчас, для технических и промышленных целей не дороже 20 коп. за киловаттчас;
4. срок договора- 25 лет;
5. за предоставление этих условий Я.Фельдман обязуется организовать освещение в течение 25 лет до 10 дуговых фонарей в 840 свечей каждый бесплатно. На нужды городской управы Я. Фельдман обязывался отпускать электроэнергию с 25 % скидкой;
6. после 25-летнего срока эксплуатации станция безвозмездно передавалась бы городу [53, л.22.].

11 августа 1909 г. в городскую управу г. Ейска поступило подобное заявление от членов Таганрогского общества электроосвещения: техника путей сообщения Ф. Гирсанова и присяжного поверенного К.Адабашева. Это общество выдвигало те же условия, что и Я.Фельдман, кроме следующего:

- 1) плата для частных лиц должна быть 30 копеек за киловаттчас, для промышленных целей не более 17 копеек за киловаттчас, для освещения дуговых фонарей не более 26 копеек за киловаттчас;
- 2) срок договора - 20 лет, после этого станция безвозмездно переходит городу;
- 3) за предоставление условий лица брали на себя обязательство бесплатно в течение 20 лет давать энергию для 20 дуговых фонарей;
- 4) для нужд города отпускать энергию со скидкой 30%. [53, л.24.]

Для рассмотрения предложений по организации электроосвещения города состоялись собрания Ейской городской думы с присутствием комиссии из гласных думы 13 августа и 23 сентября 1909г. На первое заседание был приглашен консультант электротехник инженер М.Щелкунов из Саратова. После длительных консультаций и дискуссий дума вынесла постановление:

1. все проекты признать для города пригодными только с внесением в них изменений;
2. выяснить, нецелесообразно ли городу самому будет заняться строительством и эксплуатацией электростанции.

Второе заседание думы, вынесло постановление об отказе всем частным лицам заниматься устройством электроосвещения в городе. Городская управа предложила всю проектно-сметную документацию на организацию электроосвещения в городе составить М. Щелкунову. 1 7 марта 1911г. комиссия из гласных думы по устройству в городе электроосвещения совместно с городской управой провела заседание, на котором постановили: назначить соревнование по вопросу устройства в городе электроосвещения. К 30 апреля 1911г. приглашенные и желающие

фирмы заняться этим вопросом должны подать документы в Ейскую городскую управу. К соревнованиям приглашались: а) всеобщая компания электричества; б) Компания Сименс и Гальске; в) Русское электрическое общество Вельстингауза; г) Электрический завод Вольта в Ревеле; д) Ростовская артель инженеров.

После переговоров с каждой из означенных фирм было отдано предпочтение Всеобщей компании электричества, с которой и был заключен договор. По этому документу компания электричества брала на себя обязательства поставить и установить оборудование для электроосвещения города [54]. Все работы Всеобщей компании электричества были проведены в срок, и качественно. В 1912г. в Ейске появилось электроосвещение. Однако, это коснулось в основном лишь центральных улиц, городских учреждений и домов очень состоятельных людей.

Для любого города, немаловажным является решение вопроса о работе городского транспорта. В г. Ейске упорядочен извозный промысел был только в 1881г. Тогда Ейская городская дума журналом заседаний от 16 марта 1881г. за № 13 приняла проект обязательных для жителей г. Ейска постановлений об извозном промысле, который утвердил начальник Кубанской области Н.Н.Кармалин. После чего эти правила стали обязательными для исполнения в г. Ейске. По этому документу извозный промысел был разделен на 2 вида: легковой и ломовой. Легковой - это перевозки пассажиров в легких экипажах (дорожках, линейках, колясках, каретах). Ломовой (конные драгеля) - это перевозки разного рода тяжестей, отчасти пассажиров на дрогах. Правила определяли порядок разрешения человеку стать извозчиком, права и обязанности извозчика и пассажиров.

Начальник Кубанской области Н.Н. Кармалин своим постановлением от 9 ноября 1881г. подтвердил, что плата извозчикам за извоз определяется по таксе ежегодно устанавливаемой городской управой по соглашению с полицейским управлением и утверждается думой. Так, в 1881г. плата за 1 час езды по городу составляла: на фэтонах и крытых пролетках - 50 коп; на некрытых линейных дорожках - 40 коп; на дрогах или ломовых телегах - 30 коп. В особо праздничные дни плата увеличивалась 1,75-2раза [55].

Принятие этих правил было делом, безусловно, полезным. Оставалось делом за их воплощением в жизнь. Здесь и начинались все трудности. Старосты не всегда добросовестно выполняли свои обязанности, поэтому извозчики зачастую были предоставлены сами себе. Полицейское управление довольно редко самостоятельно проводило проверку состояния извозного промысла в Ейске. К наиболее часто встречающимся из выявленных нарушений можно отнести: курение во время езды, остановки в неположенных местах, быстрая езда, грязные экипажи, и фонари на них, грубость извозчиков.

Не изменилась ситуация и в дальнейшем. За тем исключением, что теперь стали выражать свое недовольство и пассажиры, и извозчики. Они подавали жалобы в полицейское управление и городскую управу. Так, в 1909 г. пассажиры А.Боронов и Я.Солодкий подали в полицейское управление жалобу с указанием нескольких фактов вымогательства у них извозчиками, в свою очередь последние сетовали на неправильные расчеты с ними пассажиров [56]. В 1914г. в полицейское управление стало поступать огромное количество жалоб от ейчан, которые вынуждены были подолгу ожидать извозчиков. При этом граждане сами указывали причину такого положения дел - извозчики свободно бросали лошадей на стоянках, собирались группами и играли в шашки и орлянку [57]. Полицейское управление так и не сумело наладить работу извозчиков в городе.

В 1914г. появилась для ейчан хорошая альтернатива извозному промыслу. Пятигорский инженер-электромеханик Е. Таченцев предложил свои услуги по устройству в городе трамвайного сообщения. Городские власти нашли это предложение неприемлемым для Ейска. Причин тому несколько. Во-первых, дороговизна мероприятия. Во-вторых, узость городских улиц [58].

Внешне Ейск на всем протяжении рассматриваемого периода выглядел как тихий провинциальный город. Удаленность от крупных городов и магистралей, дороговизна сообщения повлекли за собой отсутствие в Ейске крупных общественных и художественных объединений. Самой заветной мечтой ейчан было чтение свежих газеты, которая сбывалась только в начале XXв. Ейск основывался сразу как город. Это отчетливо видно в его архитектуре. Город с самого начала застраивался по Генеральному плану, утвержденному в 1849г. Наместником Кавказским.

Строгая перпендикулярность улиц, являющаяся основой плана, до сих пор хорошо видна в старой части города. Недостатком г.Ейска была его слабая благоустроенность. Недостаточный контроль городских властей за соблюдением своих постановлений, несбалансированность городского бюджета, невежество населения вели к тому, что Ейск на всем протяжении рассматриваемого периода был грязным городом. Заощение улиц началось только с 1890г. При этом зачастую использовались непригодные для этих целей гранитные осколки. В результате таких непродуманных действий дорожное покрытие быстро выходило из строя. Взвешенный подход к городским проблемам наблюдается у местных властей в вопросе строительства электростанции в Ейске. Были рассмотрены предложения, как частных лиц, так и компаний, проведены консультации. В результате, для проведения всех работ был заключен договор с Всеобщей компанией электричества, собственником электростанции стал сам город, а не частное лицо. В 1912г. в Ейске появилось электричество.

Библиографический список и примечания

1. Кубанский край. 1913. 13 января.
2. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.2087. Л.3об.
3. Емельянов. К вопросу об этапах развития системы просвещения на Кубани с 1792 по 1913 год // Историческое регионоведение - ВУЗу и школе. Славянск-на-Кубани, 1997. С.83.
4. ПСЗ. Собр.-2-е. Т.35 (1860). №36037.
5. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2562. Л.3.
6. ГАКК. Ф. 452. Оп.1. Д.81. Л.28.
7. ГАКК. Ф. 451. Оп. 1. Д.570. Л.3.
8. ГАКК. Ф. 460. Оп.1. Д.1.Л.14.
9. Кубанские областные ведомости. 1877. 16 июля.
10. Кубанские областные ведомости. 1877. 10 сентября.
11. ПСЗ. Собр.-2-е. Т.54 (1880). № 60267.
12. Кубанские областные ведомости. 1896. 8 сентября, 19 ноября.
13. Кубанские областные ведомости. 1896. 28 сентября.
14. Кубанские областные ведомости. 1896. 16 февраля.
15. Кубанские областные ведомости. 1896. 25 октября.
16. Кубанский край. 1913. 5 февраля.
17. ГАКК. Ф. 637. Оп.1. Д.24. Л.4.
18. ГАКК. Ф.637. Оп.1 Д.24. Л.7.
19. ГАКК. Ф. 637. Оп.1. Д.24. Л. 9-10.
20. Стефанов Т. Статистико-этнографическое описание г.Ейска Кубанской области. Екатеринодар, 1890. С.32.
21. Кубанские областные ведомости. 1896. 12 марта.
22. Кубанские областные ведомости. 1896. 15 марта.
23. Кубанские областные ведомости. 1896. 4 августа.
24. Кубанские областные ведомости. 1896. 23 декабря.
25. Кубанский край. 1913. 6 февраля.
26. Кубанские областные ведомости. 1896. 8 февраля.
27. Кубанские областные ведомости. 1898. 15 декабря.
28. ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д.3681. Л.25.
29. Кубанские областные ведомости. 1910. 7 декабря.
30. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 207. Л. 3.
31. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 2147. Л.4.
32. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1381. Л.37; Кубанские областные ведомости. 1877. 26 марта.
33. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1725. Л. 40.
34. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 438. Л. 179.
35. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1568. Л.2.
36. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 222.Л. 13-15.

37. Приазовская жизнь. 1914. 25 октября.
38. ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 432. Л. 245.
39. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 432. Л. 245.
40. Памятная книжка Кубанской области на 1911. Екатеринодар, 1910. С. 175.
41. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1725. Л.144.
42. Кубанские областные ведомости. 1896. 10 февраля.
43. Кубанские областные ведомости. 1896. 9 августа.
44. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д.300. Л.24.
45. ГАКК. Ф. 452. Оп.1. Д.300.Л.32.
46. ГАКК. Ф. Р.- 1547. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.
47. ГАКК. Ф. 460. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.
48. ГАКК. Ф. 452. Оп.1. Д.222.Л.37.
49. ГАКК. Ф. Р.-1547. Оп.1. Д.13.Л.41.
50. Ейский телеграф. 1909. 11, 15 декабря
51. ГАКК. Ф. Р.-1547. Оп. 1. Д.13.Л.35.
52. Ейский телеграф. 1909. 1, 12 ноября.
53. ГАКК. Ф. 637. Оп. 1. Д. 13.
54. Приазовье. 1911. 1мая.
55. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д.1725. Л. 191.
56. ГАРФ. Ф. ДП Д.1.Л.А. Л.9.
57. Приазовская жизнь. 1914. 12 января.
58. Приазовская жизнь. 1914. 26 января.

Н.Б.Родионова, Н.Я.Филонова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В ЕЙСКОЙ ОКРУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Уникально и неповторимо историческое прошлое Ейской округи. Ейск, в отличие от многих городов края, выросших из станиц, военных крепостей, сразу был основан как портовый город с доминирующей торговой функцией. Город Ейск находился в окружении казачьих станиц, рядом с которыми были две немецкие колонии – Михельсталь (ныне село Вронцовка) и Александровская (ныне село Александровка).

Село Вронцовка расположено в 15 км к юго-западу от города Ейска на берегу Таганрогского залива Азовского моря, на краевой автомобильной трассе Ейск-станция Должанская.

Основано село Вронцовка в 1852 году как немецкая колония Михельсталь по инициативе Наместника Кавказского, фельдмаршала, Светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова. М.С.Воронцов обратился к правительству с просьбой переселить на Кубань несколько немецких колоний, причём одну из них просил поселить близ Ейска. 20 марта 1852 года последовал высочайший указ о предоставлении вблизи Ейска земель нескольким десяткам семей из немецкой колонии Робендорфской Острогжского уезда Воронежской губернии «с целью снабжать городских жителей хорошими припасами и примером заохочивать коренное население Черноморьи к улучшению хозяйства и распространению разного мастерства» [1,с.389]. Причина переселения Робендорфской колонии – малоземелье на прежнем месте проживания колонистов[2,л.14].

В отношении графа Киселева к Наместнику Кавказскому от 28 марта 1852г. были сформулированы условия, на которых разрешалось переселение колонистов на новые земли:

1. Учредить близ города Ейска немецкую колонию первоначально из 30 семейств, затем по возможности увеличить численность колонистов до 60 семейств.
2. Земли колонистам выделить по 30 десятин на 1 семью между Ейском и станицей Старощербиновской на Широкой балке, по возможности хорошего качества, вблизи лимана.
3. Для первоначального обзаведения хозяйства колонистов выдать ссуду из сумм Черноморского войска до 175 ру. сер. для каждой семьи с возвратом денег в течение 10 лет по водворении.
4. Кроме ссуды дать колонистам льготу на 8 лет со времени водворения в платеже казенных податей.
5. Для наблюдения за порядком, решения спорных дел, контролем за «нравственным состоянием колонистов» назначить из среды старшин и выборных. Колония должна находиться в подчинении ближайшего сысского начальства Ейского округа. Главное управление колонии - Войсковое правление Черноморского войска.
6. Рыбной ловлей колонисты могут пользоваться на тех же правах, что и войсковые обыватели.
7. Винокурением или изготовлением каких-либо питей по питейному откупу, существующему в Черноморьи, колонисты права не имеют [2,л.15,16]

Колонистам было предложено поселиться между городом Ейском и станицей Старощербиновской или на Широкой Балке. Колонисты выбрали Широкою балку между городом Ейском и станицей Должанской. Отведено им было 900 десятин земли для 30 семей[2,л.17]. Границу их участка очертили плугом в 2 борозды и разметили наделы для колонистов. Свое название колония получила в знак благодарности Наместнику Кавказскому М.Воронцову за разрешение поселиться в столь благодатном крае. Князь М.Воронцов своим предписанием от 9 октября 1852г. утвердил название колонии Михельс – таль [3].

В Высочайшем соизволение от 20 марта 1852г. на переселение 30 семейств колонистов Робендорфской колонии на земли близ города Ейска определено - «без пособия, если колонисты по прибытии на место сами не будут просить о нем», так как колонисты в денежном пособии на водворение не нуждаются [2,л.18].

В колонии Михельсталь 30 десятин выделенной земли распределялись следующим образом: под усадьбы, сады, огороды- 2 десятины; под посев хлебов – 18 десятин; под посадку картофеля- 1 десятина; выгон – 9 десятин.

Так как общинная земля колонии не одинакового качества, то общество всю пахотную землю разделило на 16 поясов, обозначенных столбами. В каждом поясе двор имел свою долю пая в размере от 1 до 1,6 десятин, а во всех 16 поясах 18 десятин. Земля остальных 11 поясов делилась на 3 поля, из которых 2 находились под пашней, а третье в залежи под пастбищем для скота. На выгон бесплатно имел право выпускать каждый двор не более 15 голов лошадей и рогатого скота. Сверх этой нормы за 1 голову оплачивали в общественный доход по 80 копеек. Покос на своей общественной земле колонисты не производили, а арендовали землю на стороне [1,с.391].

К концу августа 1852года были поставлены межевые знаки. Между морем и землей, отведенной колонистам, было оставлено пространство в 150 сажень по причинам: пролегающей проселочной дороги из города Ейска в станицу Должанскую; для пристанища рыбаков; из- за захвата морем ежегодно по 2 аршина береговой земли. [4].

Депутатами от Черноморского войска для проведения отмежевания колонистам 900 десятин войсковой земли получили назначение отставной войсковой старшина Петр Галушка и сотник Бухинник. Атаманы станиц Старощербиновской есаул Гудзь и Должанской Ильяшенко при отмежевании земель обязывались присутствовать лично и смотреть тщательно, чтобы назначенная для колонистов земля была отрезана верно. Кроме депутатов из станиц присутствовали понятия по 12 человек казаков пожилых лет. План земельного участка, выделенный для колонистов, составлен Ейским городовым архитектором Бекарио. По разрешению Наместника Кавказского М.Воронцова колонистам было разрешено устроить временный молитвенный дом и отведено для духовенства 100 десятин земли, кроме 900 десятин, определенных для колонистов.

Исполнение межевых законов осуществил младший землемер Берновек в июне 1853года. Старший землемер Шапов подтвердил правильность проведенного межевания земли. Всего выделено колонистам удобной земли 1000 десятин, неудобной – 53 десятины 1488 сажень, а всего 1053 десятины 1488 сажень земли. [2,л.18].

Среди переселенцев в Михельсталь были: Христофор Адамович Богер 52 лет с женой и 5 детьми, Григорий Христофорович Богер 30 лет с женой и 3 детьми, Георг Христофорович Богер 21года, Григорий Яковлевич Богер 66 лет с женой и 2 детьми, Иван Адамович Богер 46 лет с женой и 5 детьми, Адам Адамович Богер 28 лет с женой и 4 детьми, Гаврило Иванович Шарф 28 лет с женой и 4 детьми, Амалия Ивановна Шарф 25 лет с 3 детьми [5]. В 1893 году Военный совет переименовал немецкие колонии Кубанской области в селения с русскими названиями. Колония Михельсталь стала называть колонией Воронцовской. В казачьем окружении вплоть до 1920-х годов сохранялось название «Колонка» [6]. Изначально в колонии было пять хуторов: Герман-хутор, Богер-хутор, Сёмке-хутор, Дейч-хутор и Шарф-хутор, получивших свои названия по именам владельцев. [6].

Немецкие семьи были крепкими, умели планировать своё хозяйство. Каждая семья, состоявшая из нескольких поколений близких родственников, живших компактной группой и ведущих совместное хозяйство, имела совершенные по тем временам сельскохозяйственные орудия. К началу XX века в колонии насчитывалось 32 дома и 220 жителей. Строительство села началось в 1883 - 1894 г., и первым был построен кирпичный завод. В 1895 г. началось строительство центральной улицы Воронцовки, ныне названной улицей Мира. Было построено 50 каменных домов. Планировка в каждом доме предполагала одновременное проживание 3-4 семей. Имелось несколько входов в дом или большой коридор, откуда вели двери в одну или несколько комнат. Комнаты строились не только большими, но и очень светлыми. Окна достигали в высоту 2 и больше метров. Высокие потолки украшались лепниной. Полы стелились из доски-сороковки. Снаружи каждый дом отличался особой отделкой окон, дверей, узорчатой кладью кирпича и обязательно входной въездной аркой. Под каждым домом устраивались большие и крепкие подвалы, в которых имелись ледниковые отводы (в них в соломе немцы хранили лед, в котором летом держали продукты). Подвалы поделены на секции: для овощей, для фруктов, для вина и ледниковая секция, где хранили мясо и молочные продукты.

В 1902 г. была построена лютеранская церковь, двухэтажное здание школы и домик священника с двумя входами, а также хозяйственные постройки. Все было обнесено забором. Согласно документам, массовое заселение села состоялось в 1904-1906 гг. В 1906 г. была

открыта двухклассная начальная школа, где преподавали математику, немецкий язык и Закон Божий. Почётным блюстителем был Р.А. Сёмке. Учителя школы: Э. И. Шельске, Г.Э. Якименко, Г.И. Давиденко, Ю.Ф. Линднер. В 1912 г. в этом же здании было открыто и четырехклассное классическое училище, но немцы добивались, чтобы классическое училище превратили в реальное, однако этому замыслу помешала Первая Мировая война.

Затем А.Шарф построил свой дом и подвалы перпендикулярно ул. Мира на восток и заложил ул. Абрамовку. На западе проходила ул. Самановка, где в основном строились батраки. Кроме этого батраки строились и на ул. Абрамовке. Это были маленькие, невысокие домики с небольшими окнами. Некоторые из них сохранились до нашего времени. В основе построения села, по мнению местных жителей, был крест.

Архитектура Воронцовки очень своеобразна, она строга, выдержанна, очень практична и удобна. Немцы строили добротные здания. Характерно для построек Воронцовки использование конрафорсов, типичных для традиционной немецкой колониальной архитектуры. Ряд зданий создано по типовым проектам, разработанным для города Ейска. Самыми красивыми и хорошо сохранившимися до настоящего времени зданиями являются лютеранская кирха с домом пастора, школа, мельница и комплекс зданий, принадлежавших семье Сёмке, дома Вальтера и Германа.

Немцы-колонисты на землях вокруг села заложили огромные виноградники. Сама Воронцовка утопала в садах. Немцы изготавливали виноградные и фруктовые вина, продавали их даже за границу. Мельница тоже пользовалась большой популярностью, работала без выходных, в четыре смены, чтобы обслужить и колонистов, и население близлежащих станиц и хуторов.

На паях была создана рыболовецкая бригада. Она имела свои лодки и снасти и обеспечивала всю колонию рыбой. Возили её и в Ейск, где на Рыбной площади был установлен ларь «Воронцовская рыба». В комплексе зданий, принадлежавших Иоганну Семке сохранилась своеобразная промышленная сушилка для рыбы с соляным подвалом, аналогичная имеющейся сушилке в комплексе дома купца Агабабова в г. Ейске. Кирпичный завод обеспечивал все стройки колонии и округи, выпуская добротный кирпич различной формы. В 1912 г. была построена мельница. Оборудование для нее привезли из Германии. Мельница славилась на всю округу. Немцы продавали не зерно, а муку. Перемолов свое зерно, они мололи чужое для жителей от Тимашевки до Мариуполя.

Кроме 30 десятин земли, выделенных правительством на семью, колонисты скупали частновладельческие земли в окружающих станицах. Например, колонисты Вальтеры, Шарфы, Семке, Бечеры, Лехнеры, Дейчи, Шмидты купили в юрте станицы Должанской сотни десятин у частновладельцев Ильяшенок, Кривошеевых, Дулы, Ширая, Бергера, Бовы, Чубинских, Савицких. Обрабатывали эти земли с использованием труда наемных сельскохозяйственных рабочих из числа самих колонистов, крестьян, которые ежегодно прибывали из различных губерний России на Кубань на заработки и бедноты из Ейска и станиц Должанской, Ясенской, Камышеватской.

Стиль одежды колонистов был европейским, посуда, в основном, серебряной, но были и дорогие наборы из китайского фарфора. Отдельные экземпляры ее хранятся в фондах Ейского историко-краеведческого музея им.В.В.Самсонова.

Неизвестный путешественник начала XX века так описывает колонию: «Еще издали виднеются красные крыши... Большие, кирпичные, совсем городские дома. Большие, как в городе, окна. Дома крыты железом, не ржавым, а свежепокрашенным. Сытый уют выглядывает в окна: фикусы, герань, недешевые гардины. Во дворе, под навесом — косилки, молотилки, жатки и всякий прочий инвентарь, что совсем не заметно ни в крестьянской Сонино, ни в казачьей Староминской. Еще подъезжая к колонке, впервые в жизни вижу такой способ посадки хлеба: жито растет не сплошь, а рядами, и между рядов свободный проход, четверти в две шириной,— оказывается, для того, чтобы по этим коридорам можно было ходить и выпалывать сорные травы. Сурепка в хлебу — этого колонисты не знают. Или бакши, огороды — молодые побеги покрыты сверху легким слоем прелой соломы. «Это они делают для того, чтобы подольше удержать сырость, влагу,— объясняет кучер.— Это очень хорошо от засухи помогает...» [6].

Колонисты, упрочившись на новом месте жительства, к концу 50-х годов XIXв. не принесли ожидаемых от них выгод. Поэтому наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал — лейтенант Филипсон ходатайствовал о переселении в Черноморию Таврических

колонистов из колонии Гохштет, имевших преимущества перед Воронежскими в сельском хозяйстве и мастерстве. Колонисты эти прибыли в 1860г. заселили близ г. Ейска немецкую колонию Александровскую. [1,с.315- 316].

Селение Александровское, как немецкая колония, основано в Ейском отделе, недалеко от города Ейска зимой 1859-1860гг. Немцы – колонисты, первые 20 семей, из Германии через реку Дунай и ряд государств, добрались до города Ейска, где им было разрешено занять пустующие земли, в нескольких верстах от города. Так как тогда во главе Российской империи стоял царь Александр II, разрешивший своим указом обрести немцам вторую родину, то и селение в 1861г. назвали Александровское.

Колонисты Александровской колонии, как и Михельсталь, получили по 30десятин земли на двор в общинное пользование, но обществом арендовали войсковую землю. Хозяйственное распределение земель было аналогичным Михельсталь.

В различных исторических источниках есть сведения о немцах – первопоселенцах, их потомках, проживавших в селе Александровка до начала Великой Отечественной войны. Это Бернвальд, Киндер, Нюренберг, Шельске. Немцы, будучи рачительными хозяевами, быстро обжились на новом месте. Тогда ими была заселена одна улица, нынешняя центральная, улица Советская. Немцы создали вокруг ряд хуторов, взяв землю в аренду. Так на территории нынешнего поселка Степной существовал хутор Иоганна Гюнтера Киндера. На немцев батрачили русские, украинцы, и иногородние, беднейшие казаки, пришлые из центральных губерний России. Колонисты за 10 лет, т.е. в 1870г. смогли выплатить Российскому государству взятую за землю ссуду.

Немецкие поселенцы имели с русскими лишь деловые связи, жили относительно замкнуто, но поддерживая связи, в том числе и родственные с земляками и другой колонией Ейского отдела – Михельсталь, с немцами, проживавшими в портовом городе Ейске. В связи с ростом населения колонии, возникла потребность в более просторном школьном здании. Поэтому, на свои средства, колонист Иоганн Гюнтер Киндер в 1910г. выстроил добротное по тем временам здание под школу. Немцы собрались жить в этих местах еще сотни лет, их привлекал теплый климат, черноземы, дешевая рабочая сила, относительно выгодные условия договора с Россией. В начале XX века появился фельдшерский пункт, а еще раньше, с конца XIX в., лютеранская кирха небольших размеров, как своего рода филиал Ейской лютеранской кирхи. Простые обряды отправляли как местные учителя, так и приезжавшие из города Ейска и Воронцовки пасторы. На этот счет сохранились записи в метрических книгах Александровской немецкой церкви, начиная с 1900г. и до 1918г., там часто упоминаются имена учителя Шельске, Ейского пастора Петера Гайлитт[6].

По свидетельству К.Черного все торжественные случаи в Ейском районе сопровождались пьянством. Кабак был общим приютом в праздное время, одинаково приятный как для казака, так и для инородца. Немцы – колонисты относились к кабаку с ненавистью. У них не было ни одного кабака в колониях. Единичные любители алкогольных напитков среди колонистов были, в целом же они относились к пьянству крайне отрицательно[1,с.401].

Главная повинность, лежащая на населении Ейского уезда – военная. Колонисты отбывали ее по общему уставу о воинской повинности, с льготами по семейному положению и на всем казенном содержании, а казаки по своему казачьему положению – поголовно с собственным обмундированием, снаряжением, лошадей. Окладные сборы взимались с колонистов, а повинности подводная, постоянная, дорожная и по содержанию общественных управлений и заведений лежала на всех жителях уезда. Окладных сборов колонисты платили в год: 1)оброчной подати по 2руб.58 коп. с ревизской души; 2)подушной подати по 1 руб.35 коп.; 3)общественного сбора по 34 коп.; 4)государственного земского сбора по 29 коп.; 5)поземельного налога по 1,1 коп. с десятины; 6) на губернские земские повинности по 2,8 коп. с десятины. Всего - по 4руб.56коп. с души и по 3,9 коп. с десятины земли[1,с.402].

На южном побережье Таганрогского залива ситуация оказалась иной. Колония Михельсталь была размещена примерно в 1 км от берегового обрыва, тогда как колонии Александровское и Широкой балки (позже пос. Широчанский) были основаны практически на берегу Ейского лимана. Нельзя исключать, что географические отличия размещения диктовались

желанием властей Новороссии ограничить свободу маневра ногайцам, долгое время проживавших на берегах Молочного лимана и реки Молочной.

Библиографический список и примечания

1. Черный К.Н. Ейский уезд. Статистическое описание. // Кубанский краевед,- Краснодар.1989.
2. ГАКК Ф.574. Оп.1.Д.221.
3. ГАКК Ф.252. Оп.1.Д.2398. Л.5.
4. ГАКК Ф.252.Оп.1.Д.1419.Л.1.
5. ГАКК Ф.252.Оп.1.Д.1583. Л.4.
6. Из фондов Ейского историко-краеведческого музея имени В.В.Самсонова.
7. Шах-Азиз Е. О переселении армян из Крыма // «Записки Ростовского общества истории, древностей и природы». Т. 2. 1914.

О.В.Гальченко

ИСТОРИЯ ХРАМОВ СТ. ДОЛЖАНСКОЙ

Станица Должанская – ровесница города Ейска. Но ещё с незапамятных времен эти места обживались разным людом. На рубеже XVIII-XIX веков здесь повсюду рыбачили, работавшие на богатых казаков ватаги забродников. Нравы царили полудикие, православная вера едва теплилась. Вот почему поселившийся у косы Долгой отставной казачий полковник Галушка на свои средства в 1815 г. поспешил выстроить молитвенный дом. Осветили его во имя Животворящей Троицы. Из Справочника Ставропольской епархии узнаем, что был он деревянным, на каменных столбах вместо фундамента, крыт тесом [1]. Колокола также расположили на деревянных столбах. Со временем обветшал и уже не вмещал молящихся. На станичном сходе было решено строить новый Божий дом всем миром. Сохранились и имена станичников – жертвователей на богоугодное дело: Мирный, Сергиенко, Козел, Качевский, Малый, Дейнега, Однорог, Велигура, Горбань, Беда, Гречин, Василенко, Баланда, Довбыш, Галка, Гайдадей – всех не перечислить. В октябре 1877 г. в центре станицы, недалеко от места, где ныне высится Свято-Никольский храм, была освящена однопрестольная Троицкая церковь, деревянная, но уже на каменном фундаменте, крытая железом. [1]. В церкви имелось достаточно утвари, хранились метрические книги с именами всех родившихся, брачующихся и умерших. Причт состоял из выпускника Воронежской семинарии священника отца Авраамия Кравченко (в те годы ему было 50 лет). До перевода в храм, где священником был его отец, Кравченко служил в Успенском храме станицы Новодеревянковской. Богослужения совмещал с законоучительством. Псаломщиком был сын дьячка Феодосий Тимошенко, прослуживший в должанском храме более 45 лет. Псаломщик Дмитрий Липовский, сын пономаря, после окончания Тамбовского училища послуживший в станице Ходыженской, в 1872 г. переведён в Должанскую. С 1874 г. старостой прихода состоял урядник Давыд Стрюченко, просфорницей – вдова дьячка Иулиания Тимошенко. Приход содержал сиротствующих: вдову дьякона Иосифа Голова, вдову ейского дьячка Феодосия Макаровского, детей умершего дьячка Соколова. К новому храму было приписано 1721 мужчина и 1494 женщины, проживавших в 430 дворах. Старобрядцев не было. На престольный праздник, в день Святой Троицы, съезжались гости со всех окрестностей. Природа способствовала празднику – храм выстилала зелёным ковром. После обедни и водосвятия выставлялись богатые столы.

Согласно Метрическим книгам церкви, в 1884-1885 гг. правил службы отец Стефан Дьяковский, сменил его у Престола Господня 29-летний сын Новошербиновского казака Иоанн Чёрный, являвшийся благочинным Ейского округа церковью с 1896 по 1906 годы [2]. В августе 1885 г. вторым штатным священником заступил отец Иосиф Троицкий – отец кубанского новомученика священника Григория Троицкого, с 1899 г. – диакон Алексей Попович. С 1885 г. наблюдается подъём приходских школ в Кубанской области. В 1887 г. в станице открылась одноклассная школа, заведующей которой была учительница Д. Сагайдачная, стремившаяся дать детям основательные знания.

На богоугодные дела казаки всегда делали взносы. В конце XIX столетия вдова Войскового старшины Екатерина Ильяшенко сделала ряд пожертвований в храм: на вечный помин души, на постройку здания церковно-приходской школы, на медный (200 пудов – 3,2 т.) колокол. Урядник Максим Гриппа преподнёс Евангелие и серебряный потир. В начале следующего века вдова ейского купца Матвея Грибанова Мария Григорьевна завещала церкви мельницу. К началу XX в. в станице насчитывалось 565 частных домов, более 10 общественных дворов, сеть школ. Гремела и её рыбацкая слава.

В 1900-1904 годах Слово Божие несли пастве отец Иоанн Чёрный, отец Иосиф Троицкий, диакон Василий Никифоров, псаломщики Феодосий Тимошенко, Михаил Семёнов. В 1904 г. место отца занял отец Григорий Троицкий. Менялись диаконы: в 1906 г. пришёл диакон Григорий Бешекуров, в 1907 – его сменил А. Терновский, в 1908 г. – Лев Черников, в 1909 г. пришёл священник Константин Ковалёв, затем Николай Николайченко.

На очередном сходе казаки приняли решение о строительстве нового храма, в честь Николая Угодника, покровителя моряков. «Ставропольские епархиальные ведомости» нам донесли,

что закладка церкви состоялась 19 июля 1909 г. [3]. С 1913 года белокаменный храм стал гордостью станицы. В 1900 г. на средства жертвователей Ильяшенко, Муравицких, Дженджеря, Курьсь, Гречиных, Быцай и других в ограде С-Троицкого храма возведён молитвенный дом с престолом во имя великомученицы Екатерины. В начале XX в. крупные монастыри Кубани имели в станице Должанской свои подворья: Марие-Магдалинская женская пустынь 340 десятин земли, Екатерино-Лебяжий Черноморский мужской монастырь держал на косе рыбзавод. Материальное обеспечение духовенства складывалось из сдаваемого в аренду причтового надела земли, исполнения треб, приношений, оплаты уроков.

Свято-Троицкий храм ст. Должанской

С 1911 г., согласно предписанию наказного атамана, в станичных церквях поминали убитых в 50-е годы XIX столетия в ходе Кавказской, Русско-турецких войн Ивахненко, Андрея Реву, Иакова Денисенко. Согласно Метрическим книгам, в 1913 г. священников Чёрного и Троицкого сменили другие священники - Тимофей Лысенко, Алексей Богданов и Василий Царевский [2]. Отец Тимофей Лысенко с сентября 1897 г. являлся законоучителем в станице Новоцербиновской. В 1900 г. рукоположен в иереи и до 1913 г. служил в селе Преградном, на Ставрополье. Затем перемещён в Троицкую церковь станицы Должанской. Исполнял послушания духовного следователя благочиния, законоучителя в местных школах и училище, имел множество наград. Алексей Богданов, сын псаломщика, выпускник 1897 г. Орловской семинарии служил законоучителем в Ставропольской губернии. В сан иерея рукоположен в 1905 г. С 1913 г. служил в Троицкой церкви станицы Должанской, совмещая служение в храме с законоучительством.

В 1914 г. в штат Троицкой церкви вошел отец Иоанн Краснов, ещё один будущий новомученик Кубани. Выпускник Ставропольской семинарии (1896г.), священник учительствовал в школах станицы Варениковской. С 1899 по 1904 годы служил в храме станицы Ахтырской, затем перемещён в город Ейск. По собственному прошению в 1914 г. переведен в храм станицы Должанской. Службы он совмещал с преподавательской деятельностью. Имел множество наград. В 1917 г. помимо этих священников в штате Троицкой церкви состояли диакон Михаил Светлов, псаломщик Феодосий Тимошенко, Михаил Семёнов.

В первую Мировую войну, казачество, верное долгу, ушло на фронт. Женщины и дети, ожидая своих ненаглядных «орлов», не одну сотню поклонов отбивали в храмах.

Затем, наступили годы октябрьской революции, снежным комом неся новую веру в торжество коммунистических идей. Далее все население России оказались перед выбором; и одни пошли путем безбожия, другие – путем мученичества за веру и славу Божию.

В страшном 1917 г. многие российские священнослужители и верующие люди ещё не подозревали, что им предстоит пополнить ряды новомучеников. Декретом Советской власти 1918 г. Церковь была отделена от государства. В храмах всё труднее стало отправлять богослужения. Разгоралось пламя братоубийственной гражданской войны. Готовясь к очередному второму походу на Кубань, генералы А.И. Деникин и М.В. Алексеев заслали сюда своих агентов. Так в ейском отделе появился полковник Подгорный, перед которым стояла задача свергнуть Советскую власть и впоследствии, поддержать продвижение Добровольческой армии. К весне в Ейске скопилось немало революционных отрядов, без конца реквизируявших по станицам продукты, сено, нагнетая недовольство населения. Искусно используя промахи Советской власти, Подгорный и его группа 25 апреля свергли ревком в ст. Ясенской, а затем и в других местах. По станицам стали формироваться отряды для похода на революционный Ейск. В ст. Должанской отряд казаков и примкнувшую к ним часть иногородних возглавили Шелест и Широков. На разгром «черной хмары» благословил их священник Свято-Троицкой церкви отец Иоанн Краснов. В ночь на первое мая казачьи отряды Подгорного обрушились на советский Ейск. Однако, военная удача сопутствовала защитникам города, организованным И.Л. Хижняком. Должанцам не суждено было пролить ни своей, ни чужой крови. Двигаясь к месту сражения, они сделали привал и не удержались от соблазна пригубить чарку-другую, после чего было уже не до боя. Но в Ейском ревкоме сочли нужным покарать и должанцев. Вскоре были арестованы священник о. Иоанн, станичный атаман Дорошенко, часть казачьего актива. Все они приняли мученическую смерть. Иоанн Краснов, 44-летний батюшка, был сожжён в паровой топке матросами Азовской военной флотилии за то, что благословил казаков в их поход на советский Ейск. На три года пережил о. Иоанна бывший должанский священник отец Григорий Троицкий, после Должанской служивший в храме станицы Пашковской. Он был расстрелян краевым ЧК в сентябре 1921 г. В настоящее время канонизирован как новомученик кубанский. В 1919 г. не гасли лампадки в храмах Должанской. Службы правили и молились о даровании мира священники Тимофей Лысенко, Александр Веселов, псаломщики Феодосий Тимошенко, Михаил Семёнов. Благодаря подвижникам благочестия не затихала вера в сердцах станичников. Постепенно, один за другим, все они были репрессированы. В 20-е годы в списки «лишенцев» попали «бывшие», в том числе диакон Михаил Светлов, псаломщица (так указано в документе) Свято-Никольской церкви Кристина Леурда. В 1926-27 годах Свято-Никольский храм все еще посещают около 3000 человек. (6). Духовными наставниками были священник о. Дмитрий, псаломщик Виктор Тимошенко. Обязанности церковного старосты исполнял Костенко. В это же время в Свято-Троицком храме правили службы священники о.Евгений Брянцев, о. Андрей Гончаров, диакон о.Иоанн Махно, псаломщик Павел Семенов, Никифор Приходько. Церковные священнослужители ущемлялись в правах, им было запрещено избирать и быть избранными в местные Советы.

Идеи строительства светлого будущего постепенно ослепили своей иллюзорной привлекательностью и оторвали молодёжь от заветов предков. Воинствующие атеисты решили, что к 1937 г. должен исчезнуть последний поп. Местной власти в то время было проще ликвидировать храмы, нежели сделать всех поголовно безбожниками. Из сведений должанского народного музея за 30-50 гг. XX в. узнаем, что станичники не скрывали слёз, когда власти в 1934 г. разрушали Троицкую церковь. Её крепкие брёвна пошли на колхозные нужды, иконами устилали полы в конюшне. В 1935 г. настала очередь каменной Свято-Никольской церкви. Разрушение длилось годами. С первой попытке не удалось стащить даже купол, и активисты пригнали трактор ЧТЗ. Рушить начали с колокольни. Многие должанцы, рискуя жизнью, спасали иконы, молились дома. Остатки Никольской церкви использовались под колхозный амбар. В 1965 г. на руинах выстроили Дом культуры рыбколхоза «Победа», но в ночь на 19 января 1994 г. пожар оставил от него лишь обгоревшие стены.

В период оккупации Кубани, немцы разрешили открывать приходы [Ратушняк]. Не стала исключением и станица Должанская. Молитвенный дом открылся в старой школе, недалеко от здания нынешней СШ № 5. У престола Господня в этот период служили священники о. Николай Тарасовский, псаломщик Епифан Тарасов. Осенью 1943 г., после изгнания фашистов, вновь принимает верующих Свято-Троицкий молитвенный дом, теперь уже в здании бывшей церковной сторожки. В декабре 1944 года церковным старостой Стефаном Шеремет был заключен до-

говор с исполкомом Должанского совета депутатов о взятии в аренду в бессрочное пользование здания бывшей сторожки Свято-Троицкой церкви (7). С 1949 года С-Троицкий молитвенный дом располагался по улице Октябрьской.

В начале 1959 года станичников духовно окормлял протоирей о. Евгений Толоков, церковным старостой был Барабаш. В июне этого же года его сменил священник Владимир Иванов. В период хрущевских гонений на церковь, последняя служба в Должанской состоялась в январе 1960 года. В этом же году, в августе, молитвенный дом был закрыт. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю ходатайствовал перед председателем этого Совета о снятии с учета С-Троицкого молитвенного дома. (8) Только в 1992 г. тщанием отца Сергия в помещении бывшей сторожки уничтоженного Троицкого храма начались восстановительные работы. С 1997 г. церковная жизнь продолжалась под окормлением отца Максима Волошина. Осенью того же года, ровно через 120 лет, архиерейским чином был вновь освящен Свято-Никольский храм станицы Должанской.

С 1999 г. духовным отцом прихода и настоятелем Свято-Никольского храма является протоирей Андрей Чуклин. Клиросом управляет матушка Елена, которой и родители, и учащиеся должанской СШ № 5 благодарны за знакомство с предметом «Основы православной культуры». Кроме того, при храме действует воскресная школа.

С конца марта 2008 г. усердием настоятеля и прихода начато строительство нового храма. С Божьей помощью уже заложен фундамент и цоколь на месте первого Троицкого храма. Найденную при закладке храма старинную икону должанцы расценили как благословение предков по возрождению православия на родной земле.

Библиографический список и примечания

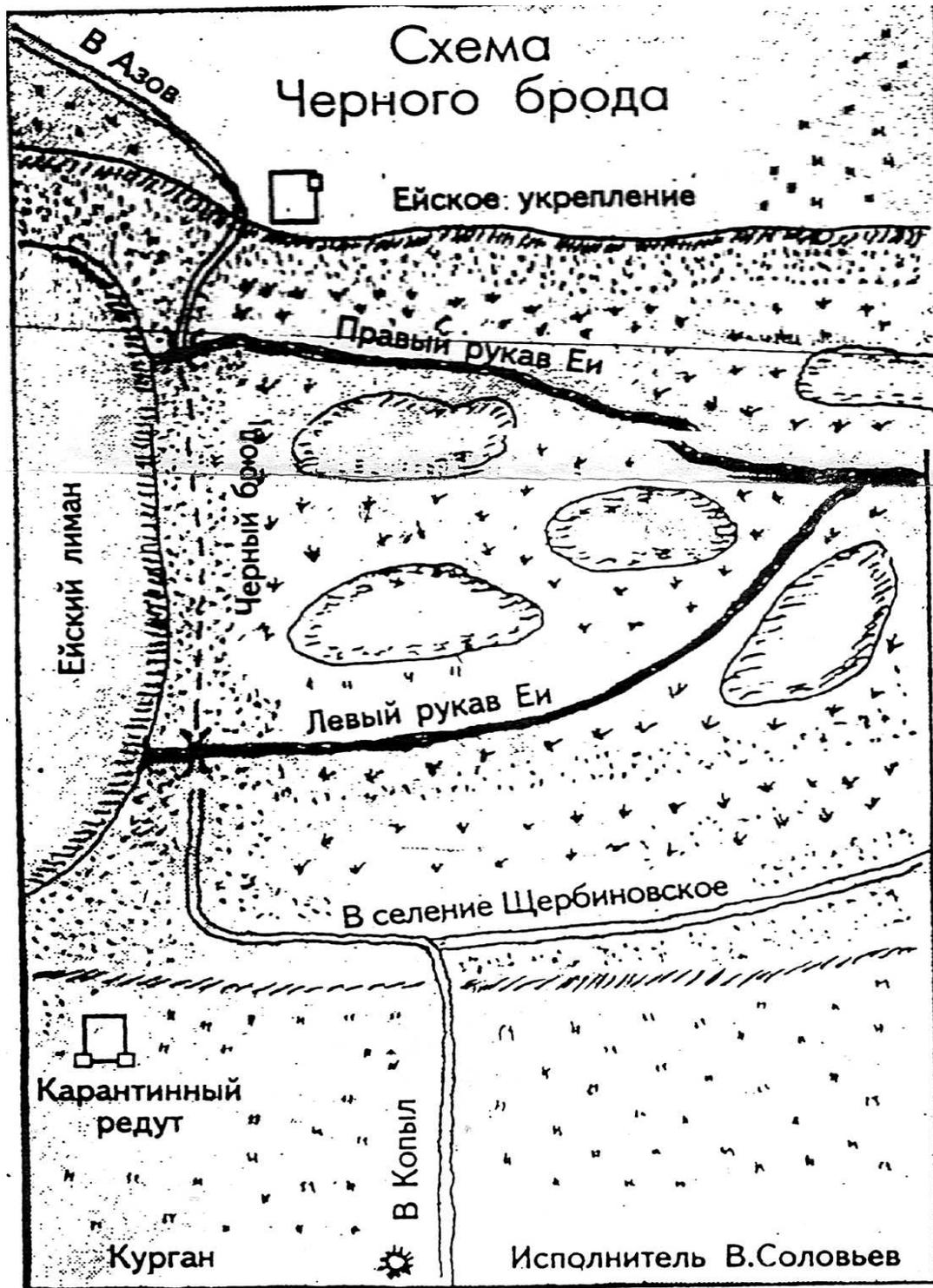
1. Справочник Ставропольской епархии на 1911г., сост. Свящ. Н. Михайлов, Екатеринодар, 1910. Историко-краеведческий музей г. Ейск.
2. Газета «Ставропольские епархиальные ведомости» №39, 1909г.-ГАСК.
3. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Под редакцией В.Н. Ратушняка. Краснодар. Изд-во «Советская Кубань». 1996.
4. Газета «Колокол православия», 19.08.2005г.
5. Метрические книги Свято-Троицкой церкви ст. Должанской с 1860г. по 1920г. Архив г. Ейска-ф.2, оп.1, д.59-80.
6. ГАКК Р-692, оп-1, д.31, л 23)
7. ГАКК, Ф.Р-1519, оп.2, д-298, л-8, л- 62
8. ГАКК ФР-1519, оп-2, д- № 298, л-60

СВЯТОЕ МЕСТО! ЧЕРНЫЙ БРОД

Бои, походы, ранения, чины, ордена... Много менялось в жизни казаков Черноморского войска, неизменным оставалось лишь трепетное отношение к земле. Поэтому богачи, владевшие большими стадами скота и табунами лошадей, старались получить всяческими путями ее в тех краях, где земля еще не была захвачена помещиками. И вот 30 июня 1792 года императрица Екатерина Великая подписала Жалованную грамоту о землях на Кубани и Тамани, за что казаки-черноморцы обязаны были нести пограничную стражу «от набегов народов закубанских». Не теряя летнего времени, казаки-черноморцы сразу же начали готовиться к переселению на пожалованные земли. Пешие, в основном состоявшие из бедноты, забубенных головушек, в количестве 2813 человек прибыли на Тамань морским путем 24 августа 1792 года. Конница же в составе двух пятисотенных полков с обозом и таким же количеством пехоты под командой кошевого атамана Захария Чепеги 2 сентября того же года покинула Украину и направилась на Кубань. Прodelав огромный путь вдоль двух морей, черноморцы в 20-х числах октября 1792 года прибыли к российскому форпосту — Ейскому укреплению, которое в те годы зачастую называлось «крепостью», хотя его фортификационные сооружения и были устроены только из земли. Сделав краткий привал в степи у Ейского лимана, черноморцы по старинной Азово-Копыльской дороге (ныне улица Ленина) прошли мимо западного фаса оборонительного рва Ейского укрепления, спустились с береговой террасы в пойму Большой Еи, разделявшейся в ее устье на два основных рукава (правый и левый), через которые еще в древности были проложены неглубокие броды. Люди ратные или торговые, попав в эти места, всегда интересовались, почему это место называется Черный брод? Так и в начале января 1778 года новый командующий Кубанским корпусом генерал-поручик Александр Васильевич Суворов, направляясь из Азова в Копыл (ныне Славянск-на-Кубани), интересовался у конвойных казаков войска Донского: «А почему переправа через устье Большой Еи называется Черный брод?» В ответ донцы рассказывали, что они об этом броде слышали еще от своих дедов, ветеранов кубанских походов. Через этот брод закубанцы, татары или ногайцы угоняли людей, захваченных при набегах на донские и российские земли. Если до реки Большая Ея несчастные еще надеялись, что казаки могут их отбить у коварных степняков, то после переправы через Ею на земли, принадлежащие кочевникам и туркам, они этой надежды лишались, ибо для них тут начинались черные дни рабства.⁽¹⁾ Оставив позади Черный брод, черноморцы во главе с кошевым атаманом Захарием Чепегой вышли к обрывистому левобережью Большой Еи, где на овальном мысу возвышались валы небольшого редута, вошедшего в историю как «Карантинный редут». Укрепление это было построено русскими военными инженерами и мирными ногайцами для охраны Черного брода, по которому и делали набеги степные и закубанские разбойники на донские станицы и селения южных губерний России. Несколько ранее повелением союзника России калги Крымского ханства Шагин-Гирея возле устья правого рукава Большой Еи было построено ногайцами и казаками небольшое укрепление, которое вошло в историю под наименованием «Шагин-Гирейский базар». А так как это место на государственной границе оказалось довольно оживленным, то здесь сразу же поселились донские казаки, а затем и торговые люди из числа русичей, греков и армян. В конце 70-х годов XVII века «базар» был перестроен в укрепление, которое в 1778 году было А.В. Суворовым усилено и названо «крепость Ейская» История сохранила рапорт кошевого атамана Черноморского войска армии бригадира Захария Алексеевича Чепеги о том, что он со своей командой, перейдя Большую Ею по Черному броду, прибыл 23 октября 1792 года на земли, пожалованные войску императрицей Екатериной Великой. Тогда же З.А. Чепега после переправы через Черный брод осмотрел справа от старинной дороги фортификационные сооружения Карантинного редута и его артиллерийское вооружение. Учитывая, что в редуте казаков разместить было нельзя, ибо в нем стояли российские солдаты из состава гарнизона Ейской крепости, как ее иногда называли, З.А. Чепега повел свою команду в урочище Чебакля, где было большое земляное укрепление — Ханский городок, несостоявшаяся столица автономного княжества Кубанского, на месте которого был основан город Ейск.

1. Ейский краевед Н.В.Бельцев, в своих исследованиях делает вывод, что свое название Черный Брод получил из-за необычного черного грунта, узкой полосой выступавшего над гатью, по которой и осуществлялась переправа.

Готовясь к зиме, казаки вырыли в валах городка землянки, а в деревянном двухэтажном дворце построили походную церковь. В те дни З.А. Чепега своим ордером повелел бунчуковому товарищу армии капитану Федору Бурсаку, будущему войсковому атаману, принять по описи у коменданта Ейской крепости секунд-майора Андрея Война ханские хоромы в Ханском городке, а на Ейской косе — соляные амбары. Тогда же З.А. Чепега предложил коменданту А.Войне таможенную заставу в Карантинном редуте снять, а стоявшие в нем казенные дома оставить

для размещения казаков, скорее всего многодетных. В ответ комендант предложил З.А. Чепеге по этому вопросу обратиться к командиру Кубанского корпуса бригадиру Щербатову, а так как в редуте стоят и пушки, то ему следует обратиться к Таврическому военному губернатору генералу Жегулину.

Ответы начальства, судя по сохранившемуся документу «О принятии по описям Карантинного редута и казенных строений», были положительными, хотя и с некоторой волокитой. В июне 1793 года, после того как атаман Чепега с двумя полками конницы покинул Ханский городок и направился к Усть-Лабинской крепости, чтобы начать установку по реке Кубани государственной границы, комендант А.Война направил в его адрес письмо с предложением направить в Ейскую крепость казачьего офицера для приема черноморцами у коменданта Карантинного редута. В ответ З.А. Чепега сообщил, что для решения этого вопроса он направил в Ейскую крепость войскового полковника Семена Письменного, который вскоре сообщил З.А. Чепеге, что он «во исполнение данного мне сего течения в 19 числа под № 152 ордера, именно: в состоящей на войсковой Черноморской земле Карантинном редуте с порученной мне командою вступить и открыть в нем полковую паланку (округ. — В.С.), в котором и с заступлением сего числа в вышеозначенный редут принял все по описи значимся в свое ведомство благополучно, так же и открыл в нем навсегда для общей войсковой пользы Ейскую полковую паланку, о чем вашему высородию и рапортую». Судя по сохранившимся документам, казаки-черноморцы еще ни войскового города, ни куренных селений-городков не закладывали на местности, а ныне крепко забытое селение у Карантинного редута уже было. И если о Ейской полковой паланке, которую войсковой полковник Письменный разместил в казенных селениях Карантинного редута, некоторые сведения и сохранились, то об упомянутой Ейской слободке почти никаких сведений нет. Основав в Карасунском куту город Екатеринодар, З.А. Чепега 13 сентября 1793 году предписал Письменному, что «если жители на Ее (слободке. — В.С.) и Ейской косе не вмещаются в одно селение «против кута Ейского», то селить их повыше оно по течению реки Еи с левой стороны». Это письмо было Чепегой написано в ответ на рапорт Письменного о том, что у основанной им в Карантинном редуте полковой паланки поселились пришлые с Украины люди, которые уже основали у бывшего редута небольшую слободку. В те же дни Письменный сообщил Чепеге, что казаки Ейской паланки обратились к нему с просьбой дать им разрешение на вырубку леса, видимо в прикубанских лесах, на хозяйственные нужды. А о том, что казаки-переселенцы строились в паланке и слободке, говорит рапорт Ейского окружного правления, в котором отмечено, что «казаки в местечке Ейском на площади по правой стороне дороги до города Екатеринодара... просят разрешить им строительство погребов на льду». Что касается основания куренного Щербиновского селения, то войсковой судья армии полковник Антон Головатый в мае 1795 года писал армии подполковнику Евтихию Чепеге, начальнику Ейского округа, следующее: «Когда прибудет к вам господин областной землемер для производства размежевания на окружной город места, рекомендую вашему благородию показать ему оное повыше нынешней паланки, разбить план к строению церкви, лавок и домов». Что и было исполнено, вскоре Евтихий Чепега доложил, что в Щербиновском селении значится мужского рода 157 человек, а женского — 109 душ. Тем же летом канцелярия войскового атамана записала, что «на речке Ее у Черного брода, где и местечко Ейское, из селения Щербиновского обществом выстроен церковный мост, на коем взыскивается на церковь проезжающих партий мирских людей от воза пяти, легкого по три, а от рогатой скотины по деньге...» В заключение замечу, что, судя по картам Российского Генерального штаба, осмотренным мною в Центральном военно-историческом архиве, Черный брод был у Карантинного редута, где позже возникли Ейская паланка со слободкой, разобранных казаками в начале позапрошлого века. Если судьба забросит вас в станицу Старощербиновскую, то выберите время, чтобы пройти на запад в сторону кирпичного завода, и с высоты левобережья Большой Еи, в этом месте пересохшей, посмотрите на север в сторону села Ейское Укрепление, откуда по Черному броду провел своих казаков-черноморцев соратник великого Суворова атаман Черноморского войска З.А. Чепега. Напомню, что именно здесь, севернее кирпичного завода, был и церковный мост, переброшенный через левый рукав Большой Еи. На этом месте и следует установить памятный знак атаману Захарии Чепеге и его казакам-черноморцам, прибывшим сухим путем 23 октября 1792 года на земли Кубани, пожалованные им императрицей Екатериной Великой.

В.М. Амельченко

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ «ЧЕРНОГО БРОДА И КАРАНТИННОГО РЕДУТА»

Судя по конфигурации Ейского лимана, в районе Ейского Укрепления долина р. Ея имела в прошлом минимальную ширину (рис.1). Сейчас это четыре километра при максимальной ширине лимана в 12 км. Поэтому сооружение переправы именно в этом месте было рациональным решением, а выбрано было, вероятно, еще в скифские времена. При меньшей длине всей трассы переправы меньше была длина гатей на дороге через реку, которые надлежало ремонтировать после каждого половодья и во время эксплуатации. Проще было восстановить небольшой мост через главное русло.

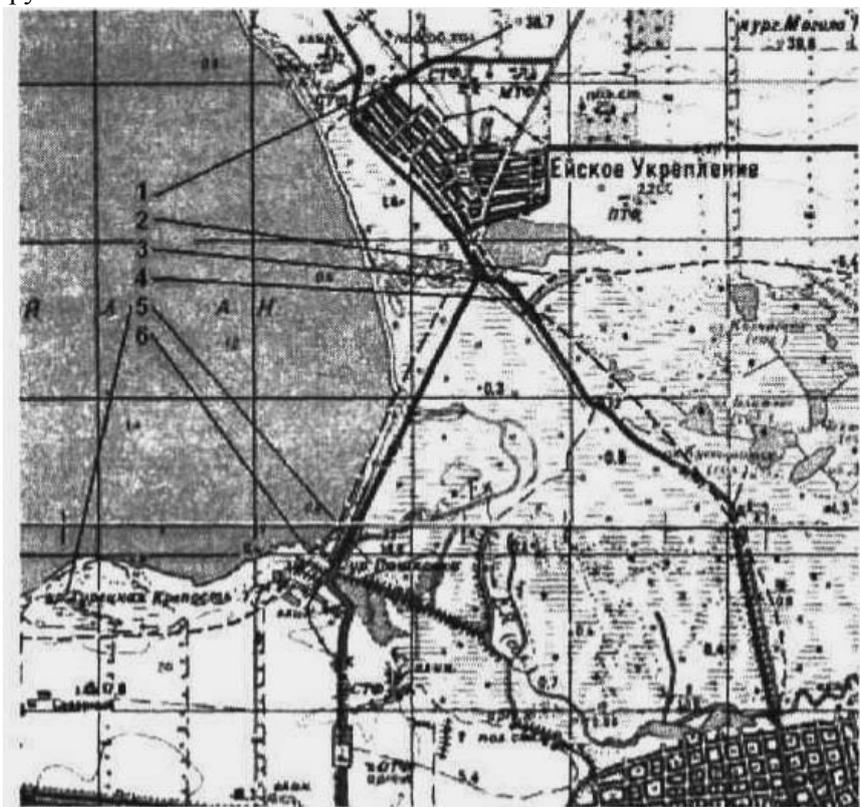

Рис. 1. Карта окрестностей пос. Ейское укрепление и Черного брода. Номерами помечены: 1 - Суворовский курган 2 - Восточный пост базара (торжище у дороги из крепостицы «Шахин-Гирейский базар» в турецкую сторону) у колодца 3 - Территория базара 4 - Южный пост базара 5 - Топографические следы Карантинного редута (урочище Турецкая крепость и урочище Пашковка) 6 - Пашковский подъем на левый берег. Черным пунктиром обозначены обе трассы Черного брода через Ею, существовавшие вплоть до 1930 года и позже.

Вода Еи разделялась здесь между многочисленными протоками, которые большей частью преодолевались вброд. Топкие места без водотока преодолевались по вымощиваемым гатям. Гать - это мостовое сооружение через болото или глубокое топкое место на реке. Она устраивается из пучков прутьев кустарников (фашин), настилаемых над трясинной и послойно засыпаемых грунтом. Такой слоеный «пирог» из прутьев и грунта делается такой толщины, при которой уже у сооружения появляется несущая способность для проезда повозок и всадников, для прохода

пешеходов и прогона скота. Такое сооружение легко повреждается во время паводков речными потоками, теряет плавучесть и прочность из-за гниения и намокания древесины прутьев, вымывания грунта из тела гати. Переправа через реку Ею у Ей Укрепления, видимо, существовала издавна, поскольку проходил в этом месте еще и сухопутный торговый путь. Этот торговый путь к древнему городу Танаису помечен многочисленными археологическими находками - гелонскими бронзовыми изделиями, в частности, пуговицами и слитками бронзы, которые являются частыми находками у Ейского полуострова. Вероятно, сухопутный путь дублировал водный торговый путь по Дону-Танаису. Об этой переправе кроме легенд и страшного названия ничего более не известно. Подобных описаний нет, хотя события здесь происходившие, достойны памятника. На левом берегу у Черного брода сейчас расположен неприметный курганчик с кустом и окопом на вершине. Рядом валяется бетонный столбик с непонятной, наполовину сбитой надписью. Мало того, совсем рядом расположен топонимический памятник крепостицы, прикрывавшей Черный брод на левом берегу Еи. По соседству с урочищем Пашковка расположено урочище «Турецкая крепость». Не повезло Карантинному редуту. По документам был он построен в 1775-1776 годах на возвышенном мысу левобережья Еи. [1] Были у него подъемные ворота, наверное, вал со рвом, рогатки, хоромное строение на восемь покоев для гарнизона, артиллерийская казарма-арсенал, две караулки, четыре чугунных пушки... Согласно энциклопедическому словарю, построен он был ногайцами Едисанской орды. [2] Представлял собой квадрат 30x30 сажен. По углам южного фаса были насыпаны бастионы. Ворота располагались на западном фаса - в сторону продолжения торгового пути. Калитка была в северном фаса - в сторону реки. Валы редута были видны вплоть до строительства на его месте Щербиновского кирпичного завода. В начале 1777 года в редуте разместился гарнизон из состава российских войск, стоявший в Ей Укреплении. Здесь же находились карантинная и таможенная заставы. Ф.Я. Бурсак стал первым комендантом Карантинного редута от Черноморского казачьего войска. У валов редута было основано первое селение Черномории - Ейская слободка, позже переселенная в Щербиновский курень. Цель переселения очевидна - предотвращение эпидемий, распространявшихся вдоль торговых путей. Для подтверждения осознания нашими предками «чумной» опасности приведу цитату из романа-хроники «Слово и дело» В.Пикуля: *«Ладно, - отчаялся Миних. - Отсылайте с гонцом... Гонца на полном скаку остановили возле карантина: - Стой! Слезай... или стрелять учнем. Вышли из кордона офицеры гвардии с чиновниками. Письмо фельдмаршала было прошито ниткой на манер тетрадки, и для красы Миних обвил его ленточкой голубой, душистой. - Возись тут с ним,- сказали карантинщики недовольно. Первым делом распорол тетрадку. Нитку от нее, заодно с ленточкой, в печку бросили. Работали чиновники в воцаных перчатках. Перепрелый пар кисло шибал от чанов. Распотрошив письмо, безжалостно его совали в укус. Потом листы реляции Миниха держали на вытянутых руках перед писцом. А писец, бумаги Миниха не касаясь, лишь взглядывая на нее, проворно снимал копию. Копию он снял, и тогда оригинал письма Миниха сожгли. - Перекидывайте... теперь можно, сказал чиновник.*

Офицер гвардии взял копию письма и листы этой копии обмотал вокруг стрелы. Стрелу приладил к тетиве лука татарского - выстрелил. Стрела с невучим стоном перелетела через кордон. А там, уже по другую сторону карантина, письмо снова запечатали. Иной курьер вскочил в седло, сунул реляцию за пазуху и поскакал! А гонца от Миниха раздели всего, обкурили, в землянку черную засунули и дверь запечатали..[3, с.372-373]. Если за каждым человеком, за каждой вещью со стороны, где свирепствовала эпидемия, стояла Смерть, как могло все войсковое поселение вместе с правительством и с самим атаманом войска разместиться в Карантинном редуте? Можно предположить, что правительство с атаманом Чепегой решило зазимовать у Карантинного редута, опасаясь набега татар. Однако, вскоре, осознав опасность иного рода, осмотревшись и пообвыкнув, принимают решение, несмотря на надвигающуюся зиму, переселиться к Ейской косе, в урочище и к редуту Чебаклее.

Серединой XVIII в. датируются пришедшие из южных стран в Россию эпидемии оспы и чумы. В 1761 г. Екатерина II прививает себе и сыну Павлу оспу и этим примером сохраняет множество народа от гибели. Как видите, борьба с эпидемиями - дело общегосударственное и основателей Карантинного редута на древнем торговом пути надо бы знать. Название у Карантинного редута получается еще более оправданным, как и время его сооружения и организации каран-

тинного контроля на торговом пути. Кстати, если торговый путь продолжал функционировать во время переселения Черноморцев, то понятно предостережение атамана селить войсковой люд не совсем рядом с Карантинным редутом, но выше по реке. Больно уж место было опасное! Ейское укрепление построено как форпост у правого берега р. Еи на границе России и Османской империи, но позже перестроен по приказанию и инженерному проекту А.В. Суворова. Исторический суворовский курган сохранился, а само Ейское укрепление, к сожалению, попало под поселок и восстановить его местоположение мы пока не можем. А предположительно мест этих будет два: первоначальное на краю обрыва правого берега реки и отнесенное от обрыва по указанию А.В. Суворова на дальность шрапнельного выстрела из пушки. Удаление от края обрыва, наверное, составляло не менее пятисот шагов, а может быть и поболее.

Чтобы определить точное местоположение редута, нужны археологические раскопки. Переправу, именовавшуюся прежде «Черный брод», с неизвестного времени защищали на выходах из поймы два двухбастионных редута: у обрыва правого берега (русский берег) и у обрыва левого берега (турецкий берег). Правобережный редут есть на планах и привязан к другим оборонительным сооружениям. Левобережный редут, неизвестно с какого времени, получил название «Карантинный».

К Карантинному редуту до сих пор сохранился подъем на обрыв, датированный автором настоящей статьи, находками - пуля к двухнарезному штуцеру и царские монеты от 1738 и 1741 гг. Редуты могли защищать ранее описанные мосты через рукава р. Еи. За истекшее со второй половины XVIII в. время произошли столь разительные изменения в строении устьевой области р. Ея, что даже дотошные историки, опираясь на документы тех времен, не могут с уверенностью ответить на простые, казалось бы, вопросы. Е.А. Котенко разыскал в РГВИА подлинный чертеж Ейского Укрепления, разработанный А.В. Суворовым лично в 1778 г. [4]. Однако, этот документ, при всей своей несомненной ценности, не снимает с повестки дня вопрос - кем, когда и на каком месте был построен предыдущий редут, который Суворовым был забракован. Да и местоположение суворовского редута необходимо привязать к реальному рельефу ныне существующего поселка Ейское укрепление. Важно также уточнить время и обстоятельства, при которых суворовское укрепление было скрыто или уничтожено естественными процессами.

Выше уже упоминалась карта устьевой зоны р. Ея 1930 г., на которой видны две дороги, пересекающие ее пойму. Однако вполне резонно предположить, что могли быть и другие переправы, тем более что широкое освоение земель правобережья, входящих в состав Ростовского уезда Азовской губернии, началось раньше мероприятий по освоению Кубанской области. К тому же, согласно Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г., на правобережье Еи, помимо Ейского, были возведены и другие укрепления. Соответственно, между укреплениями должна была существовать система конных дозоров, а в дополнение к ним - явные и тайные броды для решения разведывательных и иных боевых задач. Большой интерес представляет их выявление на старинных картах и по архивным документам. Необходимо также установить, где, конкретно на левом берегу р. Еи располагался Карантинный редут, прикрывавший Черный брод. Н.В. Бельцев считает, что это место находилось на левом берегу в середине станицы Старощербиновской [1]. Я же придерживаюсь мнения, что оно в шести километрах ниже по реке за характерным изгибом подножья поймы, у подъема на крутой берег. Известно, что Тамань и Азов с древнейших времен связывала сначала полевая дорога, впоследствии, уже в турецкое время, оборудованная в соответствии с военно-инженерными требованиями. Эта стратегическая магистраль пересекала р. Ея гораздо южнее устьевой зоны.

Где же располагался мост через реку, который, по свидетельству Ф.А.Щербины, в начале XVIII в. бригады некрасовцев по повелению керченского паши ремонтировали в целях приготовления к перевозке военных грузов в условиях надвигающейся очередной русско-турецкой войны? Соответственно, следовало бы выяснить местоположение подъездных дорог между мостом и устьем реки на противоположных речных берегах. Раскрыв некоторые из перечисленных вопросов, мы могли бы с большим основанием осветить обстоятельства противодействия русскими войскам нападению Девлет-Гирея в марте 1773 г. Он прорывался от Лабы и Прикубанья в Крым.

Наконец, открытым остается вопрос, где в течение трех месяцев 1792 г. стояло Кубанское казачье войско до ухода в урочище Чебакля. На рис. 2 приведен фрагмент карты Управления

военных топографов 1930 г. На нем можно видеть обе трассы Черного брода через реку. Начинаются они от развилки ниже Ейского укрепления.

Рис 2. Фрагмент карты 1930 г. с трассами Черного брода

Короткий маршрут пересекает реку и ведет к ближайшему берегу на левобережье. Более длинный маршрут заметно длиннее, но он является кратчайшей дорогой к середине станицы Старощербиновской. На карте показано одно главное русло реки, которое каждый из маршрутов пересекает один раз. Подобная топография предусматривает по одному мосту на каждом маршруте. По свидетельству очевидцев, не так давно земснарядом были выдернуты сваи деревянного моста в урочище Пашковка. До сих пор торчат сваи деревянных опор на прорытом канале выше по реке от насыпи, расположенной примерно на втором маршруте. Канал идет от вторых шлюзов в сторону Пашковки. Это свидетельствует о существовании в разное время двух мостов в данном месте. Называется оно местными жителями “Тарапунькин мост”, хотя от мостов остались одни следы (сваи опор и насыпи подходов с двух сторон канала).

Н.В. Бельцев приводит рапорт главы Ейской паланки полковника Письменного кошевому атаману о сношении «низовкой» обоих мостов и прерванном движении через брод [1]. Снесенные мосты в рапорте названы Ейским и Пашковским. На современной карте урочище Пашковка расположено на коротком первом маршруте брода у левого берега. У противоположного берега на земле Донского казачьего войска располагалось урочище Соколово. Следовательно, можно предположить, что маршрутов через брод при Письменном было тоже два. Что на каждом был мост через главное русло, но река перед впадением в лиман прижималась тогда к левому борту речной долины в урочище Пашковка. Что снесены были оба моста и на первом (Пашковский) и на втором (Ейский) маршруте через Черный брод. Название второго моста (Ейский) следует отнести к расположенному будто бы там Карантинному редуту.

На самом деле назначением Карантинного редута было запирать и охранять единственную трассу Черного брода с одним или двумя мостами, с гатями через топкие места и бродами через мелкие протоки. На левом берегу, как и редут, но выше по реке по ордеру кошевого атамана была основана Ейская украинская полковая паланка (военное поселение), названное затем Окружным городом Ейским. (Смотри Ордер кошевого атамана Чепеги полковнику Письменному “о расселении войсковых жителей против кута Ейского и повыше онного по течению реки Ея с левой стороны”).

Если же предположить, что маршрут у брода был только один, а второй был проложен с ростом станицы Старощербиновской, то название второго моста (Ейский) следует будет отнести к расположенному рядом укреплению Ейское. Дополнительное предположение состоит в том, что, вероятно, Ея впадала в лиман двумя устьями у правого и у левого борту долины и на обоих

были мосты. Эти мосты, находясь на устьях в узкой части долины реки, низовой погоде были в равной степени подвержены, поэтому и были снесены без возможности восстановления.

Библиографический список и примечания

1. Н.В.Бельцев. Портовый город Ейск в истории Черноморского казачьего войска (1792-1860), Ейск, 2001 г.
2. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997
3. Пикуль В. Слово и дело. М. Вече. 2006.
4. Котенко Е.А. Основатель Ейска Воронцов. Ейск «Юг Полиграф. 2009.

Л.А. Мясникова.

КАЗАЧЕСТВО В ИСТОРИИ ЕЙСКОГО ПРИАЗОВЬЯ И СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА

История Ейского Приазовья замечательна тем, что на его просторах произошло становление административной системы Кубанской области, неотъемлемой части Российской державы. С момента переправы через р. Ея в октябре 1792 г. самого многочисленного отряда казаков черноморцев под руководством кошевого атамана З. Чепеги начался отсчет истории кубанского казачества. Для казаков-организаторов и устроителей Кубанского края Ейская земля стала главными входными воротами на Кубань, а Ханский дворец на Ейской косе – первой казачьей столицей.

По разным причинам ейские страницы казачьей летописи не получили достойного отражения в истории Кубани. Не стала казачья история популярной и у жителей города Ейска. Имея достаточный интеллектуальный потенциал, лучшие представители творческой интеллигенции могли бы своевременно изменить сложившуюся ситуацию и не допустить забвения важнейших исторических фактов, связанных с ейским казачеством. Возвращенное более чем за столетие неприятие казачества и до настоящего времени продолжает жить в умах многих ейчан. Главная причина - расстановка приоритетов в исследовательской деятельности, идейная направленность которой складывалась не в пользу казачества.

Строительство города Ейска, осуществлявшееся на казачьей территории, было не совсем обычным. Он строился по особым планам и с особыми целями. Этот факт в первую очередь привлекал внимание историков и краеведов. Становлению портового города требовались силы способные быстро организовать городское хозяйство и вести торговые дела. Казачество по своему образу жизни и навыкам не подходило для решения актуальной задачи развития внутренней и международной торговли хлебом и другими товарами, в том числе и со странами Средиземноморья. Только активизация торгового обмена между регионами и странами могла способствовать возрастанию доходов населения и кубанской казны. Для привлечения во вновь строящийся город купцов, торговых агентов, инженеров и техников, ремесленников российской, а главное кубанской казачьей властью были приняты неординарные решения. Требовалось не только построить город, регулярная планировка которого существенно отличалась от других городов Азово-Черноморского побережья, но и обеспечить работу пристани. Казаки Ейской округи оказались не в состоянии влиять на различные обстоятельства, связанные со строительством нового города. К тому же, лишившись своих земель и выгодных рыбных ловлей, они часто не ладили с горожанами, оставляя о себе в истории негативную память.

Еще одной и не менее существенной причиной непопулярности темы казачества являлась политика молодого советского государства. Происходившие в 20-50-е годы XX в. кровавые и противоречивые эксперименты большевистской власти по раскулачиванию, расказачиванию и превращению части крестьянства в пролетариат, отбили охоту у исследователей к изучению темы, ставшей опасной.. Делая особый акцент на ярких особенностях развития молодого города, его необычном для казачьей округи менталитете, историки и краеведы советского периода находили темы исследований, лежащие вне плоскости изучения взаимоотношения города и казачьей округи. С образованием СССР и введением в общественно-политический оборот понятия «советский народ», тема казачества и казачьей культуры потеряла вообще свою актуальность. Постепенно не одно поколение горожан было воспитано на убеждении, что «Ейск - сам себе голова», а казачество, активно укреплявшее свои позиции в окрестных станицах и хуторах, не имело никакого отношения к самобытному купеческому городу. К тому же, в официальных документах того времени было прописано, что Ейск не казачий город. Этим, видимо, подчеркивались основные задачи и функции торгово-промышленного социалистического города. Данный факт историки и краеведы советского периода использовали как руководящую идейную установку, вкладывая в него дополнительный смысл, формируя мировоззрение горожан. А некоторые исследователи, по устоявшейся традиции, и донныне используют упомянутую идеологическую парадигму в своих работах.

В настоящее время на Кубани активно осуществляются мероприятия по возрождению казачества. По мнению автора следовало бы говорить скорее о возрождении казачьей культуры. Но в Ейске неприятие казачьей истории все еще продолжает жить. На современном этапе существования разных, нередко полярных социально-политических концепций, правомочность отрицания актуальности возрождения казачьей культуры в городе подвергается сомнению многими краеведами. Поэтому к истории Ейского казачества, переосмыслению его роли в истории Приазовья сегодня обращается их пристальное внимание. Эта тема неоднократно поднималась в таких газетных публикациях местных краеведов, как «Казачество в Ейской истории» [1], «Не остаться за бортом истории» [2] «Первый атаман был вторым» [3], «По казачьему следу от далеких времен» [4], «Этот загадочный Черный брод» [5], и др. Исследователями выявляются документы, подтверждающие достаточно тесное взаимодействие и взаимосоотрудничество казачества Ейской округи и горожан. Изначально город Ейск в истории Ейского Приазовья был и остается средоточием не только торговой, но и общественной жизни. Казаки растили хлеб, ейские купцы его продавали, при этом неизбежно вступая в экономические отношения. Трудно поверить, что казачество никак не участвовало и в социально-политической жизни Ейска. Общеизвестный факт, например, что полицейскими в городе были исключительно казаки. К тому же, казачий центр Ейского отдела не единожды размещался в городе.

Теперь уже прошло более 160 лет от начала образования Ейска и время само внесло существенные коррективы в историю вопроса о причастности к его развитию казачества. Казаки станиц Ясенской, Должанской, Щербиновской, прошедшие через пламя Гражданской войны, жесточайшие репрессии предвоенного периода, участвовавшие в кровопролитнейшей Отечественной войне меняли свои взгляды и уклад вместе с Кубанской областью и всей страной. В этом противоречивом процессе происходило породнение с горожанами. Многие станичники давно составили основную часть жителей Ейска, став женами и мужьями бывших «чистокровных» ейчан. И в этом легко убедиться, если заглянуть в метрические записи своих предков, в которых каждый с легкостью может обнаружить казачьи корни.

А в самом деле, что мы подразумеваем, когда говорим сегодня «казачий Ейск или не казачий» - людей или город, как архитектурный комплекс? Факт самобытности в строительстве молодого, портового города действительно неоспорим. Но как тогда, так и сейчас прежде всего люди определяют характер города, уровень развития и его историю. Но если более половины жителей города, даже и не подозревая об этом, являются потомками казаков, можно ли вообще исключать Ейск из той истории, которая получила на Кубани статус «Великой». По мнению автора, следует говорить о самобытности города, об уникальном и замечательном архитектурном облике, но классифицировать его по схеме «казачий или не казачий», вряд ли стоит. На то есть причины. Пускаясь в рассуждения о казачестве необходимо обратиться к уточнению некоторых важных социально-этнических понятий. Например, что предполагаем мы, когда ратуем за возрождение казачества, если ученые нам говорят, что казачество ни отдельный народ, ни сословие, ни субэтнос. Кто вообще они такие - казаки?

Казачество - это критерий скорее духовного понимания, чем национального или территориального. И хотя предлагаемые понятия из области виртуальных, они только и могут дать наиболее точные ответы, как о природе самого казачества, так и о его духовном наполнении. В истории России казачество - «надежда и опора престола», всегда рассматривалось, как явление уникальное. Для казачества характерно отсутствие четкой групповой идентичности. Известны случаи, когда и обрусевший татарин вполне мог стать казаком. Но далеко небезобидное и немиролюбивое казачество было овеяно легендами и восхищением народа, прежде всего, за его нравственные принципы и идеи - за верность служению православной Вере, Царю и Отечеству, за генетически присущий казачеству «державный дух». Однако, что самое важное, даже не будучи отдельным народом, казачество все же являлось социальным слоем, носителем реальных культурно-этнических признаков, сыгравших важную роль, как в сохранении самого казачества, так и его роли в истории России. И одним из этих ярчайших признаков этнической общности казачества являлось его самосознание, возвращенное в веках на лучших принципах Евангельских истин и которое генетически бережно сохранялось казаками и практически неповрежденным было вынесено к рубежам XX столетия. Теперь уже, ввиду подмены многих понятий, в умах советских

людей произошедшей в смутное советское время, очень мало кто действительно в этом хорошо разбирается. В пору активных и повсеместных попыток возрождения казачества хотелось бы быть честным, некоторые притязания на статус отдельной этнической общности, нередко наблюдаемые в современной среде казачества, несостоятельны. В полном смысле сути и содержания (его духовного содержания) возрождение казачества теперь уже невозможно. За годы власти большевиков социальная структура казачества претерпела необратимые изменения. Тенденции к возврату лишь внешних атрибутов казачьей культуры и главным образом тех, которые еще могут поработать на современную политику и ее «державность», малоутешительны.

Посмею предположить, что актуальность вопросов возрождения и вступления современных казаков в казачьи общества это, прежде всего, ностальгия по утраченным высоким идеалам древнего воинского братства, укладу и образу жизни, культуре, сохранявшей общечеловеческие нравственные ценности. И это автора искренне радует. Что плохого в том, что казачество на Кубани провозглашается национальной идеей? Скорее всего, на генетическом уровне многие кубанцы несут в себе то бесценное богатство, которое отличало казачество от многих иных народов. Зная критерии исторического самосознания казачества, есть к чему стремиться современному и развращенному светскому обществу. И потому, не рассматривая казачество как особый народ или нацию, отрицать присутствие легендарного казачьего духа и в Ейске очень бы не хотелось.

В Ейске и Ейском районе современные казачьи общества активны и заметны во многих общественно-политических мероприятиях города, где главный акцент они делают на патриотическом воспитании подрастающего поколения. Многие современные краеведы-исследователи тесно взаимодействуют с казачеством и последовательно поднимают когда-то несправедливо преданные забвению вопросы казачьей истории в Ейске и в Ейском Приазовье

Библиографический список и примечания

1. Приазовские степи 20.03.2007 г .
2. Кубанские новости 3.11.2007 г.
3. Вольная Кубань 23.10. 2007 г.
4. Приазовские степи 06.05. 2008 г. Пульс недели 25. 03. 2008 г
5. Приазовские степи 30. 06.2007 г.

Экспедиции

Л.А. Мясникова, Н.Н.Шлыков, Ю.В. Блануца

ПО СЛЕДАМ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

В апреле 2008 г. Ейским отделением Российского общества историков-архивистов организована экспедиция по пути Черноморского казачьего войска, с одновременным посещением памятных мест вольностей Войска Запорожского Низового и Коша верных казаков Черноморских между Днепром, Бугом и Днестром. Члены экспедиции из Ейска до приднестровской Слободзеи и обратно проехали примерно тем маршрутом, которым передвигался на Кубань отряд кошевого атамана З.Чепеги. Целями экспедиции являлись:

- привлечение внимания общественности края к значимости ейского региона в истории переселения Черноморского казачьего войска (ЧКВ) на Кубань;
- увековечение подвига первых переселенцев и их роли в освоении новых российских территорий;
- налаживание творческих связей между казачьими обществами ейского отдела, Украины и Приднестровской Молдавской Республики (ПМР);
- ознакомление с новыми материалами исследований по истории казачества, мероприятиями, направленными на увековечение памяти выдающихся казачьих деятелей ЧКВ;
- подготовка видео- и фотоматериалов в процессе осмотра памятных мест воинской доблести казаков для обнародования этой информации в кубанских СМИ;
- составление подробной картосхемы и описание территории, маршрута переселения, сбор сведений в целях комплектования фондов архивных собраний и музеев.

Решение об осуществлении такой экспедиции созрело не на пустом месте. В 90-х годах прошлого столетия ейский краевед Н.В. Бельцев по заданию руководства местного музея был направлен в архивы города Тбилиси. Там в XVIII-XIX веках находился административно-территориальный центр, куда поступали документы со всего Северного Кавказа. Н.В. Бельцев отработал более 2-х месяцев, отыскивая архивные документы об истории Ейска. Ознакомление с архивами Кавказского наместничества позволило Н.В. Бельцеву глубже осознать причастность ейского региона к великой истории переселения Черноморского войска. На Ейской косе (на территории современного порта) совместными усилиями краеведов и сотрудников ейского краеведческого музея был установлен памятник казакам-переселенцам ЧКВ. На нем нанесен текст, взятый из рапорта атамана Чепеги Таврическому губернатору в Херсон: «...Вашему Превосходительству сие правительство честь имеет доложить яко войско верных Черноморских казаков конная команда в двухтысячахсемидесятипяти человек состоит благополучно... на зимовлю расположилось при Ейской косе в Донском городку...»

В 2001 г. Н.В. Бельцев издал книгу «Портовый город Ейск в истории Черноморского казачьего войска (1792-1869 гг.)» [1]. Им введены в научный оборот многие ранее малоизвестные материалы, связанные с переселением Черноморского казачьего войска, историей города Ейска. Немало усилий уделено признанию факта семимесячного пребывания у основания Ейской косы, в Ханском городке, войскового правительства, казны, пяти боевых полков, основного обоза Коша верных казаков Черноморских. Да, первый отряд казаков-черноморцев прибыл на Тамань в августе 1792 г., и это неоспоримый факт. Но основные, силы ЧКВ во главе с кошевым атаманом З. Чепегой, войсковым правительством и походной церковью в октябре 1792 г. вторыми (а не третьими, как это ошибочно зафиксировано в современной истории Кубани) вошли на земли, дарованные казакам Екатериной II в районе Ейского Приазовья. Проанализировав документы ГАКК, кубанский историк Б.Е. Фролов поддержал мнение ейчан о более высоком уровне приоритета колонны, входившей в Черноморию через Ейскую землю[2].

В городке Чебаклея, на месте будущего Ейска, в 1792-1793 гг. собственно и располагалась первая на Кубани «походная столица» Черноморского войска. Именно здесь, в покоях деревянного

дворца, предназначавшегося для размещения крымского хана Шагин-Гирея, войсковое правительство обсуждало первые шаги по обустройству кордонов для охраны южной границы России по реке Кубани. Сюда поступали донесения от казачьих отрядов, находившихся в Тамани, Кизилташском лимане и из других мест Черномории. Здесь вырабатывали предложения по расселению куреней, решению насущных проблем, по обустройству на новых землях. Хотя предварительное обследование территории рекогносцировочным отрядом во главе с премьер-майором и кавалером М. Гуликом и позволило еще в 1792 г., получить первые сведения о качестве пастбищ, наличии пресной воды и пригодности земель для земледелия, но их все-же было недостаточно для принятия окончательных решений. Именно поэтому с Ейской косы и из редута Чебакля в течение всего периода нахождения правительства в разные уголки правобережья Кубани и Тамани отправлялись не только конные дозоры, но и группы разведчиков, хозяйственников.

Не будет преувеличением предположение, что решение о размещении столицы будущей Кубанской области было принято именно здесь, у корня Ейской косы. Целых семь месяцев, обуреваемые деятельным желанием скорейшего обустройства казачьего быта и в целом решения всех задач поставленных перед казаками, кошевой атаман и правительство здесь, в Ейском Приазовье строили свои первые планы по освоению Кубанской земли. Зимнее «сидение» на Ейской косе позволило накопить некоторый опыт установления казачьей власти на Кубани. По сути, только с этого момента, когда войсковое правительство вступило на ейскую землю и стали правомочны решения переселенцев, началась основная история кубанского казачества

В мае 1793 г. отряд З. Чепеги покинул Ейскую косу и направился вглубь кубанских просторов. Атаман наверняка знал маршрут, по которому он поведет отряд с войсковым правительством. Имеющиеся сведения позволяют усомниться в утверждении некоторых кубанских историков, что место под столицу было выбрано в процессе первичного обследования территории в излучине реки Кубань.

Ейское же побережье на долгие годы для казаков черноморцев, их семей и обозов стало главными сухопутными воротами на Кубань. Ейская казачья округа, в виду территориального расположения на главном маршруте переселения, развивалась значительно быстрее, чем все другие.

К сожалению, факт прибытия в Ейское Приазовье правительства ЧКВ, первый на Кубани (законодательный в том числе) опыт по установлению казачьей власти историками Кубани по разным причинам оказался незаслуженно слабо описан и, как следствие, мало изучен. В большинстве изданий в скупые строчки «.. пришли к Ее и ушли с Еи..» укладывалась вся ейская казачья история. В результате такого забвения Тамань, и без того прославленная историческими событиями, на долгие годы стала главным и, к сожалению, единственным плацдармом в истории переселения Черноморского войска, что, на наш взгляд, обедняет ту историю, которая на Кубани получила статус Великой.

На Приднестровской земле

Как уже отмечалось выше, участники экспедиции намеревались пройти по пути, преодоленному в конце XVIII в несколькими отрядами ЧКВ. Достичь даже некоторого сходства современного маршрута с таковым в XVIII веке невозможно. Во-первых, казачьи обозы, продвигаясь по дорогам, проложенным через Новороссийскую и Азовскую губернии инженерными войсками, нуждались в отдыхе. Скорее всего, путь был извилистым, выдерживалось только общее направление движения [3]. Во-вторых, отрядов было несколько и возглавляли их разные командиры [4]. Как шли отличающиеся по численности, составу, наличию обозов отряды З. Чепеги, Л. Тиховского, А. Шульги и ряда других командиров в данное время определить трудно. Ведь в рапортах содержались самые общие сведения.

Маршрут передвижения экспедиции ЕО РОИА пролегал от Ейска через дамбу в устье Ейского лимана, мимо места бывшего Ейского Укрепления на Порт-Катон, а далее через Азов и Ростов-на-Дону. В каком месте переправлялись через Дон черноморские обозы и казаки, не совсем понятно. Скорее всего, существовал перевоз либо в районе Темерницкого таможенного поста, либо в пределах, расположенной западнее от него, станицы Нижнегниловской. То, что

казачьи отряды, а особенно верхушка войска во главе с Чепегой, не могла идти вверх по Дону, в сторону Старочеркаска, очевидно. Еще находясь в Приднестровье, Чепега получил от Донского атамана Иловайского приглашение заехать к нему «на отдых». Заподозрив каверзу, Чепега резко отказал [5]. Позже выяснилось, что Иловайский «на отдыхе» хотел склонить новых владельцев Кубани разрешить донцам продолжить рыбную ловлю и охоту на Ейско-Бейсугско-Челбасских водных просторах и плавнях [6].

От Ростова экспедиция продвигалась по дороге через Таганрог на ближайший пограничный переход западнее Миусского лимана. Можно полагать, что в XVIII веке дорога проходила не через лиман, а через мост намного севернее того места, где узкая речная долина выходит на пространство лимана.

В 1792 г. на месте Мариуполя располагались только небольшие хутора греков, совсем недавно переселенных российским правительством из Крыма. Река Кальмиус в XVI-XVII вв. использовалась казачьими чайками, в том случае, если турки плотно блокировали вход в Днепро-Бугский лиман. Поскольку казаки отлично были осведомлены о расположении глубоких и мелких мест на степных реках Северного Приазовья, они наверняка часто отклонялись на север и на юг от той трассы, которая позже связала города Мариуполь и Бердянск с Мелитополем. Мелькающие за окном автомобиля виды рек, степей и оврагов с трудом позволяли представить многотрудное передвижение по этим же местам обозов с семьями и скарбом.

От Мелитополя путь экспедиции пролегал до г. Берислава, а далее через города Николаев, Новую Одессу на Вознесенск и по асфальтированной дороге до Тирасполя, от него рукой подать до Слободзеи. На месте бывшей древней крепости Кизи-Кермен и переправы через р.Днепр (здесь казаки-черноморцы переправлялись по пути следования на кубанские земли), бериславские казаки Войска Запорожского Низового установили величественные памятники – поминальный Крест и Колокол.

В Тирасполе, столице Приднестровской Республики, членам экспедиции был оказан самый радушный прием. И потому что россияне, и потому что братья – казаки. Важную роль играло и то, что один из авторов настоящей статьи и руководитель экспедиции Н.Н.Шлыкков 17 лет назад в составе 14-й российской армии проходил службу офицером и непосредственно участвовал в событиях военного противостояния между Приднестровьем и Молдавией. Три дня работы экспедиции были наполнены встречами, событиями, впечатлениями, самое сильное из которых - знакомство с представителями современного Черноморского казачьего войска, состоявшееся в войсковом штабе. Приднестровцы проявили неподдельный интерес ко всему, что связано с Кубанью. Историческую связь казачьих обществ решили в ближайшем будущем укрепить договором о сотрудничестве.

Представители воссозданного в ПМР Черноморского казачества бывали с визитом на Кубани неоднократно. В прошлом году, к примеру, большая группа черноморцев приняла участие в праздновании на Тамани юбилея переселения казаков на кубанскую землю. Кроме того, ежегодно делегация ЧКВ приезжает в г.Краснодар, для участия в поминовениях погибших в военном конфликте 1992-93гг. кубанских казаков за независимость молодой ПМР. Кубанские казаки с официальным визитом у черноморцев еще не были.

Атаман ЧКВ казачий - генерал Владимир Рябинский, не скрывая волнения, принял от ейчан в дар изданное администрацией Краснодарского края репринтное издание переписи первых переселенцев. Прочтенные фамилии показались хозяевам очень знакомыми. Нетрудно предположить, что здесь, на берегах Днестра, в XVIII в. остались предки многих кубанцев.

Обменявшись книгами, картами, сфотографировав ряд исторических документов в штабе ЧКВ, члены экспедиции посетили государственный архив. Там состоялась встреча с начальником архивной службы ПМР, председателем Общества историков-архивистов Приднестровья, кандидатом исторических наук З.Г. Тодорашко. Позже ейская делегация участвовала в работе «круглого стола», организованного на историческом факультете Тираспольского госуниверситета. Председательствовал на заседании заведующий кафедрой Отечественной истории, профессор Н.В. Бабилунг.

Но самое яркое впечатление осталось от посещения города Слободзеи – колыбели Черноморского казачества. В самом городе, на центральной площади членов экспедиции

приветствовали заместитель главы администрации, представители местного казачьего общества, журналисты. После экскурсии в музей, церковь, школу и рассказа об опыте работы по сохранению традиций, культуры, воспитанию молодежи хозяева сопроводили гостей к месту расположения последнего Коша войска верных казаков Черноморских (рис.1). Силами Слободзейского казачьего округа ЧКВ здесь установлен Поклонный крест, к которому казаки приходят и в праздники и в будни. Здесь проходят все казачьи торжества – поминовения, проводы в армию и принятие молодыми казаками присяги на верность Черноморскому казачеству и молодой республике. А совсем неподалеку от памятного места, на холме, находятся старинные гробницы с останками казаков.

Рис. 1. Приднестровье. Слободзея.
Место размещения последнего Коша казаков-черноморцев.

Чуть ниже, спустившись к берегу Днестра, участникам экспедиции показали место, откуда направлялись казачьи лодки «чайки» в боевые походы, и откуда отправился первый отряд казаков-черноморцев под руководством С.Белого на Тамань.

Войсковой храм не сохранился, но на его месте слободзейцы построили другой, белокаменный (рис.2). Перед храмом, как и прежде, находится в первоизданном виде площадь, на которой проводился Большой войсковой круг. Трудно передать все те ощущения, которые испытывали члены экспедиции, стоя в центре этого исторического и святого для наших предков места.

Рис. 2. Приднестровье. Слободзея Место проведения Большого круга

Красоту Приднестровья лучше один раз увидеть. Сам Тирасполь по населению вдвое превосходит Ейск. Город средней этажности, образцовой чистоты и обилия цветов. Зеленый наряд декоративен и опрятен. Облик столицы живое свидетельство бережного отношения к истории. В центре, помимо традиционного Ильича, бронзовый всадник основателю города А.В. Суворову, памятник императрице Екатерине II, мемориальный комплекс защитникам Республики. Если перейти мост через Днестр, то оказываешься у Кицканского Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря, места пребывания великой святости старца Паисия Величковского. Можно не сомневаться, что это и его силой предстояния пред Богом сохраняется и крепнет приднестровская православная земля.

В соседнем городе Бендеры при возведении нового микрорайона было обнаружено старинное кладбище с захоронениями воинов Отечественной войны 1812 г, русско-турецкой и последующих батальей. Всего на этом кладбище покоятся почти 5 тысяч 200 солдат и офицеров 110-ти полков и других воинских формирований российских императорских войск. В результате объемной и сложнейшей работы сотрудников министерства внутренних дел ПМР, и органов власти республики, захоронение было преобразовано в Мемориал воинской славы, внешне напоминающий Пискаревское кладбище в Санкт-Петербурге, но с храмом посередине и черными гранитными крестами на зеленой траве. Без особого преувеличения можно сказать, что оно уникально.

Среди имен погибших, высеченных в камне, немало казачьих фамилий. Сохранились и содержатся в пристойной чистоте захоронения черноморских и донских казаков XVIII в., офицеров и генералов екатерининской эпохи, служивших здесь во времена русско-турецких войн. На мраморных плитах можно увидеть не только стандартные «родился-умер», но и перечисление знаменательных событий жизни павших героев. По могильным плитам можно проследить канву некоторых важных событий истории России. Члены экспедиции рассматривали это явление на уровне сохранения памяти истории, не менее как подвиг, достойный подражания.

Данью памяти павших можно считать и решение местных властей о восстановлении турецкой крепости, существовавшей здесь с XVI в. «Горько становится от увиденного, - подумалось участникам экспедиции. - Ведь приднестровцы – не какие-то особенные люди и не от «жира» столь тщательное бережение истории предков... Это мы, россияне, что-то уже упустили, испортились погоней за материальными благами, за завтрашним днем, забывая при этом о дне вчерашнем».

Стремясь к расширению познания об истории Ейского Приазовья и истории ЧКВ члены ЕО РОИА в 2009 году на общественных началах вновь организуют экспедицию «По казачьему следу от далеких времен», посвятив ее 160-летию со дня рождения великого кубанского ученого Федора Андреевича Щербины. За шесть дней пути участники преодолели около 4000 километров, посетили памятные места, неразрывно связанные с историей казачества: Херсон, Очаков, Кинбурнскую косу, остров Березань, город- крепость Измаил и др.

В Херсонской области теплый прием оказал атаман Бериславского отдельного казачьего полка Войска Запорожского Низового Николай Егоров, показавший членам экспедиции сохранившуюся с далеких времен запорожских казаков Каменскую Сечь, которая является уникальной историко-археологической достопримечательностью. Здесь сохранились все три ее составные части: Кош, в состав которого входили курени, казна и сечевая площадь; предместье с производственными мастерскими, жилыми домами и вотчинами; казацкое кладбище, на котором сохранилась могила кошевого атамана Кости Гордиенко, с насыпанным на ней курганом, что тоже является уникальным историческим объектом.

В Херсоне Ейчане отдали дань памяти великому князю фельдмаршалу светлейшему князю Григорию Потемкину – Таврическому, захороненному в Екатерининском соборе. Именно он сыграл ключевую роль в зарождении кубанского казачества, уговорив Императрицу Екатерину Великую, создать войско верных казаков Запорожских.

Очаков - бывшая турецкая крепость, взятая Суворовым в 1788 году, затем, заштатный город Одесского уезда Херсонской губернии. Ныне это провинциальный город с 13 000 населения, главной достопримечательностью которого является великолепный музей А.В.Суворова, который и посетили ейские краеведы.

Членам экспедиции удалось осмотреть некоторые крепостные сооружения в междуречье

Днестра и Буга, в завоевании которых самое активное участие принимало Войско верных козаков Черноморских. Самым впечатляющим был вид древнейшей крепости Аккерман в г. Белгороде-Днестровском. Величественно и впечатляюще она стоит над Днестровским лиманом огражденная высокими крепостными стенами, мощными бастиями и глубокими рвами.

Рис. 3. Цитадель крепости Аккерман в г.Белгороде-Днестровском

На рис.3 хорошо видны сохранившиеся башни и внешняя крепостная стена. Крепость хорошо сохранилась, поскольку, благодаря глубокому охвату русскими войсками турецкой армии, территория между устьями Дуная и Днестра была захвачена без длительных и ожесточенных боев (рис.4).

Рис. 4. Фрагмент крепостной стены, ворота и одна из наблюдательных башен прямоугольного сечения

Во второй половине XVIII века Россия вела упорную борьбу за выход к Черному морю. Особенно отличились казаки в сражениях при Кинбурне, Березани, Очакове и в штурме Измаила. К 1770 г. русскими войсками были заняты крепости Бендеры, Аккерман, Браилов. На этом пространстве оставалась непокоренной крепость Измаил, препятствующая продвижению русских войск на юг. В 1790 г. в штурме Измаила под общим командованием Суворова активное

участие принимали казаки Войска верных козаков Черноморских. Вторую колонну, со стороны острова Чатал, возглавлял Чепега.

Пребывая в Измаиле, члены экспедиции посетили диораму штурма мощнейшей турецкой крепости на реке Дунай.

После баталий на Черном море, в период русско-турецкой войны 1787-1791 г.г. войско получило название - Черноморское. Первым кошевым атаманом его в начале января 1788 г. был избран войсковой старшина Сидор Игнатьевич Белый. Именно ему А.В.Суворов 27 февраля 1788 г. передал запорожские знамена, перначи и ту самую атаманскую булаву, представлявшую собой серебряный, с позолотой шар на деревянной ореховой палке с серебряным наконечником. Менее полугода пробыл Сидор Белый во главе войска. 11 июня его смертельно ранило в бою с турецкой флотилией, и через несколько дней он умер. Захоронен С.И.Белый в бывшей Александровской церкви на Кинбурнской косе (рис.5). Из кубанцев Ейчане были едва ли не единственными, посетившими это место захоронения и отдавшие дань памяти первому атаману ЧКВ. Совсем недавно очаковские казаки установили на этом месте памятный крест из белого камня, а на бронзовой табличке слова великого полководца А.В.Суворова «На радость-печаль последний долг отдаем Сидору Игнатьевичу...».

Рис. 5. Украина. Кинбурнская коса. Место захоронения первого атамана ЧКВ С.Белого.

Участники экспедиции вместе с есаулом Василием Чаусом командиром Черноморского полка Бугско-Лиманского независимого казачества символическим маршем со своим казачьим знаменем совершила путешествие по острову Березань. С XII века этот остров используется как стратегический пункт у входа в лиман. На самом высоком обрыве открытый всем ветрам стоит скромный деревянный крест в память о погибших здесь когда-то казаках. На восточной оконечности острова установлена стела в память расстрелянных в 1906 году участников восстания на крейсере «Очаков» во главе с лейтенантом П.Шмидтом

В Одессе, в Спасо-Преображенском храме ейчане вновь посетили место последнего захоронения генерал-фельмаршала, светлейшего князя М.С.Воронцова - основателя портового города Ейска, выдающегося военного и государственного деятеля России.

Яркой страницей путешествия стала встреча членов экспедиции с представителями Черноморского казачьего войска (ЧКВ) Приднестровской Молдавской Республики в г.Слободзее. Одетые в парадную форму, во главе с атаманом Слободзейского казачьего округа Сергеем Федченко, вдохновленные общением с кубанцами в прошлой экспедиции, они встречали гостей еще на границе Украины и ПМР. Главным событием этой встречи стало заключение договора

о дружбе и сотрудничестве между Ейским казачьим отделом ККВ и Слободзейским казачьим округом ЧКВ.

В 2010 году, так же, в рамках Ейского отделения Российского общества историков-архивистов (ЕО РОИА), была организована 3-я историко-этнографическая экспедиция «По казачьему следу от далеких времен». Посвящена она была 150-летию образования Кубанского казачьего войска и прошла по местам, где на территории Кубани в свое время находились пограничные крепости, кордоны и укрепления Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск.

Группа из трех человек, членов ЕО РОИА, на автомобиле в составе: неизменного руководителя экспедиции, краеведа, казачьего полковника Николая Шлыкова – заместителя атамана Ейского районного казачьего общества по культуре, войскового старшины Юрия Блануцы – заместителя атамана Ейского казачьего отдела ККВ, председателя правления ЕО РОИА и краеведа Елены Состиной, за четыре дня преодолела более 1700 километров от западной части Краснодарского края косы Тузла до ее восточной окраины г.Кропоткина вдоль реки Кубань. Экспедиция совершила 29 остановок по исследованию исторических и памятных мест, из которых 15 - бывшие кордоны Черноморской линии, а также 14 суворовских укреплений (посты, редуты, фельдшанцы и крепости) Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск. Члены экспедиции посетили 9 краеведческих и школьных музеев, 26 памятников, мемориалов и мест поминовения, 5 православных храмов и часовень. На пути следования они встречались с казаками Таманского, Екатеринодарского и Кавказского казачьих отделов, историками, краеведами, работниками музеев и местными жителями, патриотами своей земли. Участники экспедиции для своего исследования использовали карты (планы) Черноморской (Кубанской) кордонной линии, опубликованные в архивной книге первой переписи казаков Черноморского казачьего войска и книге Виктора Соловьева «По следам Суворова». Задача экспедиции: как можно точнее установить географическое местоположение каждого укрепления и нанести на современную карту, а также определить его нынешнее состояние. Кроме того, встречаясь на местах с заинтересованными сторонами, высказывалась мысль об обязательном увековечивании сохранившихся черноморских кордонов путем установки мемориальных знаков и придания им статуса исторических памятников, в противном случае время сотрет с лица земли их следы, в чем, членам экспедиции приходилось убеждаться неоднократно.

«Ейское поле»

Впечатления от экспедиций в сознании ейских краеведов способствовали переосмыслению многих прежних представлений. Совершенно иначе теперь воспринимается, скажем, памятный знак в ейском порту, установленный в честь казаков-переселенцев. По-иному видится и вклад в историю малой родины наших местных краеведов. Н.В. Бельцев сделал первые шаги в изучении казачьей истории Ейска, Е.А. Котенко, ныне москвич, активно доказывает, что городу Ейску уже более 200 лет, и что жизнь на Ейской косе засвидетельствована историческими документами уже более чем 600 лет, Ю.В.Артюхин высказывает гипотезы о том, что Ейское Приазовье имеет даже гораздо более значительную историю, чем ныне это известно. Ейское Приазовье с подачи известного на Кубани краеведа В.А. Соловьева обозначено термином «Ейское поле». Учитывая, что «Ейское поле» имеет и трагическую историю, а ее земля пропитана кровью десятков тысяч угнанных в рабство и замученных русских людей, необходимо создать музей – заповедник. В перечень знаменательных исторических событий «Ейского поля» может включать:

- строительство в начале 80-х годов XVIII столетия Ейского Укрепления, форпоста на юго – восточной границе России, которое осуществил командующий Кубанским корпусом генерал – поручик В.А.Суворов;

- 8 апреля 1783 г. вышел Высочайший манифест, озаглавленный «О принятии Крымского полуострова, острова Тамань, и всей Кубанской стороны под Российскую державу»;

- 28 июня 1783 г., по распоряжению князя Г.А.Потемкина, генерал – поручик А.В.Суворов осуществил исторический акт приема Правобережья Кубани в состав России. То, что через два месяца ногайцы, подстрекаемые турецкой агентурой, подняли мятеж, протестуя против

переселения в Уральские степи, от этого историческое значение принятого акта не умаляется.

«Ейское поле» - место, где родилась Кубань, как составная часть России. С октября 1792 г., с момента переправы второго и самого многочисленного отряда казаков черноморцев через реку Ею, началась Ейская казачья история.

Небольшая крепость «Карантинный Редут» стала местом обустройства первого на Кубани куреня Щербиновского. «Ейская украинская полковая паланка», «Ейский град», «Окружной город Ейский», «Ейский городок», «Донской городок» - все это казачья история Приазовья. Первый центр «Ейской округи», административно – территориальной единицы Кубанского края, состоялся также в Ейском Приазовье. Ейская округа заселялась быстрее и была самой крупной по численности казачьего населения. Первый свой храм, ставший и первым храмом на Кубани казаки Черноморцы устроили в одной из комнат Ханского дворца на Ейской косе, на месте будущего города Ейска. Ейский район, например, преемственно унаследовал от Ейской округи не только название, но и часть территории, решением Совета депутатов закрепив год 1794 датой рождения Ейского района.

По уровню исторической значимости «Ейское поле» можно сравнить с другими полями «русской доблести»: Куликовым, Полтавским, Бородинским, Прохоровским. Большинство знаменитых полей увенчаны монументальными обелисками, храмами, на них воссозданы фортификационные сооружения. Это объекты познания прошлого России, наглядные примеры военно – патриотического воспитания молодежи. На Ейском же поле пока гуляет ветер и шумит камыш.

С подачи краеведов ЕО РОИА макет памятника «Переселенцы» может быть изготовлен местным скульптором за предельно минимальную сумму, но финансовых возможностей реализации проекта пока нет. Ейчане не теряют надежду, что и «Ейское поле» когда-нибудь, все же, приобретет соответствующий статус исторической значимости.

Памятные монеты

Во время первой экспедиции участников ЕО РОИА «По казачьему следу от далеких времен» в апреле 2008 года её участники ознакомились в республиканском музее г.Тирасполя ПМР с ценнейшей коллекцией из серии серебряных монет «Приднестровье – край казачий» и «Россия в истории Приднестровья». Руководитель экспедиции Николай Шлыков, задался целью приобрести для своей нумизматической коллекции серию уникальных памятных монет, имеющих на его взгляд историческую ценность. Благодаря настойчивости в поиске и упорству, эти монеты были им приобретены через республиканский банк ПМР и местных коллекционеров. Для поиска пришлось приложить немало сил и средств, так как монеты выпущены очень малым тиражом и фактически быстро разошлись по нумизматическим коллекциям не только Приднестровья, но и за рубежом.

Выпуск серии серебряных монет «Приднестровье – край казачий» республиканский банк ПМР начал в 2006 году, в целях увековечения исторической памяти Черноморского казачьего войска и его славных атаманов. Об этом говорится в сообщении Управления внешних и общественных связей Приднестровского республиканского банка (ПРБ). Памятные монеты являются денежным знаком ПРБ, выступают средством обращения и платежа на территории Приднестровской Молдавской Республики и принимаются по ее номинальной стоимости. Каждая монета имеет идентификационный сертификат (паспорт), упакована в прозрачную капсулу и представлена в футляре с приложением краткой библиографической аннотации и исторической справки кому посвящен выпуск. Монеты с изображениями войсковых атаманов и печати Коша верных казаков войска Черноморского выпущены очень ограниченным тиражом 300-500 экземпляров и потому представляют для нумизматов редчайшую ценность.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОНЕТ:

Номинал - 100 рублей; металл, проба – 925, серебро; качество - пруф-лайк; диаметр: 32 мм; масса - 14,14 г; гурт - гладкий. На лицевой стороне: в центре – изображение государственного герба Приднестровской Молдавской Республики. По кругу надписи: сверху – «ПРИДНЕСТРОВСКИЙ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ БАНК», внизу – «100 РУБЛЕЙ». В нижней части под гербом годы выпуска монет – «2006», «2007».

1. Серебряная монета «ПЕЧАТЬ КОША ВОЙСКА ВЕРНЫХЪ КАЗАКОВЪ ЧЕРНОМОРСКИХЪ»

На оборотной стороне в центре изображена войсковая печать Коша войска верных казаков, выполненная позолотой. На печати в центре изображён вооруженный казак с войсковым знаменем. По кругу надпись: «ПЕЧАТЬ КОША ВОЙСКА ВЕРНЫХЪ КАЗАКОВЪ ЧЕРНОМОРСКИХЪ».

2. Серебряная монета «СИДОР БЕЛЫЙ»

На оборотной стороне справа крупным планом изображен портрет кошевого атамана Сидора Игнатьевича Белого на фоне скачущего на коне казака с копьём в руке и сторожевой вышки. За портретом справа годы жизни «1735-1788». Слева вверху надпись «СИДОР БЕЛЫЙ», под ней – «КОША ВЕРНЫХ КАЗАКОВ».

С.И.Белый принадлежал к числу видных и уважаемых старшин Запорожской Сечи. В январе 1788 года, после формирования войска «верных казаков», был избран кошевым атаманом и утвержден в этой должности главнокомандующим Екатеринославской армии князем Г.А.Потемкиным. Занился устройством войскового Коша близ устья р.Буга в урочище Василькове. 27 февраля 1788 года А.В.Суворов передал ему Запорожские знамёна, перначи, атаманскую булаву.

3. Серебряная монета «ЗАХАРИЙ ЧЕПЕГА - КУЛИШ»

На оборотной стороне справа крупным планом изображен портрет кошевого атамана войска “верных казаков” Захария Алексеевича Чепеги-Кулиша на фоне парусной лодки с гребцами в ней, за портретом годы жизни «1726-1797». Слева вверху надпись «ЗАХАРИЙ ЧЕПЕГА-КУЛИШ», внизу по кругу слева надпись на стилизованной ленте «ПРИДНЕСТРОВЬЕ - КРАЙ КАЗАЧИЙ» с изображением герба Черноморского казачьего войска с годом образования – «1787».

З.А.Чепега стал кошевым атаманом после смерти Сидора Белого и был им почти десять лет. К моменту избрания атаманом имел чин армии бригадира и был кавалером трёх российских орденов. Во время русско-турецкой войны 1787-1781 г.г. командовал конницей и участвовал во всех важнейших сражениях. В 1788 году Потёмкин определил войску Кош – земли между Днестром и Днепром, район Херсона и Очакова. В 1792г. З.Чепега возглавлял переселение казаков на Кубань после подписания Екатериной II 30 июля 1792г. Грамоты на вечное владения землёй. После «польского» похода в июне 1794 года ему был пожалован генеральский чин. Скончался 14 января 1797 года.

4. Серебряная монета «АНТОН ГОЛОВАТЫЙ»

На реверсе в центре крупным планом помещено изображение портрета кошевого атамана ЧКВ Антона Андреевича Головатого на фоне крепости и атакующих ее группы казаков. Слева сверху надпись «Антон Головатый». Справа по кругу надпись «Атаман ЧКВ», рядом годы жизни - «1732-1797». Внизу по кругу слева направо надпись на стилизованной ленте «Приднестровье - Край Казачий» с изображением герба Черноморского казачьего войска с указанием года образования «1787» посередине.

Поступив в Сечь в 1757 году, А.А. Головатый в 1762г. избирается куренным атаманом. Награждён орденом Святого Георгия и произведён в полковники. Главная его заслуга состояла в упрочении войска. Ему войско обязано своим гражданским устройением, приобретением жалованных земель и организацией самоуправления. Будучи войсковым судьёй, стал творцом основного юридического акта, которым регулировались установившиеся в войске взаимоотношения так называемого «Порядка общей пользы». Умер в Персидском походе 29 января 1797 года в чине бригадира и временным командиром Каспийской флотилии. Пока весть о смерти войскового судьи достигла Екатеринодара, казаки успели выбрать его кошевым атаманом.

5. Серебряная монета «ФЁДОР БУРСАК»

На оборотной стороне в центре монеты крупным планом изображен портрет кошевого атамана Черноморского казачьего войска Федора Яковлевича Бурсака в военном мундире на фоне панорамы сражения. По кругу: слева сверху надпись «ФЕДОР БУРСАК», справа сверху надпись «КОШЕВОЙ АТАМАН ЧКВ 1782-1825», внизу по кругу слева направо надпись на стилизованной ленте «ПРИДНЕСТРОВЬЕ – КРАЙ КАЗАЧИЙ» с изображением посередине герба Черноморского казачьего войска с годом образования – «1787».

Ф.Я. Бурсак родился в семье священника. В юности учился в Киевской духовной семинарии, но, недоучившись, сбежал в Запорожскую Сечь. Принимал участие в военных действиях, где отличился в боях под Очаковым, Каушанами, Бендерами, Килией, Измаилом. Был удостоен орденов Святой Анны I и II степеней. При его активном участии было открыто в Екатеринодаре первое общеобразовательное училище, преобразованное затем в гимназию, были учреждены для войсковых нужд овчарный завод и суконная мануфактура. В 1794г. был избран на должность войскового казначея. По указу Павла I от 22.12.1799г. был назначен войсковым атаманом Черноморского казачьего войска и пребывал в должности в течение 16 лет.

6. Серебряная монета «ЯКОВ КУХАРЕНКО»

На обороте монеты в центре крупным планом изображен портрет наказного атамана Черноморского казачьего войска Якова Герасимовича Кухаренко в казачьем мундире с погонями, наградным крестом на груди и стрелковым оружием за спиной на фоне казачьего куреня. По кругу: слева сверху надпись «ЯКОВ КУХАРЕНКО 1799-1862», справа сверху – «НАКАЗНОЙ АТАМАН ЧКВ», внизу по кругу слева направо надпись на стилизованной ленте «ПРИДНЕСТРОВЬЕ – КРАЙ КАЗАЧИЙ» с изображением герба Черноморского казачьего войска с годом образования посередине – «1787».

Я.Г.Кухаренко – способный администратор, талантливый писатель, историк и этнограф. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829г.г., в походах за р.Кубань. Исполнял должность наказного атамана Азовского казачьего войска, а позже Черноморского казачьего войска. В С.-Петербурге познакомился с Т.Г. Шевченко, дружба и переписка с которым длилась более 20 лет. Я.Г.Кухаренко – автор исторического сочинения о Черноморском войске (1836г.), пьесы «Черноморский быт», рассказов и очерков из жизни казаков («Вороной конь», «Пластуны» и др.). Умер в плену у абадзехов 26.09.1862г. и перезахоронен в войсковой Воскресенской церкви. При нём Черноморское казачье войско 19 ноября 1860 года переименовано в Кубанское казачье войско.

7. Серебряная монета «АЛЕКСАНДР КУЧЕР»

В 2007 году ПРБ к 17-летию независимости республики приурочил выпуск новой монеты. Она – седьмая и завершающая серию «Приднестровье - край казачий». Монета посвящена памяти первого атамана приднестровского казачества Александра Кучера, погибшего в 1992 году во время военной агрессии Молдовы. На обратной стороне крупным планом изображен портрет войскового атамана Черноморского казачьего войска Александра Кучера на фоне лежащего на земле стрелка и Бендерского моста через реку Днестр. Слева сверху надпись - «АЛЕКСАНДР КУЧЕР», ниже годы жизни - «1947-1992». Справа сверху - «ВОЙСКОВОЙ АТАМАН ЧКВ». Внизу по кругу слева направо надпись - «ПРИДНЕСТРОВЬЕ – КРАЙ КАЗАЧИЙ» с изображением герба Черноморского казачьего войска с годом образования - «1787» посередине.

8. Серебряная монета «ГРИГОРИЙ ПОТЁМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ»

В 2007 году ПРБ выпустил памятную монету серии «Россия в истории Приднестровья» с изображением генерал-фельдмаршала Потёмкина-Таврического Г.А.

На реверсе монеты в центре крупным планом изображен портрет генерал-фельдмаршала Потёмкина-Таврического Григория Александровича на фоне полуразвернутого свитка с надписью «ВОЗВРАТ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ БУГОМ И ДНЕСТРОМ», который венчает герб Российской империи. Вверху по кругу надпись: «ГЕНЕРАЛ ФЕЛЬДМАРШАЛ ПОТЁМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ Г.А.». Справа за свитком – годы жизни: «1739-1791». Внизу по кругу на стилизованной ленте надпись «РОССИЯ В ИСТОРИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ».

Потёмкин Г.А. – русский государственный и военный деятель, дипломат. Участвовал в дворцовом перевороте 1762г., который возвёл Екатерину II на престол. Отличился в боях под Хотинном, при Фокшанах, Ларге и Кагуле (1768-1774г.г.). В 1776г. назначен губернатором Новороссийской, Азовской, Астраханской губерний, Много сделал для освоения Северного Причерноморья, строительства городов Херсон, Николаев, Севастополь, Екатеринослав. Под его руководством осуществлялось строительство военного и торгового флотов на Чёрном море. В 1784г. был назначен президентом Военной коллегии. Провёл преобразования в строевой службе и экипировке русской армии. Умер в 1791г. неподалеку от молдавского местечка Старые Редены. На этом месте стоит обелиск, а возле него камень, отмечающий географическую точку, где он навек упокоился. Похоронен Г.А.Потёмкин в Свято-Екатерининском соборе г.Херсона.

9. Золотая монета «ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ»

1 сентября 2009 года Приднестровский республиканский банк ввел в обращение памятную золотую монету «Императрица Екатерина Вторая» достоинством 5 рублей (0,5 доллара), продолжающую серию «Россия в истории Приднестровья», в которой уже выпущены серебряные рубли, посвященные русским полководцам.

Монета изготовлена из золота 999 пробы, диаметром 21 миллиметр, массой 8 граммов. Тираж - 250 штук. На лицевой стороне: в центре – изображение государственного герба Приднестровской Молдавской Республики. По кругу надписи: сверху – «ПРИДНЕСТРОВСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ БАНК», внизу – «5 РУБЛЕЙ». В нижней части под гербом год выпуска монеты – «2009». На реверсе монеты в центре крупным планом изображен в профиль портрет императрицы Екатерины II. Вверху по кругу надпись: «ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ». Годы жизни: «1729-1796». Внизу по кругу на стилизованной ленте надпись «РОССИЯ В ИСТОРИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ».

Российская императрица Екатерина II, урождённая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, супруга императора Петра III. Взошла на престол 29 июня 1762г. в результате военного переворота. Ликвидировала Запорожскую Сечь и учредила из оставшихся в империи запорожцев Войско верных казаков Черноморских, поселенных в Тамани и заложивших основу будущего Кубанского казачьего войска. В 1787 году посетила Крым, где в пределах Екатеринославского наместничества ее конвой составляли казаки во главе с Сидором Белым.

Тридцатичетырехлетнее царствование Екатерины II ознаменовалось славными победами российских вооруженных сил в Северном Причерноморье и военного флота на Черном море, одержанными под руководством талантливых военачальников Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова и других. При ней к России был присоединен Крым (1787), отвоеваны у Турции земли между Бугом и Днестром (1789), окончательно решен вопрос о вхождении Польского королевства в состав России (1795).

Екатерина II уделяла значительное внимание развитию науки, медицины, просвещения, литературы. Оставила после себя большое количество произведений, главным образом воспитательного характера.

Учредила ордена св. Георгия и св. Владимира. Имела высшие российские ордена: св. Андрея Первозванного, а также св. Георгия и св. Владимира 1-х степеней (как учредитель) и другие. Умерла в возрасте 67 лет.

В жизни нашего казачьего края, хорошим подспорьем так же, мог бы стать выпуск золотых и серебряных коллекционных монет, увековечивающих память всех войсковых атаманов Кубанского казачьего войска, прославляющих наше казачье прошлое. В выпуске таких монет, как продолжение знаменитой серии «Приднестровье – край казачий», можно будет проследить историческую наследственность между зародившимся на территории современного Приднестровья Черноморского казачьего войска и продолжившего свою славную историю на нашей краснодарской земле его преемника - Кубанского казачьего войска. Цена таких коллекционных монет, кроме стоимости металла, зависит от их нумизматической ценности и высокого качества чеканки. Они являются не только произведением ювелирного искусства,

но и хорошим пропагандистским шагом в дальнейшей популяризации нашего исторического наследия

Спрос на памятные и инвестиционные монеты за последние годы значительно возрос. Потенциальными покупателями обычно являются люди с консервативным отношением к коллекционированию. Для них драгоценные металлы - это вечные ценности, которые можно еще и в руках подержать. Коллекционные памятные и инвестиционные монеты, как правило, быстрой прибылью не приносят. Их можно сравнить с хорошим вином. Чем дольше выдержка, тем выше цена. Как показывает опыт и практика, выигрывает тот нумизмат, который запасается терпением. Именно поэтому монеты из золота и серебра - не просто кусочки металла, а прекрасные реликвии, не подверженные обесценению ни временем, ни переменчивыми модными тенденциями, а наоборот - с каждым годом увеличивающие свою художественную, нумизматическую и историческую ценность.

Библиографический список и примечания

1. Бельцев Н.В. Портовый город Ейск в Истории Черноморского казачьего войска (1792-1860). Ейск. 1998. 146 с.
2. Фролов Б.Е. Из статьи «Перехода отряда атамана З.А. Чепеги на Кубань // Вестник архивиста Кубани. № 1. 2008 с. 44-45.
3. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910. Т. 1.
4. Бодяев Ю.М., Мирук М.В., Науменко Т.А., Щетнев В.Е. История Кубани. Москва-Краснодар. 1997. С. 18.
5. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб. 1896. Т. 3. 539 с.
6. Бельцев Н.В. Донской городок. «Приазовские степи» от 09.07.2009.

Ю.В. Артюхин, Т.Р. Крыкбаев

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРТЕФАКТЫ В ВОЛНОПРИБОЙНОЙ ЗОНЕ АЗОВСКОГО МОРЯ

Независимо от эпохи, в пределах сферы обитания любой этнической группы происходит утрата (боевые столкновения, природные стихии) оружия, монет, украшений, предметов быта, орудий труда. Важным источником информации о быте, социально-политических потрясениях служат клады. Применительно к степному Приазовью обнаруживаются как находки в ареалах, примыкающих к древним дорогам, сельхозугодьям, так и в пределах погребений, остатков поселений. Основная часть артефактов разных эпох обнаруживается у подножья береговых обрывов Азовского моря. В настоящей статье приведены сведения о находках артефактов в волноприбойной зоне на пространстве от Ейского до Бейсугского лиманов, а также важных в историческом отношении феноменов, выявленных в процессе хозяйственной деятельности на косах. Основой для написания статьи послужили как данные, полученные Т.К. Крыкбаевым, так и опросные сведения местных жителей. Учитывая эти обстоятельства, статья преследует цель лишь закрепить сведения об обнаружениях, хотя достоверных данных о характеристиках артефактов и исторических феноменах привести не можем. Основная их масса не поступила в музейные собрания из-за недопонимания населением важности сбора данных об истории родного края.

Предметы старины часто вымываются волнами из суглинистых блоков подмываемого берегового обрыва. Артефакты отлагаются волнением в полосе заплеска, причем они перемешаны с песком, ракушей, плавником, современными металлическими изделиями, кирпичом, карбонатными окатышами. Одновременно происходит перенос артефактов вдоль берега прибойной волной, что сопровождается их концентрированием на некоторых участках береговой линии. Так, например, на участке песчаных накоплений с западной стороны портовых молов Ейского порта обнаруживались монеты 1732 г., которые *in situ* (на месте) не могли быть захоронены, т.к. это тело образовалось после строительства порта в 1904 г. Таким же образом могли отложиться здесь мелкие и крупные гильзы стрелкового оружия и снарядов мелкокалиберной артиллерии. Судя по всему, перенос тяжелых металлических изделий может происходить либо под влиянием ледовых полей, либо в условиях ураганных штормов от запада и северо-запада.

Проводившиеся обследования побережья показали, что в береговых обрывах нередко вскрываются погребенные рвы, могильные ямы, фундаменты и подвалы старинных усадеб, хуторов, хозяйственные ямы и остатки строений. Между ст. Камышеватская и ст. Должанская до революции располагались хутора Куконькина, одного из станичных казачьих атаманов. На этом участке в обрыве в 2002-2003 гг. вскрылась яма со следами пожарища, глубиной 1,3 м. В ее пределах была обнаружена лампада-подсвечник, предположительно шлифованная бронза. Западнее с. Воронцовка в срезе берегового обрыва в 2006-2007 гг. фиксировались остатки сторевших жилых помещений до глубины 2 м от поверхности земли. Согласно неподтвержденным документами сведениям старожилов, в XIX в. вдоль берега проходил тракт, связывающий хутора у косы Ейской со ст. Должанской. Между ним и береговым обрывом располагались отдельные хуторские поселения. Именно поэтому жилые кварталы пос. Михельсталь (с. Воронцовка) закладывались так далеко от берегового обрыва.

На побережье существуют также естественные депрессии рельефа, которые визуальнo в пределах дневной поверхности приазовского побережья не всегда фиксируются. Они либо сознательно засыпались людьми, либо оказывались перекрытыми почвенным горизонтом под влиянием естественных факторов. К таковым следует отнести, прежде всего, пыльные бури, которые, по крайней мере в XIX-XX вв. обеспечивали накопление на поверхности глинистого плато нередко огромных масс тонкой лессовой пыли. Исключение составляет глубокая падь западнее с. Воронцовка. В настоящее время высота берегового обрыва в самой пониженной ее части составляет 4,8-5,5 м, тогда как в начале XX в. вряд ли превышала 1,5-2,5 м. Это объясняется общим наклоном днища пади в сторону моря. Анализ аэрофотоснимков 1948 и 1989 гг. показал, что вершины некоторых мелких падей срезаны береговым обрывом, но основная часть более крупных располагается за пределами зоны волновой переработки лессовых толщ. Жители

ст. Должанской считают, что днища падин обеспечивали поставку в волноприбойную зону старинных монет, часть из которых хранится в местном музее.

Существенную роль в захоронении утраченных предметов быта и украшений играли перемещения значительных масс конницы кочевых народов, выпас скота, особенно в пределах многочисленных падей. К специфическим чертам природы этих форм степного рельефа Приазовья следует отнести значительно более длительное удержание атмосферной влаги, чем на водораздельных пространствах. Захоронения утраченных разными народами артефактов происходило в условиях ковыльной степи Северного Приазовья. Смену растительных ассоциаций севернее заболоченных водоемов и мелких рек бассейна дельты Кубани еще в 1856 г. отметил Филиппов [1]. Он писал, что переправившись через р. Бейсуг, въехал на пространство ковыльной степи, которая ему не встречалась на всем пути от Тамани до Ахтарей. Двух-трех ярусная структура плотного травяного сообщества затрудняла поиск утраченных предметов, что, вероятно, и создавало предпосылки для накопления артефактов на обширном пространстве полуострова в течение столетий.

Можно дать качественную характеристику находок в пределах разных участков побережья. Так у подножья обрыва в западной части Ейска, особенно в период до проведения берегозащитных работ, часто обнаруживались железные, в том числе и ромбические наконечники стрел, нередко с черешком. Попадались железные серповидные ножи, монеты Крымского ханства, обломки керамической посуды средневековья. На участке между Горгазом и кооперативными гаражами «Авиатор» несколько раз встречались монеты Крымского ханства, предположительно XV века.

Между пос. Морской и мысом Вылазки в основании берегового обрыва есть пляжевые накопления, образующиеся за счет перемыва песчаного горизонта. Здесь обнаруживались более древние находки, чем в пределах городской территории - кремневые наконечники, скребки, сколы окремненных пород. Это может объясняться восходящими тектоническими движениями антиклинальной (купольной) структуры, обеспечивавшими выход в зону волновой переработки более древних отложений, чем на смежных участках Ейского побережья.

Мыс примыкает к артиллерийскому полигону, использовавшемуся еще в довоенное время. Вероятно, поэтому здесь обнаруживаются гильзы за большой временной интервал – от Гражданской до Отечественной войн, осколки снарядов с 1940 г. по настоящее время. Видимо и на этом участке происходит естественное накопление артефактов. Только этим явлением можно объяснить обнаружение керамической, медной, бронзовой, алюминиевой посуды дореволюционного и советского периодов, разнообразных предметов быта.

Восточнее мыса Вылазки, по направлению к с. Воронцовка, в течение последних 7-9 лет обнаружено довольно большое разнообразие исторических предметов. В толще отложений берегового обрыва, в 5 м от поверхности плато, найдены зубы мамонта, окаменелые кости более мелких животных. В пляжевых песчаных накоплениях встречены двух- и трехлопастные наконечники стрел скифско-сарматского типа, бронзовые ромбические ножи длиной от 3 до 8 см с черенком и без него. Предварительные консультации, в том числе и с местными жителями Таманского полуострова, позволяют констатировать, что подобные ножи и наконечники тамошними жителями не встречаются в пляжевых выбросах как Азовского, так и Черноморского побережий Таманского полуострова. Вместе с тем, подобные изделия находят на Крымском берегу. По некоторым предположениям, они изготовлены ориентировочно в IV в. до н.э.

Многочисленны находки монет Золотой Орды. Консультации по интернету позволили предварительно опознать монеты ханов Узбека, Джанибека, Кельдибека. Но за 7 лет поисков встречены только две петровские «чешуйки» 1710 г. и несколько монет от Анны Иоановны до Елизаветы (серебро-медь, в том числе и 1732 г.). Встречались также китайские, турецкие монеты XIX в., монеты Крымского ханства. В разные годы обнаруживались украшения – фибулы (заколки), остатки булавок, пряжек различной формы, поясных наконечников, нашивных бляшек, бронзовых пуговиц с прямоугольными отверстиями, кольца. Возраст этих изделий разными консультантами оценивался от средневековья (возможно даже Тмутараканского княжества) до XIX в. На этом же участке встретилось больше всего остатков стрелкового и холодного оружия, в частности, обнаружен штык винтовки Мосина, подвергшиеся коррозии кинжалы, казачьи пики, драгунская сабля, медные и железные гвозди, а также остатки корпусов судов.

Западнее с. Воронцовка и обрыва пади Глубокой встречены монеты Крымского ханства, бронзовые ножи, элементы упряжи, бронзовые и железные ромбовидные наконечники, в том числе и двухлепестковые наконечники с шипом. На участке берегового обрыва, располагающегося немного западнее ст. Должанской, в пляжевых выбросах обнаруживаются монеты (медь, изредка серебро) от 1856 г. до советского периода. Велика доля находок из литой бронзы, кусков чугуновой и медной посуды, встречаются четырехлапые якоря, форменные пуговицы XIX в.

На берегу открытой части Азовского моря, между ст. Должанской и ст. Камышеватской, в 2001-2003 гг. местными жителями обнаруживались серебряные дирхемы, предположительно азовской чеканки 1200-1300 гг. Медные золотоордынские монеты попадались реже. Между косой Камышеватской и Ясенской Переправой в 2002-2003 гг. среди находок попадались как медные, так и серебряные мелкие золотоордынские монеты.

С фотографиями некоторых монет ознакомился А.З. Аптекарев, научный сотрудник музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, специализирующийся на изучении древних нумизматических находок. По его мнению, в волноприбойной зоне обнаружено большое разнообразие, от Бактрийского и Боспорского царств до средневековых монет, вероятно, из Индии. Он считает, что большую долю занимают варварские подражания западноевропейским дирхемам.

Считаем целесообразным ввести в «краеведческий оборот» сведения об исторических находках в пределах кос Долгой и Камышеватской. Так, специалистами Должанского музея и местными жителями сообщено, что в середине 1960-х гг. при прокладке водопровода от жилых кварталов по ул. Калинина (мыс. Обрыв) до участка берега косы на месте нынешней базы отдыха «Ветерок» вскрыто обширное захоронение. В могилах скелеты располагались в своеобразном положении, которое археологи именуют «скорченный» тип погребения. На рисунке показано местоположение лагуны и ее пересыпи. Сопоставление карт разных лет съемок позволило установить, что только за 1957-1970 гг. линия уреза отступила на 30-40 м, а с 1970 по 2000 гг. еще на 40-50 м. Это означает, что верхняя часть песчаного горизонта давно перемыта морем, но в подстилающих отложениях еще возможно обнаружить хотя бы часть захоронений. Северный фланг лагуны обрамляют литифицированные ракушечные отложения, частично сцементированные карбонатами. Такой облик аккумулятивной толщи пока не встречен на других участках косы, что указывает на отличие фациальных условий их образования и, вероятно, их древность. Выполненное в начале 1980-х гг. радиоуглеродное датирование ракушечной пробы, отобранной в 0,3-0,4 км севернее лагуны, позволило выявить возраст 6050 ± 190 лет. Изучение проб, отобранных в 1-1,5 км западнее и северо-западнее из шурфов глубиной 0,7 м, заложенных в ракушечных валах, показало возраст 1670-2300 лет. Эти датировки позволяют полагать, что песчано-ракушечное обрамление лагуны сформировалось в джеметинскую, а возможно, и в преджеметинскую фазы трансгрессивного подъема уровня Азовского моря.

Рис. Лагуна на восточном прикорневом участке (м. Обрыв) косы Долгой, в пределах пересыпи которой в 1950-1960-е гг. было обнаружено древнее погребение. За период с 1957-1970-е гг. наветренный берег отступил на 25-40 м

При рытье фундаментов и иных земляных работах в станице обнаруживаются и одиночные старинные мусульманские (?) захоронения. Считается, что вплоть до конца XIX в. южнее нынешней станицы располагалось мусульманское поселение в так называемой Таранкиной падине (в настоящее время территория, занимаемая бригадами 2 и 3 АФ «СельхозПромЭкспо»). Этот под (падина) хорошо отрисован на картах издания 1930-1950-х гг., но почти не прослеживается на картах более позднего издания. Вероятно, это объясняется распаханностью территории, влиянием лесозащитных полос и накоплением между ними эоловых выносов.

В собрании артефактов музея ст. Должанской хранятся как монеты Боспорского царства, римской эпохи, так и позднейших времен – Византийской империи, Крымского ханства. Можно предположить, если бы в пределах ст. Должанской осуществлялись регулярные плановые археологические раскопки, древняя история Ейского полуострова была бы освещена гораздо основательнее, чем в настоящее время. Мыс, образуемый южным берегом Таганрогского залива и открытым берегом Азовского моря, преодолевали мореплаватели всех времен, от античности до средневековья. Само собой разумеется, что такой важный в стратегическом отношении участок побережья должен был бы осваиваться оседлым населением – земледельцами, ремесленниками, купцами. Не зря крупный историк И.К. Фоменко располагает в корневой части косы Долгой средневековое городище или торговую факторию латинян, именовавшуюся на портоланах *Tag Magno* [2]. Южнее, у корня Камышеватской косы в тот же период существовало поселение со славянским топонимом *Varandigo*. Непривычное словосочетание не должно вводить в заблуждение, поскольку речь идет лишь о латинской транскрипции существовавшего местного названия, отраженного на средневековых портоланах. Анализируя частоту показа на портоланах трас основных морских перевозок по Азовскому морю, И.К. Фоменко пришел к выводу, что важную роль играли порт или фактория Кабарди (*Sabardi*), чаще на старинных карт показываемый под османским знаменем (на синем поле полумесяц в горизонтальном положении). Однако в отличие от *Tag Magno*, этот порт нанесен не в корневой части косы Долгой, а предположительно на одном из островов в пределах ее оконечности. Интересно отметить, что и на картах XVIII в., в частности, на карте С. Беллина особо выделен большой остров почти в 10 км северо-западнее корня Должанской, в отличие от других остров имевший собственное название – остров Мандай (*I. Mandai*). Изучение карт XIX и XX вв. также подтвердило существование аномально крупного острова северо-западнее оконечности косы Долгой, который был размыт только в послевоенное время. Резонным представляется предположение, что этот остров возник независимо от развития косы Долгой, в процессе формирования палеодельты Дона в фазу нимфейской трансгрессии. По мере подъема уровня дельтовый комплекс был переработан в остров и мог использоваться в эпоху средневековья в качестве одного из центров морской итальянской торговли (предположительно Венецианской республики). Расположение фактории на таком острове позволяло обеспечивать безопасность навигации и отстоя судов, гарантировать колонию от набегов степных народов. Подводные раскопки в этом месте могли бы существенно расширить представление об истории колонизации берегов Ейского полуострова в эпоху средневековья.

Вторым важнейшим портом или факторией являлся Рехо, который то входил в состав Золотой Орды (1421 г.), то становился самостоятельным итальянским портом [2]. И.К. Фоменко размещает его где-то на месте современного с. Шиловка. Разумеется, местоположение итальянского порта в средневековье не имело ничего общего с современной береговой линией. Скорее всего, древний порт находился в 2-3 км мористее. То есть за истекшие столетия морем срезан огромный блок береговых пород, а останки Рехо можно обнаружить под толщей донных отложений.

По сообщениям рыбаков ст. Камышеватской, в 1960 г. при тралении бычка сетью был вытасен из под воды форштевень старинного судна. К сожалению, механическая лебедка не удержала тяжелую конструкцию, и она вновь ушла под воду. Рыбаки успели заметить медную окантовку форштевня с заклепками. находка была обнаружена примерно в 5 км от берега, на траверзе Камышеватского маяка. Среди местных жителей также бытует утверждение, что существует и другое затонувшее судно, примерно на подводном склоне средней части косы. Считается, что сильными и ураганскими штормами на берег с него выносятся медные монеты, отчеканенные, судя по датам, в екатерининскую эпоху.

Представленное описание исторических находок в пляжевых отложениях является лишь небольшой статистической выборкой того объема артефактов, который аккумулируется на морском берегу. Сборы осуществляются практически ежедневно местными жителями, в том числе и рыбаками, спортсменами. Опросы не позволяют составить даже приблизительное представление об объемах обнаруживаемых артефактов. Ясно лишь, что для достоверного и профессионального изучения истории Ейского региона местными властями должна осуществляться поддержка специализированных археологических исследований. Особое значение могут иметь подводные археологические обследования и раскопки.

Библиографический список и примечания

1. Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. , Морской сборник, 1857, № 1.
2. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. М. «Индрик». 2007. С. 396.

*Архивные собрания**Ю.В.Артюхин***СОБРАНИЕ ДОКУМЕНТОВ АЗОВСКОЙ И НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИЙ В СОСТАВЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА**

По просьбе ЕО РОИА В.В.Грибовским были предоставлены реестры дел, относящихся к делопроизводству Азовской и Новороссийской канцелярий и описи документов правителя Екатеринославского наместничества. Документы сведены в 5 файлов. Первый файл, без номера фонда, преимущественно включает материалы Новороссийской губернской канцелярии, располагавшейся в Киеве. В нем рассматриваются отвод, перераспределение земельных наделов, разрешение споров по вопросам использования и наследования земли за период с 1764 по 1782 г. Второй файл, фонд №1453, включает документы Киевского генерал-губернатора, а также Главного командира Новороссийской губернии за 1765-1779 г. Под термином «Главный командир» понимался высокопоставленный воинский начальник, ведавший всеми военными вопросами губернии. В делах этого фонда в основном рассматривались служебные перемещения офицеров из одних полков в другие, воинские преступления (самовольное оставление полков и крепостей, побеги в Польшу, хищение имущества, ссоры), продвижения по службе, награждения. Особое место занимают документы, характеризующие воинские и гражданские потери в результате набегов польских и татарских отрядов, взятие в полон русских людей. Обращают на себя внимание несколько документов, в которых по ордеру князя Потемкина губернатор и главный воинский начальник рассматривали способы материальной компенсации военнослужащим, выходящих из плена, о «прокормлении и приюте графом Потемкиным [так в тексте] малолетних валахов и турок», развитии торговли в замках и воинских гарнизонах (1775 г., д.915, 916, 922) [1]. В частности, Потемкин затребовал сведения о наличии купечества в Кинбурнском замке (1775 г., д.923).

В третий файл включены материалы фонда №428, отражающие деятельность Новороссийской губернской канцелярии за 1765-1784 г. В фонде в основном представлены дела о воинских и гражданских преступлениях на территории губернии. Файл четвертый содержит опись материалов Правителя Екатеринославского наместничества (именно такая формулировка помещена в описи) за 1783 г. Фигурируют разные дела, от жалоб купцов и должностных лиц на непринятие губернскими властями действенных мер по их ходатайствам, до контроля за перемещением воинских грузов и частей между крепостями, назначений отрядов для уничтожения разбойничьих шаек, налаживания почтовой связи, контроля за сохранностью лесов и регулированию его порубок. В пятом файле, наименьшем по объему, помещены материалы, принятые в производство канцелярией в 1775-1777 г. Рассматривались самые разные дела – от разрешений на вырубку леса для починки воинских строений и обозов, до служебных перемещений на губернском уровне, разрешений на проживание в губернии жидов, назначений на важные посты в крепостях и Таганрогском порту должностных лиц. В этот период происходило становление административной системы в пределах завоеванной Россией территории в низовьях Днепра и в междуречье Днестра и Буга. В целях совершенствования управления не раз происходило разъединение и объединение губерний, перемещение губернских канцелярий. Так в 1783 г. осуществлен перевод в Полтаву канцелярий Новороссийской и Азовской губерний (опись делам правителя Екатеринославского наместничества, дело 258).

С точки зрения изучения истории расселения черноморских казаков в Прикубанье – Приазовье, представленные материалы имеют важное значение. Без понимания того, в каких социально-политических и этнических условиях происходила трансформация Запорожского войска невозможно глубоко уяснить причины многих сложных процессов, проявившихся в Кубанской области в конце XVIII – XIX вв.

В помещенной в настоящем сборнике статье С.В. Рябинского отмечается, что в июле 1775 г. Екатерина II издала Указ, о разрушении [новой] Сечи и упразднении Запорожского казачества. К числу причин упразднения казачества упоминались «учиненные Кошем буйства,

грабежи и, наконец, за неповиновение». Многие историки считают, что абсолютизм Екатерины II и дворянской верхушки «не мог ужиться с такой вольнолюбивой окраиной» [2]. Между тем в составе документов архива содержится довольно много сведений о настоящем разгуле казаков в приграничных провинциях Новороссийской губернии.

По всему видно, что местные и губернские гражданские и военные власти не справлялись с контролем за вновь возникшей границей между Российскими губерниями и Крымом, Валахией и Польшей. Не раз рассматривались вопросы об увеличении числа пограничных постов, организации конных и пеших разъездов, патрулей. Тем не менее, неконтролируемое пересечение не только гражданскими лицами «беспашпортными», но и военными служащими, включая младших и даже старших офицеров, с каждым годом возрастало. Временами отмечались случаи грабежа приграничного польского и валахского населения не только разбойниками, но и целыми разбойничьими командами военными служащими. Так, в мае 1768 г. в губернскую канцелярию поступило дело ротмистра Козельского, обвиняемого в принадлежности к грабительской шайке. В 1776-1777 гг. и позже отмечались факты поимок польских шпионов и перехода с турецкой стороны разбойничьих ватаг (д.484, 566). Доходило до того, что даже крупные польские землевладельцы не могли со своими слугами и арендаторами отбиться от нападавших, требуя от российских военных властей присылки войск для охраны.

Значительную роль не только в разбое, но и убийствах обывателей и состоятельных мещан, купцов играли запорожские казаки. В фонде №428, делах 3, 4, 8, 9, 10, 66, 77, 79, 80, 93, 94 (все за 1768 г.), 107, 108, 110, 112 (все за 1769 г.), 115, 139 (все за 1770 г.), содержатся упоминания о сотнях запорожцев, задержанных за грабежи, разбой и убийство. В это время на правобережье Днепра участились случаи возникновения больших шаек гайдамаков, т.е. крестьян, восставших против польских панов. Очень часто запорожцы вливались в гайдамацкие ватаги, грабя, как состоятельные маетки, так и полунищих селян. В 1768-1769 гг. гайдамаки, видимо, причиняли особо большие беспокойства губернским властям, поскольку не раз рассматривались пухлые дела об уничтожении гайдамацких шаек, в частности вблизи Елисаветградской провинции. В фонде №1453, в делах 206 (1769 г.), 227, 228 (1769 г.) содержатся сведения о наказании кнутом и об отсылке на каторгу многих десятков запорожских казаков. Обращает на себя внимание особо объемное дело (опись 8, без номера, за 1764 г.), в котором насчитывается 561 страница документов, содержащих сведения «О разорениях, учиненных отрядами запорожских войск обывателям разных селений, а также о жителях провинции, бежавших в Запорожье». Не менее объемистое собрание документов (409 листов) под общим заголовком «О причинении запорожцами сей губернии жителям притеснениям» содержится в делах Новороссийской губернской канцелярии за 1774 г. (оп.42, д. 312). Некоторых особо «отличившихся» в жестоких преступлениях наказывали «вырезанием ноздр» и ссылали на Нерченские заводы.

Среди преступников время от времени упоминались довольно известные фамилии, например, Ефим Белый был арестован за преступления в 1769 г., Василий Белый в 1770 г., Михаил Белый за убийство в 1774 г. (ф.428, д. 290), а Григорий Белый за подобное же преступление в 1778 г. (ф.1435, д.228). Неизвестно, являлись ли они однофамильцами или родственниками знаменитой семьи Белых, но тень на вождей казачества могла все же падать. Доходило до того, что в 1772-1773 гг. Запорожское войсковое начальство не раз направляло в воинские гауптфахты провинившихся казаков с просьбой об их наказании. В фонде №428, дело 566, содержится многостраничный документ о разбирательстве преступления запорожских казаков Ивана Щербины с товарищами «дерзнувшими при сражении бить запорожского полковника Колпака» (31.01.1773 г-1774 г). Следует напомнить, что полковник Колпак позже, во время сражений под Очаковым, принимал активнейшее участие в боевых действиях. Таким образом, даже небольшая толика документов Новороссийской губернской канцелярии подтверждает тот факт, что содержащиеся в Указе Екатерины обвинения запорожцев в разбоях вовсе не были плодом чиновных наветов. Правда, войсковое правительство пыталось оправдаться. Например, в ф. 428, оп. 278, д. 22, содержатся материалы «По представлению коша войска Запорожского низового о причинении якобы стороною здешней губернии их подчиненным разнобразно обид и грабительств» (01.05-29.04.1774-1775).

Следует к этому добавить, все описываемые события развивались на фоне Пугачевского восстания. Правительство и губернские власти пристально следили за тем, чтобы «зараза» не

перекинулась на Малороссию и Новороссию. В архиве Новороссийской губернской канцелярии за 1774 г. хранится дело 394 (оп.313), в котором Указом Екатерины II предписывалось представлять в Сенат сведения о всех задержанных на территории губернии сообщниках Пугачева.

Ликвидация Новой Запорожской Сечи, видимо, происходила не так быстро, как об этом можно прочесть в некоторых публикациях. Причиной затяжек могли служить попытки запорожцев оправдаться перед верховной властью. Однако, видимо, им это не удалось, на что указывает документ «Подорожные, отобранные в следующих в Москву бывших запорожских старшин» (там же, оп. 104, д. 832). Требовало времени и разбирательство по делу войскового правительства. Возможно, органы дознания пытались отыскать нужные компрометирующие материалы, на что может указывать документ, озаглавленный: «Не состоит ли кто должным кошевому Калнышевскому, судье Головатому и писарю Глобе из полтавских и прочих жителей» (1775, ф. 1452, оп.115, д. 914).

Происходило и перебазирование войск. В архиве Новороссийского губернатора за 1775 г. (месяц и дата неизвестны) помещен документ под заголовком «О препровождении чрез селения Новороссийской губернии следующих с под бывшей Сечи полков» (оп.10, д. 61). О каких войсках идет речь, не совсем понятно, вероятней всего, о командах Новосеченского ретрашемента и иных укреплений по внутреннему периметру коша. После роспуска Новой Запорожской Сечи правительство и губернские власти, хотя и с оглядкой, стали постепенно вовлекать в хозяйственный оборот земли и имущество казаков. В 1775 г. канцелярия губернатора рассмотрела вопрос «О заготовленном департаментом г-на генерал-майора Лопухина в Запорожских местах сене» (архив Новороссийского губернатора, оп. 8, д. 48). В этом же году полковник Петерсон ходатайствовал перед губернатором об отводе «...под постой состоящих в бывшей Сечи старшинских домов» (там же, оп. 12, д. 71). Это же должностное лицо представило в губернскую канцелярию обширный перечень вооружений, боеприпасов бывшего запорожского войска, переданного на хранения в цейхгауз (опись делам Правителя Екатеринославского наместничества, оп. 49). Вскоре вступивший в должность Новороссийского губернатора генерал-майор Муромцев стал практиковать, помимо иных мероприятий, расселение на части бывших запорожских земель арнаутов [3].

С конца 1760 по 1770-е годы большой размах приобрела подделка не только серебряных рублей и более мелких монет, но и медных. Наибольшую активность в этом деле проявляли польские граждане, жидаы (так писано в документах), цыгане и турки. Имело место изготовление фальшивых паспортов и вывоз из России золотых и серебряных монет, что наносило огромный ущерб курсу национальной валюты и, следовательно, экономике края. В ф.1453, д.873, помещен Указ, запрещающий полякам строиться вблизи границы (1768 г.), а в 1774 г. полякам было запрещено въезжать в Новороссийскую губернию (д.790). Но не гнушались провозом монет, изготовленных из олова, гусары, запорожские казаки, некоторые мелкие чиновники.

Однако высокая степень «проницаемости» границы играла и на пользу Российской империи. Властями поощрялся «вывод» с чужих территорий людей, желавших переселиться в Россию. Их проверяли, выдерживали в карантине и приводили в подданство Российской империи. Чем больше должностное лицо, включая офицеров разных полков, официально отпущенных на вывод людей, приводили добровольцев, тем значительней было поощрение губернатора. Особую активность в деле выведения в Россию людей из-за границы проявляли евреи. Они заключали с губернской канцелярией весьма выгодные контракты. Такая их активность и торговая предприимчивость, в конечном счете, способствовали появлению на свет Указа о разрешении евреям проживать в Новороссийской губернии.

Много выходцев из Польши, Турции, Крыма, Греции, Сербии приходило в Новороссийскую губернию самостоятельно. Так, в 1773-1774 г. из Крыма вышла большая партия грузин, находившихся в татарском плену (ф.1453, д.608). В 1769 г. были приведены к присяге и зачислены в гусарский полк выходец из Пруссии Иоганн Ротке, а в Черный гусарский полк - серб Лука Стойков. Встречаются дела, в которых рассматривались вопросы содействия переселения в Россию арнаутов. Встречаются документы, в которых определена национальность переселявшихся. Так, например, армянином и греком отрекомендовались перебежчики, имевшие типично российское имя и фамилию. Некоторых перешедших зачисляли в воинскую службу,

других - в число обывателей или мещан. Кое-кого причисляли к купцам, а иных ссылали в Сибирскую каторгу. В частности, в одном из архивных собраний имеется дело о зачислении в купцы третьей гильдии выходца из «турецкой земли», но «великороссийской породы человека».

В составе описи дел Новороссийской губернской канцелярии и правителя Екатеринославского наместничества содержится множество документов, показывающих идеологию правительства в отношении заселения новых земель. Совершенно очевидно, что имея ясное представление об этнической и социально-политической неустойчивости края, центральные, губернские и провинциальные власти стремились постепенно изменить ситуацию. Прежде всего, требовалось создать опору из крупных землевладельцев и служивого дворянства. Представления об этом дает перечень новых землевладельцев, который приведен, по возможности, наиболее полно. В период с 1775 по 1783 гг. рассмотрены и удовлетворены прошения о выделении крупных земельных наделов таким известным персонам, как вице-канцлеру графу Остерману, генерал-прокурору князю Вяземскому и его супруге, обер-камергеру графу И.И.Шувалову, камергеру фон Лизандеру, камергеру Загряжскому и его супруге, фрейлине двора Ее Императорского Величества Александре, Надежде и Екатерине Энгельгард, генерал-фельдмаршалу и разных орденов кавалеру графу П.А.Румянцеву-Задунайскому (18 тыс. десятин), московскому губернатору графу Чернышову, генерал-аншефу Воейкову и отдельно его жене и дочери, генерал-аншефу, царевичу Георгию Грузинскому (12 тыс. десятин), генерал-аншефу, кавалеру фон Берг, губернатору Языкову, графу К. Разумовскому, графине Скавронской-Броницкой (жена графа Скавронского и дочь коронного гетмана Броницкого), вице-адмиралу Клокачеву, генерал-поручику Каховскому, генерал-поручику Текели, генерал-поручику Ржевскому, генерал-поручику, графу Витгенштейн-Беркенбургскому и его жене, генерал-майору Пищевичу, генерал-майору Каспарову, генерал-майору Безбородко, генерал-майор Томшеву, бригадиру, князю Стратиновичу, бригадиру Колоковцеву, бригадиру Маркову, бригадиру Соймонову, гвардейскому премьер-майору Голицыну, полковнику Балтину, княгине Кудашевой, княгине Гики, барону Мейнаферу, фабриканту М.Поповичу, московскому купцу Наумову и многим другим.

В описях не всегда упоминаются места истребуемой земли. Однако, например, значительная часть сановных просителей размещалась в Херсонском уезде, вероятно, поблизости от строящейся столицы Причерноморья. Адмирал Клокачев предпочел осесть на землях Кинбурнского полуострова, запросив 12 тыс. десятин земли. Для сравнения скажем, что, например для нужд жителей г. Ейска было отведено всего 7,7 тыс. десятин, а станицы Старошербиновской - 49 тыс. десятин. Особый интерес представляет дело №1092 за 1782 г., которое рассматривалось «по предложению губернатора Языкова, в силу повеления Его Светлости князя Г.А. Потемкина об отводе аптекарю Бобрику под поселение земли столько, сколько сей взять согласится». Вероятно, этот аптекарь либо был весьма полезен в налаживании провизорской службы в крае, либо обладал обширными связями при дворе.

В силу известных причин, власти губернии и провинции пристальное внимание уделяли территориям, на которых могли вновь казаки «окопаться», хотя бы небольшими отрядами. В этом отношении стратегическое значение имели острова, зоны плавней. Между 1779-1780 гг. майорше, княгине Баратовой был передан остров «... под развод сада у шанца Мартоношского» (оп. 641, д. 948). Позже, в 1783 г. губернская канцелярия выдала предписание межевой экспедиции отправить землемеров «... для снятия планов, лежащих по Днепру островов, против чьей дачи оные состоят...» (оп.165, д.1486). Примерно в это же время было удовлетворено ходатайство княгини Голицыной о передаче ей во владение трех островов на Днепре. В 1783 г. канцелярией было принято решение об отводе в Крюковском уезде островка, называемого «Бирок», секунд-майору и землемеру Радуловичу «под развод леса» (оп.162, д. 1459).

В документах содержится около десятка упоминаний об ордерах Г. Потемкина, согласно которым он не раз получал весьма значительные земельные наделы. Так, в 1779 г. он ходатайствовал об отводе ему 12 тыс. десятин земли на острове Хортица (опись делам Новороссийской губернии без указаний номера фонда, д.669 оп.33). По другим ордерам он ходатайствовал о выделении участков от 3 до 12 тыс. десятин, а в 1783-1784 гг.- земель с лесами «Чути и Черного, Нерубай». Вполне возможно, что эти земельные участки оформлялись на него для быстреего основания ключевых редутов, верфей, слобод и городов, а земли с лесами – в целях сохранения стратегически

важных для построения флота лесных ресурсов. Однако несомненно, что присутствовал и частный интерес. Но не забывая собственные имущественные притязания, Г. Потемкин многократно ходатайствовал перед губернией о выделении земельных наделов многим офицерам, состоящим на действительной службе – от прапорщиков до майоров и генералов. Основную же массу земельных дел составляют ходатайства отставных офицеров и чиновников, которые получали для собственных нужд или переселения до 20-30 крестьянских дворов, от 500-700 десятин до 4-5 тыс. десятин земли. Так постепенно формировалась имущественная инфраструктура как на вновь завоеванных землях, так и на прежних землях «нового» Запорожского войска.

Интересно, что после упразднения Новой Сечи вожди бывшего Запорожского войска стали обращаться в губернскую канцелярию об отводе им во владение собственных земель. Так, в 1782 г. секунд-майор Сидор Белый ходатайствовал об отводе ему 1,5 тыс. десятин земли (д. 1173). Судя по всему, положительный результат этого дела способствовал новому прошению. В 1783 г. он потребовал «о формальном отмежевании ему земли взамен утерянного Славянской провинциальной канцелярией данного было ему билета» (оп. 151, д. 1369). Одновременно подобные же ходатайства подавали и другие старшины. В оп. 136, д. 1261 фигурируют документы о требовании формального отмежевания отведенной ему земли непоименованный казак «бывшей Сечи Запорожской».

Канцелярии всех уровней придавали особое значение документам и новостям, поступающим из правительства и окружения царицы. В делах встречается уведомление о благополучном разрешении от бремени супруги царевича Павла. Но, видимо, особое потрясение вызвало дело «По доносу рядового Литкина [на купца Чебунина и мещанина Черникова, оскорбивших Екатерину II] (05.12-07.05.1783-1784)» (ф. 428, оп. 573, д. 5). Не известно, чем для подозреваемых закончилось разбирательство, но, судя по его объему (45л.), оно велось обстоятельно и неспешно.

Важной задачей администрации как провинции, так и губерний являлись не только защита, но и хозяйственное обустройство территории, обеспечение спокойной жизни крестьянам и обывателям, мещанам и купцам. Неоднократно рассматривались дела о лесонасаждении, борьбе с саранчой и заразными болезнями, устройстве на ключевых участках карантинных, обеспеченных необходимыми припасами (прежде всего укусом) для предотвращения эпидемий. Замечательным представляется документ Новороссийского губернатора (номера фонда нет) за 1775 г., который содержит «Меморию» Азовской губернии с донесением «о прошедших мимо за майскую треть того войска Донского пять полков без всяких обывателям обид» (д. 403). В деле 406 помещен рапорт капитана Константинова, сообщавшего «о переходе пятисотой команды через Мариуполь в Захарьевскую крепость без всяких жителям ниже малейших обид».

В составе документов, упоминаемых архивных дел, встречаются и знакомые для жителей Ейского региона персоны. Так, например, в 1781 г. было оформлено распоряжение Кизикерменской пограничной таможни «...о пропуске следовавшего в Крым с отпущенными из поручений канцелярии оружейными и прочими вещами крымского хана Шагин-гирея... без взятия пошлин» (опись дел Новороссийской губернской канцелярии без номера фонда, д. 903). Содержатся некоторые сведения и о деятельности подполковника Ляшкевича. В документах Екатеринославского наместничества (без номера фонда) в деле №133, есть запись: «По рапорту Азовской губернской канцелярии, изыскающим происхождение при Кубани по донесению тамошнего начальника майора Полторацкого о письмах к нему, а равно и подполковнику Лешкевичу» (1783 г.). В этом же архиве, в деле №501, содержатся 44 страницы документов под общим заголовком: «Рапорты подполковника и кавалера Лешкевича о разных происшествиях в Кубанском крае». Этот документ помещен в общую подборку за 1783 г. Следует заметить, что фамилия подполковника в одном случае написано через «я», в другом через «е», хотя каковым было подлинное написание фамилии в документах - нам не известно.

Приведенные описания документов лишь на самом общем уровне характеризуют социально-политическую и этническую обстановку в западном регионе страны, где происходило становление и трансформация Запорожского войска. Они призваны дать лишь ориентировку для будущих архивных изысканий. Изучение подлинных документов, как нам представляется, позволит существенно дополнить, а возможно, и открыть новые страницы ранних этапов истории

становления Коша «верных» казаков, социально-политической обстановки в Азовской губернии, южная граница которой в 1774 г. проходила по р. Ея, а к 1777 г. уже стремительно смещалась в сторону крепости Копыл и Таманского полуострова.

Библиографический список и примечания

1. Помещенный в настоящей статье краткий обзор документов предназначен для того, чтобы проинформировать местных краеведов о тематике архивных собраний Днепропетровского фонда. Приводимые в круглых скобках ссылки на номера фондов, дел и описей отражают лишь ту информацию, которая помещена в использованных электронных файлах. Насколько соответствует эта нумерация архивной номенклатуре, автору неизвестно. Именно поэтому номера фондов и дел не показываются в общем библиографическом списке, а вкратце перечисляются в круглых скобках по тексту.

2. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев. 1956. 416 с.

3. Арнауты – это албанцы, исповедовавшие христианство, за что жестоко преследовались османами.

Н.Б. Родионова

**ДОКУМЕНТЫ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ЕЙСКА В СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИИ
АРХИВНОГО ОТДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЕЙСКИЙ РАЙОН**

Прошлое тысячами нитей связано с настоящим. Исторические документы являются опорными в работе по сохранению и приумножению историко – культурного наследия. Ейские архивисты не только собирают документальную историю, обеспечивают ее сохранность, но и делают все возможное, чтобы сокровищница знаний о прошлом, заключенная в архивных фондах, полнее и глубже раскрыла свои тайны перед земляками. Коллективу архивного отдела администрации муниципального образования Ейский район с начала третьего тысячелетия удалось собрать уникальную коллекцию документов по дореволюционной истории города Ейска, обзору которой и посвящена данная статья.

Черномория и Ставропольская губерния к середине XIX века стали остро нуждаться в коммерческом порте для вывоза сельскохозяйственной продукции. Существующие порты Ростов и Новороссийск не соответствовали требованиям времени. Косы Очаковская, Ейская, Долгая, Камышеватская, пос. Ахтарский, г. Темрюк, Тамань на северо-восточном и восточном берегах Азовского моря были вполне пригодны для строительства при них торговых пристаней. После рассмотрения результатов обследования местности у Ейской косы 30 августа 1847г. временно командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии Н.С. Заводовский подал наместнику Кавказскому рапорт. В этом документе он отметил, что находит выгодным учреждение торговой пристани у Ейской косы. Для утверждения торговли на новом месте необходимо при порте иметь население как можно более коммерческое и промышленное, поэтому лучше с открытием пристани устроить при Ейской косе не станицу, а торговый город. Вопросы о поиске места для организации торгового порта и города Ейска отражены в материалах дела «Об учреждении пристани при Очаковской или Ейской косе. 1846-1848гг.» [Ф. 271 Оп. 1 Д.1804].

Некоторые аспекты основания города Ейска раскрываются в материалах дел: «Указ об основании г. Ейска» [Ф.315 Оп. 1 Д.269], «Переписка с командующим войсками на Кавказской линии о внесении в смету расходов Черноморского войска 10 тыс. рублей на устройство портового г. Ейска 1851-1852гг.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2875].

Деятельность Ейского порта в дореволюционный период затрагивают материалы дел: «Об изменении пароходного сообщения 1866г.» [Ф. 452 Оп. 1 Д.2027], «Об учреждении портовой полиции в г. Ейске. 1912г.» [Ф. 449 Оп. 2 Д.995]. В этих делах имеются сведения о численности рабочих в период навигации (около 350 человек), возрастании грузооборота с 10415925 до 22216639 пудов с 1908 до 1910гг. и движении судов по Ейскому порту за означенный период, что требовало учреждения портовой полиции.

Управлению портового города Ейска во второй половине XIX века посвящены дела: «Правила для устройства и управления портового г. Ейска. 1848г.» [Ф. 449 Оп. 2 Д.1601], «Об устройстве и управлении г. Ейска. 1850-1851гг.» [Ф. 290 Оп. 1 Д.1941], «Сведения о состоянии г. Ейска, составе и деятельности окружных учреждений. 1851г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.1969] «Об отчетах по устройству и управлению Ейска, О Ейской городской Ратуше. 1855г.» [Ф. 252 Оп. 1 Д.1907], «Об упразднении в г. Ейске должности начальника порта г. Ейска» [Ф. 452 Оп. 1 Д.338]. Правила для устройства и управления портового г.Ейска приняты наместником Кавказским М.С.Воронцовым 24 сентября 1848г. В них определялся «порядок работы и обязанности Начальств по населению и устройству города, охране в нем торговли и промышленности, приему и употреблению сумм, разбору и производству дел, определению и увольнению чинов городского Управления, их отчетности и ответственности. Исполнение дел по судебной и хозяйственной частям возлагалось на Начальника порта, временно до учреждения Ратуши». В названных документах раскрывается особенность г.Ейска - наличие в штате управления города с 1848 по 1865г. должности начальника портового г.Ейска. Эта должность была введена императором Николаем I в указе об основании г.Ейска от 6 марта 1848г. для скорейшего решения дел с обустройством города и порта. Первым

начальником портового г.Ейска был есаул Е.И.Литевский. В 1860г. императором Александром II было утверждено “Положение о хозяйственном и судебном управлении портового города Ейска”. Для управления хозяйственной частью учреждалась городская дума. Были определены ее права и обязанности, но ее взаимоотношения с начальником портового города Ейска раскрыты не были. Начались противоречия между ними, для их устранения наместник Кавказский в 1865г. упразднил должность начальника портового г.Ейска. В Ейске в 1874г. в числе немногих кубанских городов было введено городского общественного управления. Оно помогло ейчанам решить многие хозяйственные и социальные вопросы. Так, именно благодаря его деятельности за городом удалось сохранить выгонную землю.

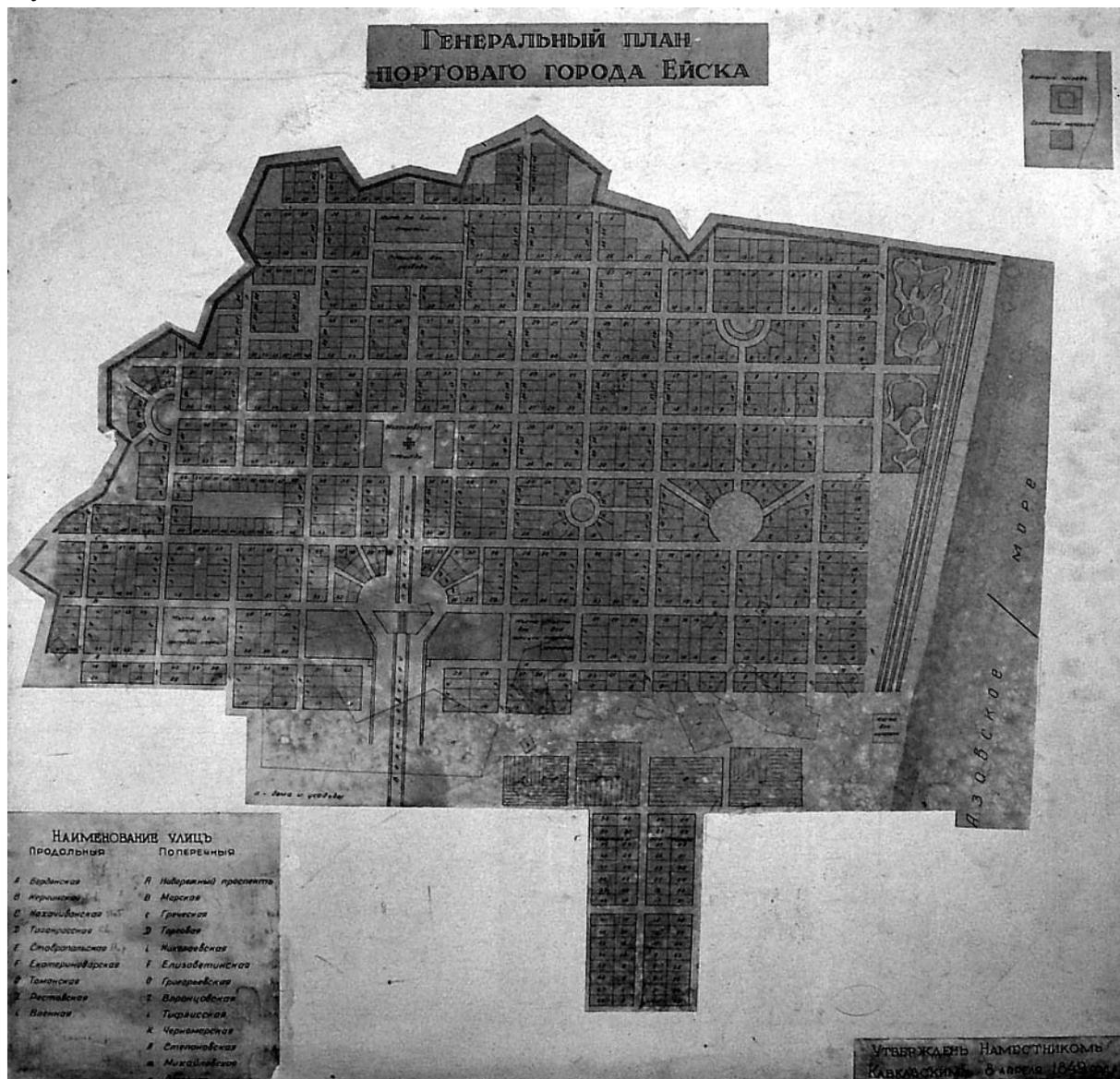

Здание Городской думы и управы. Начало XX в.

Проблеме необходимости усиления пожарной команды в середине XIX века посвящены материалы дела «Рапорты начальника портового г. Ейска о снабжении города пожарными инструментами, усилении полицейской команды. 1849-1853гг.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2871]. В данном документе, в частности, определено, что наместник Кавказский своим предписанием от 14 августа 1851г. для предупреждения в городе Ейске несчастных случаев от пожара, с учетом преобладания в нем деревянных построек учредил при полицейском управлении пожарную часть. В 1857г. Ейская пожарная команда обособилась. Тогда она состояла из одного брандмейстера и 15 рядовых. Все они были из казаков Кубанского войска.

Первоначальной застройке города Ейска посвящены материалы дел: «Обследование местности для распланирования учрежденного портового г. Ейска. 1848г.» [Ф. 574 Оп. 1 Д.177], «О числе выстроенных в г. Ейске построек от основания (1848-1851гг.)» [Ф. 290 Оп. 1 Д.1940]. В документах представлены материалы о первоначальной распланировке вновь учреждаемого портового города, ведомость о частных постройках возведенных в г.Ейске от основания до января 1851г.с указанием имен, сословной принадлежности их владельца, адреса расположения,

этажности, количества окон по фасаду и материала из которого выполнено строение. Архивный документ представляет исследователю 24 варианта фасадов ворот и заборов каменных и деревянных глухих и решетчатых с личной подписью первого архитектора города Ейска Ивана Жуковского.

План г. Ейска 1849 г.

Вопросы причисления в городское сословие города Ейска представлены в делах: «Списки лиц, зачисленных в купеческое сословие г. Ейска и сведения о денежных сборах с приписанных к городу. 1855г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.1941], «Прошение о зачислении в мещанское сословие г. Ейска. 1908г.» [Ф. 449 Оп. 2 Д.1823], «Именные списки раскольников, принадлежащих к Ейскому обществу за 1870г. «[Ф. 454 Оп. 7 Д. 17], «Прошение казачки на имя императрицы Александры Федоровны о возврате ей с мужем имущества, проданного с аукциона за долг купцу г. Ейска» [Ф. 449 Оп. 2 Д.1822].

Город Ейск находился в окружении казачьих станиц, рядом с которыми были две немецкие колонии – Михельсталь (ныне село Воронцовка) и Александровская (ныне село Александровка). Отдельные вопросы основания данных немецких колоний исследователь может рассмотреть по архивным делам: «О 30 семействах колонистов, переселившихся из Воронежской губернии

на землю Черноморского казачьего войска. 1858г.» [Ф. 252 Оп. 1 Д.2398], «Об отводе земли Родендорфским колонистам на Широкой балке между городом Ейском и станицей Должанской при Азовском море 1852г.» [Ф. 252 Оп. 1 Д.1419], «О колонистах, переселившихся возле портового г. Ейска. 1853-1868гг.» [Ф. 252 Оп. 1 Д.1583], «Об установлении наблюдения за немецкими колониями. 1914-1917гг.» [Ф. 454 Оп. 1 Д.5834], «Отведение места под вновь учреждаемую немецкую колонию близ г. Ейска. 1852-1862гг.» [Ф. 574 Оп. 1 Д.221], «Поселение колонистов близ г. Ейска. 1863-1864гг.» [Ф. 574 Оп. 1 Д.291].

Ейск был основан для осуществления торговли Кавказского края с внешним миром. На Азовском море Ейск был центром по вывозу сельскохозяйственного сырья, особенно зерна, в российские порты и за границу. На двух ейских ярмарках (Николаевской и Семеновской) осуществлялась торговля города с близлежащими населенными пунктами. Основным товаром вы ярмарочной и морской торговле был зерновой хлеб. Из станиц на ярмарку в Ейск стекалось огромное количество фур с зерном, и что примечательно, этот товар всегда полностью продавался. Кубанское зерно, особенно пшеница сорта "Гарновка" всегда пользовалось спросом на внутреннем и внешнем рынке. Кроме хлеба на ярмарках можно было приобрести другую сельхозпродукцию, а также галантерейные, мануфактурные, ремесленные товары ейского, неместного отечественного и импортного производства. Основой торговой функции города была морская торговля. Торговый порт был ядром вокруг которого кристаллизировался город. Около порта, одновременно с ним, рождался, рос и развивался Ейск, живущий деятельностью порта и тяготеющий к нему. Торговая жизнь, возникнув на причалах, продолжалась в конторах, на складах, в банках. Элементы торговой функции города Ейска раскрыты в архивных делах: «Таможенная книга заставы, о заграничной торговле. 1852г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2007], «Ведомости о лицах, зачисленных на жительство в г. Ейск, о ходе торговли через Ейский порт за 1856г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2176], «О торговой полиции г. Ейска. 1881г.» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 8067], «Ведомости оборота ярмарочной торговли г. Ейска. 1861-1866гг.» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 2179], «О ценах на предметы продовольствия в г. Ейске в 1888г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д. 3358], «О времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные, праздничные и табельные дни» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 8270], «О зерновом хлебе: количество, цены. 1891г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д.950]

Решение различного рода насущных дел города в рамках работы городской думы отражено в важнейших документах, отражающих деятельность городского управления - журналах Ейской городской думы помещенных в архивных делах: «Рапорт Ейской городской думы о деятельности Ейского порта, училищ, предоставлении экспонатов на сельскохозяйственную выставку. 1862-1863гг.» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 115], «Разные вопросы Ейской городской управы. 1882-1883гг.» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 8093], «Рапорты Ейского городского головы о созыве городской думы и решения заседаний думы. 1877г. [Ф. 454 Оп. 7 Д.1115] , «Рапорты Ейской городской думы об отдаче с подряда содержание в г. Ейске почты в 1875г.» [Ф. 449 Оп. 2 Д.1559] «Журналы Ейской городской думы, рапорты Ейского городского головы о порядке торговли зерновым хлебом в городе. 1885-1888г.» [Ф. 454 Оп. 7 Д.102]

Одними из наиболее ценных исторических источников по истории города Ейска являются годовые отчеты, к такого рода документам относятся: «Годовой отчет о г. Ейске за 1852г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2026], «Годовой отчет о г. Ейске за 1853г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2087], «Годовой отчет по портовому г. Ейску за 1854г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2147], 1856г. [Ф. 249 Оп. 1 Д.2229], «Годовой отчет по г. Ейску. 1860-1861гг.» [Ф. 452 Оп. 1 Д.26], «Отчеты о состоянии г. Ейска. 1862г.» [Ф. 452 Оп. 1 Д.113], «Отчет о состоянии г. Ейска за 1870г.» [Ф. 454 Оп. 7 Д.232], «Переписка о составлении отчета за 1903г. Годовой отчет по г. Ейску за 1903г.» [Ф. 452 Оп. 2 Д.1640], «Доходы и расходы г. Ейска за 1872г.» [Ф. 452 Оп. 1 Д.2116], «Доходы и расходы г. Ейска. 1866г.» [Ф. 452 Оп. 2 Д.2116], «Доходы и расходы г. Ейска за 1889г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д.3370], «Доходы и расходы г. Ейска за 1888г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д.232]. В данных документах представлены сведения о численности населения по половому, сословному и религиозному признакам, «обустройству и управлению города, состояние народного здоровья и нравственности, судоходство и движение торговли при Ейском порте, состояние внутренней торговли и промышленности, доходная и расходная часть бюджета города».

Статистические сведения о городских поселениях в Кубанской области представлены в материалах документов «Материалы к статистическому годовому отчету о состоянии области и

войска в 1.01.1909г.» [Ф. 454 Оп. 1 Д.2951], «О собрании статистических сведений о городских поселениях в Кубанской области. 1864-1865гг.» [Ф. 452 Оп. 1 Д. 2029], «Ейск и Ейский отдел 1910г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д.4675].

Документы об отводе земли ейчанам для различных хозяйственных нужд представлены в архивных делах: «Рапорты, прошения и переписка об отводе жителям г. Ейска участков земли для разведения садов. 1850-1858гг.» [Ф. 249 Оп. 1 Д.2874], «Прошение наказного атамана Рашпиля об отводе войсковой земли для выгона скота жителей г. Ейска. 1849-1867гг., Об отводе земли жителям г. Ейска в оброчное содержание. 1853-1855гг.» [Ф. 574 Оп. 1 Д.232].

Значительную роль в общественной жизни Кубани играли учебные заведения. Они были очагами культуры, подчас единственными, в них была сосредоточена общественная жизнь, шло становление духовного мира молодых людей. С 1843 по 1860 год на Кубани отмечалась стабилизация в системе просвещения. Медленно, но шло открытие новых школ. Значительную роль в этом сыграл наказной атаман Г.А.Рашпиль. В 1853г. в Ейске было открыто 2-х классное приходское училище для начального обучения юношей. В нем было учителей – 2 чел., учащихся – 105. В 1864г. царское правительство утвердило положение о начальных народных училищах. К 1905г. в Кубанской области было уже 504 школы, в 1913г. функционировало 4 мужских, 7 женских гимназий, 3 реальных училища, 1 коммерческое училище, 4 мужских прогимназии. Деятельность образовательных учреждений города представлена в документах: «Введение в Ейском уездном училище преподавания дополнительных предметов. 1866г.» [Ф. 249 Оп. 1 Д. 2562], «О переводе Войсковой гимназии Кубанского войска из Екатеринодара в г. Ейск. 1860-1862гг.» [Ф. 252 Оп. 1 Д. 92], «Открытие в г. Ейске реального училища, двух одноклассных училищ. 1879-1880гг.» [Ф. 454 Оп. 2 Д. 4532], «Об открытии в г. Ейске реального училища и женской 4-х классной гимназии. 1875-1879гг.» [Ф. 454 Оп. 7 Д. 644], «О разрешении Ирине Шамраевой открыть в г. Ейске частное учебное заведение для детей женского пола. 1882-1890гг.» [Ф. 470 Оп. 2 Д.826], «Об открытии в г. Ейске начальной церковно-приходской мужской школы. 1875г.» [Ф. 470 Оп. 2 Д. 474], «О переводе Войсковой гимназии Кубанского войска из Екатеринодара в г. Ейск. 1860-1862гг.» [Ф. 252 Оп. 2 Д.92], «О найме дома Чеботарева под мужскую прогимназию. 1914-1916гг.» [Ф. 637 Оп. 1 Д. 38], «О преобразовании мужской прогимназии в гимназию. 1915г.» [Ф. 637 Оп. 1 Д. 37], «О пожаре в женском начальном училище. 1914г.» [Ф. 637 Оп. 1 Д. 19]. Одной из самых сложных проблем в истории г.Ейска было развитие художественной культуры. Исключением является деятельность общества любителей изящных искусств и музыкального певческого общества. С 1903г. по 1908г. существовало общество любителей изящных искусств. Сферой деятельности общества были музыка, драматическое искусство, поэзия, художественное чтение, живопись, пластика. В августе 1910г. возникло в городе по инициативе местного историка, краеведа Г.А. Лекторского музыкальное певческое общество. Отдельные аспекты социокультурные развития города отражены в документах: «Об организации общественного клуба в г. Ейске. 1873-1874гг.» [Ф. 454 Оп. 7 Д. 328], «Прошение купца Чернокалова о разрешении открыть ему книжную лавку в г. Ейске. 1878г.» [Ф. 454 Оп. 7 Д. 1292], «О праздновании городом 19.02.1880г. в память о 25-летию царствования государя императора» [Ф. 637 Оп. 1 Д.6], «Городской общественный клуб. 1898-1904гг.» [Ф. 454 Оп. 2 Д. 3775], «Об образовании, типографиях и т.д. Ревизские сказки. 1893-1902гг.» [Ф. 460 Оп. 1 Д. 188], «Открытие в г. Ейске кружка любителей музыки. 1892г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д. 2332], «Учреждение в г. Ейске общества любителей изящных искусств. 1902-1903гг.» [Ф. 454 Оп. 2 Д. 3681], «Отчет наблюдающего за типографиями. 1904г.» [Ф. 454 Оп. 2 Д.6025], «Разрешение издания в г. Ейске газеты «Ейский Телеграф». 1909г.» [Ф. 454 Оп. 1 Д.6184], «Разрешение издания в г. Ейске газеты «Ейский Вестник». [Ф. 454 Оп. 1 Д.5943]. Одним из наиболее значимых для развития города этапов стало строительство железнодорожной ветви Ейск – Сосыка. Данное событие отражено в документе «Строительство железной дороги начало XX в. (1909-1911гг.)» [Ф. 637 Оп. 1 Д.12]. В нем отражена необходимость строительства Ейской железной дороги, мероприятия городских властей по решению этого вопроса, определено значение железной дороги Ейск-Сосыка для экономики города после ее введения в эксплуатацию в 1911г.

В начале XX века в России все чаще стали говорить о преимуществах электрической энергии. Для проведения всех необходимых работ городские власти заключили договор с

Всеобщей компанией электричества, собственником электростанции стал город, а не частное лицо. В 1912г. в Ейске появилось электроосвещение. Однако, это коснулось в основном лишь центральных улиц, городских учреждений и домов очень состоятельных людей. Вопрос об организации электроосвещения в г.Ейске отражен в деле «Об устройстве в г. Ейске электроосвещения 1909-1911гг.» [Ф. 637 Оп. 1 Д.13].

Некоторые изменения, произошедшие в развитии города в период Первой Мировой войны отражены в архивных делах: «Дело с циркулярами и распоряжениями по мобилизации. 1902-1916гг.» [Ф. 637 Оп. 1 Д.10], « Об организации Ейского городского комитета по оказанию помощи семьям, призванных в армию граждан. 1914г.» [Ф. 637 Оп. 1 Д.34].

Архивный отдел администрации муниципального образования Ейский район в своей коллекции имеет документы личного происхождения - фонды Половинкина, Борисовского, Меркурьева, Котенко, Малкиной и др. В них широко представлен краеведческий анализ ейских исторических событий досоветского и советского времени.

Архив – неперенный спутник государственности любого народа. Сохранение любой культуры начинается с бережного отношения к документам, которые, по истечении некоторого времени, непременно обретают статус исторических документов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амельченко Владимир Максимович - член ЕО РОИА

Артюхин Юрий Владимирович – старший научный сотрудник, кандидат географических наук, главный специалист ООО НПЦ «Берегозащита».

Блануца Юрий Владимирович – председатель Ейского отделения РОИА.

Гальченко Олег Викторович – преподаватель истории, член ЕО РОИА.

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, исполнительный директор Института общественных исследований, г. Днепропетровск, Украина.

Крыкбаев Тимур Русланович – член РОИА.

Масловский Андрей Николаевич – старший научный сотрудник Азовского музея-заповедника.

Мясникова Лидия Алексеевна – начальник архивного отдела администрации муниципального образования Ейский район.

Найденова Ирина Александровна – научный сотрудник Ейского историко-краеведческого музея, член ЕО РОИА.

Соловьев Виктор Александрович – историк – краевед (Краснодар).

Родионова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Ейского филиала СГУТиКД, член ЕО РОИА.

Рябинский Сергей Владимирович – заместитель атамана Черноморского казачьего войска (Приднестровье).

Федотова Татьяна Александровна – научный сотрудник Азовского музея-заповедника.

Филонова Надежда Яковлевна – преподаватель истории, член ЕО РОИА.

Шлыков Николай Николаевич – зам. атамана ЕРКО по культуре, член РОИА.